

ЗАРИФА АЛИЕВА

Тусейнбала
Миралалов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Зарифа Алиева (1923–1985) была женой Гейдара Алиева — первого секретаря ЦК компартии (с 1993 президент) Азербайджана и матерью Ильхама Алиева — действующего президента республики, но не только этим она знаменита, и не за это была любима и уважаема в своей стране всеми — от простых рабочих и служащих до партийных и государственных деятелей, научной и творческой интеллигенции. Вся ее жизнь была посвящена служению людям: выдающийся врач-офтальмолог, доктор медицинских наук, академик, блестящий ученый — и в то же время чуткий и заботливый педагог, наставник, мудрый руководитель. Рассказ о жизненном пути этой замечательной женщины построен на архивных материалах, воспоминаниях близко знавших ее людей и дополнен фотографиями, помогающими полнее раскрыть образ героини.

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Гусейнбала МИРАЛАМОВ](#)
 -
 -
 - [НАЧАЛО ДАСТАНА\[1\]](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)

- [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Основные даты жизни и деятельности](#)
 -
 - [Литература](#)
 - [INFO](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1455

(1255)

Гусейнбала МИРАЛАМОВ

ЗАРИФА АЛИЕВА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Мираламов Г. Ф., 2010
© Издательство АО «Молодая гвардия,
художественное оформление, 2010

*Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови,
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви...*

Поликсена Соловьева

НАЧАЛО ДАСТАНА ^[1]

Когда произошла встреча Зарифы ханум с молодым Гейдаром Алиевым, офицером госбезопасности, ей было двадцать пять лет...

В далеком нахчыванском селе Шахтахты — исток ее биографии: 28 апреля 1923 года, в день советизации Азербайджана (что можно истолковать и как символическое совпадение) появилась она на свет. Дальше — школа, Азербайджанский государственный медицинский институт имени Н. Нариманова (который некогда возглавлял ее отец), Москва, Институт усовершенствования врачей.

Знакомство, предопределившее личную судьбу талантливого ученого-медика и будущего выдающегося государственного деятеля, состоялось в 1948 году. Именно тогда затеплилось в молодых сердцах чувство взаимной симпатии, переросшее в большую легендарную любовь. И главное здесь то, что потаенная «алхимия» этой симпатии творилась под влиянием огромного обаяния, каким сполна были наделены они оба, — обаяния ума, таланта и нравственной чистоты. Не материальная выгода, не расчет соединили их — между ними протянулась духовно-сердечная нить, ее они хранили всю жизнь и ею, верю, соединены на Небесах.

Листая страницы биографии этой удивительной женщины, невольно вспоминаешь знаменитые строки из первой главы романа Достоевского «Идиот», где князь Мышкин размышляет над портретом Настасьи Филипповны, увиденной им впервые. Действительно, красота — великая сила, способная мир перевернуть, но при том единственном условии, которое обозначает князь: «И вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» В образе нашей героини гармонически сочетались красота внешняя и внутренняя, что в полной мере проявлялось в каждом ее поступке и побуждении, в отношении к миру и людям...

*

В конце своего жизненного пути Гейдар Алиев признается дочери Севиль, что, если бы не встретил ее мать, никогда бы не женился.

Встреча, зарождение любви — известный с древности сюжет. Продолжим же его, обогатив переживаниями и воспоминаниями

современников героини, оставляя автору скромную роль комментатора событий.

1948 год. Молодой офицер контрразведки Гейдар Алиев отправляется на учебу в Ленинград. Зарифа ханум в Москве совершенствуется как врач-офтальмолог. Азиз Алиев, отец Зарифы, уже признанный государственный руководитель, учится в Академии общественных наук и работает в ЦК компартии Азербайджана. Будущее рисовалось в радужных тонах. Страна жила, озаренная светом Великой Победы. Стареющий вождь на очередном партсъезде произнес оптимистичные слова: «Жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи!» Действительно, нельзя не сказать о естественном воодушевлении и энтузиазме людей, вернувшихся с полей брани, в смертельной схватке раздавивших фашизм, истосковавшихся по мирному труду, по родным очагам и стремившихся залечить раны, нанесенные войной, возродить из руин и пепелищ родные города и веси.

Но режим еще покажет свое лицо. Природа системы не изменилась. Она скажется и на судьбах молодых людей, на судьбе Зарифы Алиевой, на судьбе ее избранника, имя которого войдет в историю Азербайджана. Но все это будет после.

А пока — впереди война...

Глава первая

ГИППОКРАТ И ОФТАЛЬМОЛОГИЯ

...Посвящу все знания и силы защите и улучшению здоровья, исцелению людей и предупреждению болезней, буду трудиться честно и достойно во благо общества, где бы я ни находился;

..в случаях, когда этого требуют интересы больного, буду обращаться за советом к товарищам по профессии и сам буду всегда готов дать совет и оказать помощь коллегам.

Из «Клятвы Гиппократ»

...Нападение нацистской Германии на Советский Союз положило конец радостям мирной жизни, опрокинуло мечты и планы юной Зарифы, множества ее сверстниц и сверстников. Чуть ли не все бакинские школы, здания вузов и общежитий превратились в военные госпитали. В тыловых госпиталях республики лечилось свыше миллиона раненых бойцов, из них семьдесят процентов вновь вернулись на фронт.

Доктор исторических наук, профессор Пюстаханум Азизбекова в своих воспоминаниях отмечала, что в годы войны они с Зарифой Алиевой часто навещали раненых в госпитале, размещавшемся в тогдашнем здании Азгосуниверситета на Коммунистической улице (ныне здесь находится Экономический университет, а улица носит название «Истиглалиет» — «Независимость»).

«Мы взяли шефство над одной палатой, — вспоминает Пюстаханум Азизбекова. — Зарифа быстро освоилась с обстановкой, до того неведомой нам. И только сейчас я понимаю, сколько сил и воли требовалось девочке-школьнице, чтобы ухаживать за ранеными, не чураясь самой черной работы...

Наша палата не выходит из памяти. У окна лежал летчик с обожженным лицом, весь переломанный. Он отказывался от пищи, почти не открывал глаз. Был совершенно безразличен к происходящему вокруг. Всякий раз Зарифа большую часть времени проводила у его койки,

расспрашивала о семье, ему первому сообщала хорошие вести с фронта. Узнала, что у раненого летчика есть дочка нашего возраста. Чтобы не опечалить родных, летчик не оповестил их о своей участи. Но через некоторое время оттаял душой, все же продиктовал Зарифе свое первое письмо, и мы незамедлительно бросили его в почтовый ящик. Таким образом, Зарифа взяла на себя еще одну обязанность: писала письма под диктовку раненых и отправляла их родным.

Однажды по дороге домой, уже спустившись по Коммунистической и свернув на улицу Зевина, мы вдруг увидели молодую красивую женщину. Держалась она как-то неестественно прямо, вскинув голову, продвигаясь вдоль стены осторожными шагами. Зарифа замерла, дрожащими руками ухватилась за меня: “Видела? Видела? Она слепая”. И тихо добавила немного погодя: “Знаешь, я давно подумываю стать врачом. Ведь у нас все врачи — и папа, и мама, и старшая сестра, и Тамерлан. Я решила стать глазным врачом. А теперь, думаю, жизнь поставила окончательную точку под моим решением: я хочу возвращать людям самое важное, самое незаменимое благо — свет.” Об этом намерении, об этой мечте, поселившейся в сердце, Зарифа потом не раз говорила при мне.

Начались госэкзамены. Волновались и отличники, и учившиеся не ахти как. Экзамен для всех экзамен. Отвечая на вопросы, Зарифа чувствовала, как светлеет лицо профессора Умнисы Мусабековой. Молодая студентка так подробно, обстоятельно и с увлечением говорила о различных глазных болезнях, их лечении и профилактике, словно долгое время практиковала в этой области и накопила опыт.

После экзаменов профессор подозвала Зарифу. “Врач — вообще прекрасная, благородная профессия, — сказала она. — Но есть благороднейшая из медицинских наук — офтальмология. Я хочу, чтобы ты стала офтальмологом”.

Пожелание профессора совпадало с ее чаяниями. С давних пор девушка сама задумывалась о том, какое это счастье — видеть землю, небо, природу во всем ее многоцветном великолепии. Закрыв глаза, она пыталась представить, войти в состояние человека, потерявшего зрение, — и тогда жизнь рисовалась ей невыносимо тоскливой. Вспоминала слепого старика, которого ежедневно видела на улице неподалеку от дома: постукивая палкой, он с трудом нащупывал путь. Она была мала, и ей было жаль старика. Отделившись от шумных подруг, долго провожала его сочувственным взглядом, беззаботная улыбка сходила с лица, сменяясь тенью печали.

Под влиянием подобных впечатлений тех далеких лет взошли в ее

юном сердце ростки милосердия, способности отзываться на чужую боль и беду. Впоследствии, когда она, надев белый халат, посвятила свою жизнь спасению здоровья людей, эта врожденная отзывчивость помогала наводить душевные мосты с больными, без чего немислим настоящий врач. И пациенты мгновенно ощущали сочувствие этой молодой девушки к их горестям, проникались доверием к ней, в самые критические минуты надеялись на нее.

Шли годы. Каждая удача, каждый человек, которому удавалось вернуть свет, были для нее наградой, источником окрыляющей радости.

В череде пронесившихся лет Зарифа ханум навсегда запомнила свою первую прооперированную пациентку. Женщине среднего возраста грозила полная слепота. Операция оставалась единственной надеждой. Женщина отчаялась, замкнулась в себе из-за обрушившегося на нее несчастья, на вопросы отвечала односложно и неохотно. Когда операцию поручили Зарифе, она разволновалась. “Больной должен верить врачу, без этого врач не сможет исцелить даже от обычной хвори...” — часто вспоминала она слова отца. А тут речь шла отнюдь не о рядовом недомогании, а о сложном случае, требующем профессионального опыта. Поверит ли отчаявшаяся, упавшая духом женщина молодому хирургу? И тут Зарифе ханум помогло ее умение находить контакт и взаимопонимание с людьми. Ей удалось уговорить больную согласиться на операцию.

Наконец настал самый ответственный момент. Молодая женщина-хирург собственноручно сняла повязку с глаз пациентки. Воцарилась глубокая тишина. Больная уставилась взглядом в одну точку. “Неужели не видит?” — предположение о неудаче настолько потрясло Зарифу ханум, что у нее подкосились ноги.

И вдруг она услышала неуверенный голос:

— Я, кажется, вижу. — Затем уже радостно: — Доктор, я вижу!

А доктор, чтобы скрыть невольно выступившие слезы, уже выходила из палаты...»

Сколько таких волнующих, трудных, незабываемых минут пережила она! И всякий раз испытывала тревогу за больных. Не могла привыкнуть к человеческому страданию. Да и не хотела. Первое движение ее души — помочь.

Практика шла своим чередом. Со временем Зарифа ханум накопила достаточный опыт и стала подумывать о том, что надо обобщить его с прицелом на актуальные задачи отечественной медицины. Определяя тему научного исследования, она выбрала сферу, имеющую большое значение для здравоохранения республики. Тема ее кандидатской диссертации

относилась к актуальной с социальной точки зрения проблеме офтальмологии — борьбе с трахомой. По сведениям Всемирной организации здравоохранения, этой болезнью в мире страдали 400 миллионов человек, а 80 миллионов по этой причине ослепли. Трахома, одна из распространенных причин потери зрения, воистину становилась в те годы социальной бедой в Азербайджане. Работая над диссертацией, Зарифа ханум вернула здоровье сотням, тысячам больных, исцелила многих детей-сирот из детских домов.

Вспоминает **доктор медицинских наук Хаджар Насруллаева:**

«В начале шестидесятых годов правительство республики приняло постановление об искоренении трахомы в Азербайджане. В связи с этим мы ездили по районам республики, оставались там по десять — пятнадцать дней, проводили профилактическую работу, выявляли больных трахомой, занимались их лечением. Обычно ночевали в больницах. Однажды, отправившись из райцентра в село, за семьдесят километров, проработали там весь день, вернулись обратно голодные. В комнате у нас — ничего съестного, кроме пары куриных яиц. Чтобы сварить их, поставили посуду с водой и яйцами на печку. Но усталость взяла свое — мы уснули. Проснулись лишь утром. Вода в котелке выкипела, а от яиц — одни шкварки».

«С первых дней работы в нашем институте Зарифа ханум заметно выделялась своими профессиональными и человеческими качествами, — рассказывает **директор Научноисследовательского института глазных болезней Керим Керимов.** — В те годы в ряде районов Азербайджана вспыхнула такая опасная болезнь, как трахома, и этот недуг стремительно распространялся. В селах и поселках целые семьи, подверженные трахоме, лишались зрения. И тогда Зарифа ханум без колебаний вступила в ряды формировавшихся добровольных бригад. Забыв об опасности заразиться этим недугом, она лечила больных, встречалась с населением, предпринимала профилактические меры... В том, что в Азербайджане была одержана победа над трахомой, — и ее достойная лепта».

Помимо этого Зарифа ханум неоднократно ездила в регионы республики с целью проведения профилактики по предупреждению глаукомы и близорукости. На протяжении многих лет она вела серьезную диагностическую работу на промышленных предприятиях города Али-Байрамлы (ныне город Ширван) для выявления больных, подверженных глаукоме. Тех, кому грозила опасность поражения этой болезнью, Зарифа ханум немедленно брала на диспансерный учет, направляла на стационарное обследование и лечение. Кроме того, она провела большую

работу в школах этого города для выявления близорукости у детей.

Верой и правдой служила Зарифа ханум любимой медицине. Это служение было и трудным, и радостным. Как говорил известный летчик-космонавт Герман Титов, «если человек освоил в жизни профессию, которая ему по плечу, труд ему доставляет радость». Зарифу ханум вдохновляли достижения науки на избранном поприще, а малейшие неудачи заставляли переживать, но не сдаваться и более пристально изучать проблему. По складу своей натуры она обладала большим исследовательским потенциалом и потому с охотой бралась за разработку теоретических проблем, однако при этом посвящала много времени и труда практическому внедрению научных результатов, популяризации медицинских знаний. В ней органично сочетались высокий профессионализм и широта знаний с культурой поведения, человеколюбием и отзывчивостью. Эти качества дают основание считать Зарифу Алиеву образцом подвижничества служения своей гуманнейшей из профессий. Несмотря на все трудности, для нее это была не только работа, но и источник непрерывного вдохновения. Одно присутствие Зарифы Алиевой создавало особую атмосферу доверия и доброжелательности среди коллег и пациентов.

Вместе с тем она никогда не стремилась выделиться, не работала на публику, храня верность своей скромной натуре на протяжении всего многотрудного и славного пути от ординатора до признанного врача, ученого-академика.

...Этот эпизод относится к 1962 году. В одном из отдаленных селений Азербайджана в семье простой сельской труженицы случилась беда: семиклассница Назиля потеряла зрение — из-за болезни она ослепла на оба глаза. Однако ее мать не смирилась с приговором судьбы и отправилась вместе с дочкой в Баку, в Институт глазных болезней. Врач-мужчина, обследовавший юную пациентку, безнадежно развел руками. Не сводившая с него глаз мать разрыдалась. Взмолилась сквозь слезы: «Ради Аллаха, помогите моей девочке!»

Врач поднялся, сокрушенно покачал головой и произнес неутешительный приговор: «Увы, ваша дочка на всю жизнь останется незрячей». Эти слова будто нож пронзили сердце матери, и та не удержалась от крика: «Нет! Доктор, не может быть!» Четырнадцатилетняя Назиля встала и, неуверенно касаясь стен, направилась к дверям. «Не плачь, ана джан, давай уйдем отсюда!» — едва скрывая слезы, прошептала она.

Удрученный этой драматической сценой, врач уже пожалел о том, что

сказал, но было поздно, мать с дочкой покинули кабинет. В коридоре они обе застыли, обнявшись, словно воплощение скорби. Возле них задержала шаг милостивая женщина в белом халате, вышедшая из соседнего кабинета. Быстрым движением коснулась волос Назили:

— Как тебя зовут, доченька?

— Назиля, — ответила та с трудом.

— Пойдем со мной! Расскажи-ка о своей беде...

Женщина провела их к себе. Начала дотошно расспрашивать, осмотрела глаза, приободрила: «Выпейте воды, успокойтесь. Никогда не стоит терять надежду».

Она показалась отчаявшейся матери ангелом, ниспосланным Аллахом. Немного погодя в кабинет заглянул главврач Назим Эфендиев:

— Зарифа ханум, что тут случилось?

— Прошу вас, профессор, обследовать глаза этой девочки. По-моему, еще возможно оперативное вмешательство.

Осмотрев больную, Эфендиев сообщил свое заключение:

— Надо провести предварительную терапию. Месяцев шесть. После этого прооперировать. Есть шанс, что она прозреет.

Шесть долгих месяцев. Все это время Зарифа ханум ни дня не оставляла их без внимания. Мать и дочь, у которых в Баку не было ни знакомых, ни родственников, благодарили судьбу за то, что им встретилась Зарифа ханум. Ее участие действовало на них словно целительный бальзам. Наконец настал долгожданный день. После операции, когда сняли с глаз повязку и Назиля открыла их, уже прозревшие! — девочка неуверенно поискала взглядом спасительницу, которую никогда не видела прежде и видеть не могла. и узнала ее.

— Это вы... вы вернули мне свет!

— Гезюнюз айдын олсун!^[2] — поздравляли их все.

Зарифа ханум не сочла на этом свою миссию законченной — на протяжении многих лет она не прерывала связи с Назилей и ее матерью, оказывая посильную помощь.

У Гомера в «Илиаде» есть строки о том, что «жизнь искусного целителя премногих жизней стоит»... В том смысле, разумеется, что один хороший врач способен даровать новую жизнь множеству людей.

Из воспоминаний **Фархада Мамедова:**

«Шла осень 1973 года, мне было девятнадцать лет. Еще в младенчестве я перенес тяжелое воспаление легких, с трудом вылечился, но последствия этого сказались осложнением на моих глазах. При малейшем напряжении они постепенно краснели, мучила резь, я

чувствовал себя на людях неловко. Посоветовали мне обратиться в Институт офтальмологии. И вот, выбрав день, я отправился туда. В дверях стоял пожилой человек, охранник. Пошептал ему свою печаль, объяснил, зачем явился. Тут, замечаю, по лестнице спускается медленной поступью дама, улыбнулась мне, потом, заметив мои воспаленные красные глаза, заинтересовалась, что у меня со зрением, хотя ее рабочее время закончилось и она направлялась домой. Вернувшись со мной обратно в свой кабинет, тщательно обследовала мои глаза, расспросила о перенесенных болезнях, выслушала внимательно, не перебивая. Я был растроган ее простотой, обходительностью и участием. Спросила, из каких я краев. Узнав, что из Губы, сказала, что питает большое уважение к губинским жителям. Упомянув в ходе разговора имя своего отца Азиза Алиева, грустно вздохнула, голос ее дрогнул. И снова погрузилась в мои заботы, выписала рецепты на лекарства, но настоятельно посоветовала: «Если глаза не очень станут донимать, если боль будет терпима, постарайся не прибегать к этим лекарствам». Посоветовала также носить темные защитные очки. И добавила с улыбкой: «До свадьбы заживет...»

Действительно, к тридцати годам все проблемы со зрением у меня исчезли. С тех пор много воды утекло, но я и сейчас обхожусь без очков, мелкий шрифт различаю хорошо. И всегда с чувством благодарности вспоминаю этого заботливого человека и прекрасного врача».

Азербайджанский писатель и просветитель Мамед Таги Сидги говорил: «Счастье состоит из четырех основ: чистота рода, чистота сердца, чистота рук и праведность помысла». Эти слова вполне соотносимы с личностью Зарифы ханум.

Великий сын и государственный деятель Турции Мустафа Кемаль Ататюрк оставил такой нравственный завет: «Люди всегда должны стремиться к высоким, чистым и священным идеалам». Героиня нашего повествования посвятила специальную работу нравственному содержанию врачебной деятельности, и если поставить эту тему в социальный контекст, то речь идет о гуманистических ценностях и морали здорового, цивилизованного общества.

«Высокая убежденность» — так называется работа Зарифы Алиевой, в которой рассматриваются вопросы и принципы врачебной этики в современном мире и в которой она, в частности, раскрывает и свое профессиональное, неотделимое от человеческого кредо: «Совесть — наш главный судья. В трудные минуты и в радостный час, когда ты наедине с нею, она вопрошает: имеешь ли ты право носить белый халат? Смогли ли руки твои донести до страждущего не только твои знания, но и

беспокойство души, тепло горячего сердца? По правде говоря, великое счастье — с честью пройти строгий суд собственной совести. Настоящий врач все переживает вместе с больным, ибо боль пациента — это и его личная боль. Если утративший здоровье человек вновь обретает его — значит, и врач вновь возрождается к жизни. В этом нравственная основа нашей профессии. Н. А. Семашко писал: «Нет профессии благороднее врачевания; больной вверяет вам не только свое здоровье, но и всецело жизнь».

Зарифа ханум, часто поминавшая изречение древних «В здоровом теле — здоровый дух», говорила, что каждый из нас в течение всей своей жизни так или иначе связан с работниками здравоохранения. Врач ожидает появления на свет младенца — будущего гражданина, врач помогает ему делать первые шаги, открывает перед его взором мир во всем многоцветье и широте, заботой и умением укрепляет его физическое и духовное здоровье. От состояния и эффективности медицинской службы в значительной мере зависит самочувствие миллионов людей, продуктивность их деятельности.

Еще за девять веков до нашей эры древнеиндийский врач Чарака изложил ряд тезисов врачебной этики в трактате «Чарака-Супхета». Это был первый нравственный кодекс профессионального долга врача перед пациентом, наставление на самоотверженный и бескорыстный труд. Чарака вменял в обязанность врачу постоянную заботу о сбережении и улучшении здоровья людей и даже, при необходимости, готовность пожертвовать жизнью ради спасения больного.

Один из выдающихся целителей древней Эллады Гиппократ тоже сформулировал ряд правил поведения и моральных установок, и доньше составляющих основу профессиональной медицинской этики; свод этих положений известен всему миру как «Клятва Гиппократа». Гиппократ считал обязательными качествами врача бескорыстие, совесть, чистоплотность, отвращение к всевозможным порокам, отвержение страхов перед предрассудками.

На протяжении всей своей деятельности на поприще медицины Зарифа ханум являла пример подобного бескорыстного служения людям. Высокий профессионализм естественно сочетался в ней с человечностью и благородством, с чувством долга и патриотизмом.

Она нередко ссылалась на заветы великого русского писателя и врача Антона Павловича Чехова: «Профессия врача — это подвижничество. Она требует подлинной самоотверженности, широкой души и чистоты помыслов. Отнюдь не все способны на это».

К вопросу о чистоте помыслов. По сообщению бейрутской газеты «АнНида», к смерти бывшего президента Египта Гамаль Абдель Насера был причастен агент израильской разведки, врач-массажист, некий Утейфл, употребивший во время массажа специальный препарат, приведший к параличу сердца президента. Это случай криминальный, когда звание медработника служило лишь ширмой для совершения преступления. А вот другой пример, свидетельствующий о циничном бездушии «служителей» медицины, лишенных элементарного чувства милосердия. По сообщению одной из американских газет, в частную клинику Батон-Руж (штат Аризона) были доставлены в тяжелом состоянии двое молодых людей, пострадавших в автомобильной катастрофе. Однако врачи, сославшись на отсутствие страхового полиса у пострадавших, отказались принять их. Владелец клиники лицемерно заявил: «Верно, у нас сердце не камень, но что поделаешь, мы в первую очередь бизнесмены».

Как это согласуется с клятвой Гиппократата? С извечными и непреходящими ценностями добра и милосердия, заложенными в основу труда врача?

Зарифа Азизовна неоднократно повторяла: «Интересы больного для врача — превыше всего». Прекрасный психолог, она понимала, что доверительный контакт с пациентом становится лучшим союзником врача. Взаимопонимание, душевный диалог доктора и больного содействуют повышению сопротивляемости организма, его скрытых ресурсов, мобилизации воли к выздоровлению. Напротив, неосторожное слово, резкий жест, допущенная бестактность, грубое, бесцеремонное поведение способны привести к ухудшению состояния пациента.

Сирийский врач, живший в XIII веке, Абуль Фарадис, обращаясь к больному, говорил: «Нас трое — ты, болезнь и я. Если ты объединишься с болезнью, я останусь в одиночестве, и тогда вы одолеете меня... Если же ты будешь со мной, тогда мы удвоим силы, а болезнь останется в одиночестве, и мы совместно возьмем верх».

В процесс лечения вовлекаются медики различных профилей, но главная ответственность ложится на плечи лечащего врача. Ограничивать заботу врача о пациенте лишь регламентированным рабочим днем означает примитивно-чиновничий подход. Тут оправдания вроде «вас много, а я один» и прочие подобные доводы звучат аморально. Возможно, одно доброе слово, несколько минут у постели больного, улыбка, разговор по душам значат не меньше, чем таблетка или предписанная процедура... Формализм («я занят, приходите в другое время» и т. п.) недопустим и чреват самыми непредсказуемыми и даже пагубными последствиями.

Зарифа ханум придавала большое значение и службе скорой медицинской помощи. «Скорая» — значит, счет идет на минуты, может, даже секунды, главное — успеть на помощь, вовремя разобраться в ситуации, правильно определить диагноз и выбрать адекватную меру спасения. На карту бывает поставлена человеческая жизнь. К сожалению, бывают и ложные, необоснованные вызовы «скорой» со стороны поддавшихся эмоциям людей. Например, в Бакинскую станцию скорой помощи ежегодно поступает до трехсот таких вызовов! А это отвлекает медицинские силы от обслуживания тех, кто действительно нуждается в неотложной помощи. Находятся и подвыпившие «шутники», которые, чтобы покуражиться или развлечься, звонят в «скорую», объявляя о мнимом приступе своего якобы «буйно помешанного» приятеля. Таких «затейников» надо наказывать как злостных хулиганов.

Уместно вспомнить и о том, что мудрый Гиппократ говорил об обязательном бескорыстии врача. Увы, есть такие современные эскулапы, которые видят в каждом больном лишь очередной источник наживы. Трудно представить более возмутительный и позорный подход. Между врачом-хапугой и врачом истинным — дистанция огромного размера. Настоящий врач чужд цинично-меркантильных соображений «как бы урвать побольше», он участлив к больному, делит с пациентом радость исцеления, он борется прежде всего за жизнь, а не за выгоду и барыш. Да, труд врача, как и любой труд, достоин оценки, в том числе и в материальном выражении. Сейчас есть платная медицина, к которой, может, трудно привыкнуть людям старшего поколения, не забывшим бесплатную советскую медицинскую службу. Но вне зависимости от социальных перемен — не устарела истина, что «не хлебом единым жив человек», и никто не отменял извечные нравственные заветы, высшее призвание человека творить добро.

Доктор медицинских наук, полковник медицинской службы В. И. Вайнштейн с почтением вспоминал Зарифу Азизовну Алиеву:

«У нее был удивительный характер. Ее отличали высокая гражданственность и профессиональная принципиальность. И в своих высказываниях, и в статьях она подчеркивала необходимость чистоты помыслов врача, ревностно защищала именно такой подход к делу, постоянно напоминала, что в век научно-технического прогресса морально-нравственные качества должны не снижаться, а, напротив, повышаться. Бездуховность, нравственное уродство в любых проявлениях возмущали ее...

До сих пор помню одно из заседаний научного общества

республиканских офтальмологов. Мы обсуждали работу коллеги. Тот любил рекламировать себя, но неоднократно своими непродуманными действиями и рекомендациями наносил ущерб здоровью пациентов. После справедливой критики и порицаний подобного поведения многими выступавшими обстановка на заседании накалилась. Слово взяла Зарифа ханум. И начала свою речь с того, что во всех профессиональных сферах должны соблюдаться высокие морально-этические нормы. Однако врачевание — такое дело, где наряду с общими правилами необходимы особые качества: честь, совесть, скромность и бескорыстие. Затем она подвергла резкой критике деятельность коллеги, компрометирующую нашу профессию. Тут же с еще большим жаром в его адрес с мест зазвучали нападки и резкости. Заметив, какой оборот принимает обсуждение, Зарифа ханум выдержала паузу; ее легкая улыбка словно озарила зал, и она переменяла тон. Выразив уверенность, что коллега сделает серьезные выводы из прозвучавшей на таком авторитетном собрании критики, она предложила на этом закончить прения: «Убеждена, что в дополнительных мерах не будет необходимости».

Помнится и другой случай. Как-то меня с супругой пригласили на премьеру пьесы А. Сафронова «Операция на сердце». На спектакль пришли Гейдар Алиев, Зарифа ханум и автор пьесы. Актеры нашего Русского драматического театра сотворили перед зрителями настоящее чудо. Они играли с особым подъемом и смогли убедительно воссоздать эпизоды деятельности и подвиг одного из всемирно известных хирургов, который ценой своей жизни спас больного. На этом спектакле мы вблизи наблюдали живую, непосредственную реакцию Зарифы ханум на все происходящее на сцене. В антракте она с одобрением отозвалась о пьесе и призналась, что игра артистов взволновала ее до слез. Ей была присуща необыкновенная эмоциональность».

Профессор А. Н. Добромыслов высоко оценивает рекомендации Зарифы Азизовны, основанные на богатом врачебном опыте и житейской мудрости. В этом плане он особо подчеркивает умение врача «лечить» словом. По мнению профессора, солидарного с Зарифой ханум, основу морали работника здравоохранения составляют искренность, умение понять больного, доброта, скромность, бескорыстие. Добромыслов вспоминает, что однажды был свидетелем того, как Зарифа Азизовна принимала пациентов. После обследования и назначения лечения больные покидали кабинет профессора Алиевой с улыбкой, окрыленные надеждой, с благодарностью и чувством доверия к ней.

«Уроки, полученные от Зарифы Алиевой, — вспоминает профессор, —

впоследствии пригодились мне в моей медицинской практике. Я стремился донести до сотрудников и моих студентов ее методику и подходы. Таким образом богатый опыт Зарифы Азизовны, может быть, даже незаметно для нее самой, передавался как “цепная реакция” другим врачам».

Из рассказа **доктора медицинских наук, профессора Мамеда Султанова:**

«Зарифа ханум от души радовалась даже самому малому успеху коллег. Я это лично почувствовал при защите докторской диссертации. Она частенько устраивала чаепитие в лаборатории, приносила чай, конфеты, сладости. За таким столом в непринужденной обстановке подводили итог проделанной работе, намечали план предстоящих дел.

Зарифа ханум осталась в памяти коллег как выдержанный, деликатный человек. Она никогда никого не упрекала за оплошность, не позволяла себе ни одного колкого слова. Но в людях хорошо разбиралась и в подборе кадров была незаменима».

Говорит **старшая медицинская сестра Нигяр Исмайлова:**

«Зарифа ханум обращалась с пациентами ласково. Никого не оставляла без надежды. Добрым словом, незатейливым разговором могла облегчить состояние больного. Помощь людям считала своим долгом. Мы проработали вместе двадцать один год, и за это время я не слышала от нее иных форм обращения, кроме «гурбан олум»^[3], «прошу». Порой она так много занималась больными, что уже времени не оставалось для научной работы. Когда база кафедры была разделена, нас перевели в 4-ю клинику. И оказались мы в жуткой тесноте. Пришлось зашторить окна одной из комнатушек, приспособив ее для диагностирования. При всем том Зарифа ханум, не жалуясь на неудобства, выполняла работу безупречно. Она была воплощением неподдельной простоты, естественности и благородства».

Какое замечательное слово нашла медсестра Нигяр Исмайлова для определения того, как обращалась с пациентами Зарифа ханум: ласково! Слово это многомерно, в нем ощутимы тепло, мягкость, внимание, доброжелательность. Такой подход к человеку, тем более — страдающему от недуга, не просто снимает напряжение, располагает больного к доктору — он помогает и врачу получить более точные сведения о течении болезни и поставить верный диагноз.

А вот что вспоминает о Зарифе ханум **профессор Т. Гусейнова:**

«Она была чрезвычайно дисциплинированным человеком. Строгим и требовательным к себе, того же ожидала от других. Чувство морального долга и ответственности ни на миг не покидало ее. Не сдержать обещание — это было не в ее правилах. Личность достаточно авторитетная,

снискавшая большое уважение коллег и пациентов, она при этом держалась весьма скромно. Умела ценить чужое время, старалась видеть только хорошие качества в людях, с которыми общалась».

Эта отзывчивая женщина запечатлелась в памяти автора благодаря редкому дару — умению протянуть руку помощи в трудный час. Мне довелось обращаться к ней в нелегкую для меня пору. Она терпеливо выслушала меня, дала ценные советы, убедила, что не стоит волноваться из-за вопросов, которые разрешимы. Так она успокоила, воодушевила меня...

При мысли о ней невольно вспоминается изречение: «Уважение за деньги не купишь, его можно заслужить только щедростью, добротой и милосердием».

Глава вторая

НЕЗАМЕНИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Воспитание — великое дело. Им решается участь человека.

В. Белинский

Внутренняя свобода, достоинство, живой ум, воля — все это при одном взгляде на портрет Азиза Мамедкеримовича Алиева читается на лице этого человека, безупречного рыцаря науки, доктора медицинских наук, профессора. В выборе нашей героиней профессии врача главную роль скорее всего сыграл именно он — отец.

Азиз Алиев принадлежал к поколению первостроителей здравоохранения в Советском Азербайджане, продолжавших славные традиции своих предтеч — подвижников и просветителей, таких как Н. Нариманов, С. Эфендиев, Г. Мусабеков, М. Исрафилбеков, Т. Шахбази, М. Векилов и другие. Получив образование в вузах дореволюционной России, многие из этих выдающихся представителей национальной интеллигенции не ограничивались сугубо профессиональной практикой. Их гражданское становление происходило под мощным воздействием освободительных и революционных идей, охвативших все пространство Российской империи, прежде всего идей передовой, демократически мыслящей русской интеллигенции и лидеров национальной культуры, связывавших с грядущим революционным переустройством надежды на возрождение и самостояние родного народа, на обновление общества на гуманистических началах.

Нариман Нариманов, например, врач по образованию, успешный драматург и прозаик, переводчик на азербайджанский язык «Ревизора» Гоголя, сознательно включился в революционное движение и позднее стал одним из видных деятелей советского государства. Искренне веривший в идеалы большевиков, он оказался свидетелем и жертвой трагических и непоправимых бед, которые несла революционная стихия. Находясь у власти уже в Советском Азербайджане, он пытался спасти от несправедливой расправы выдающегося ученого-литературоведа и

просветителя Фирудина Кёчарли. Увы, пуля красных экзекуторов опередила его телеграмму. Но, возможно, телеграмму председателя Азревкома просто проигнорировали... И все же ему удалось отвести смертельную угрозу от генералов царской армии Алиаги Шихлинского и Самедбека Мехмандарова, героев легендарной эпопеи Порт-Артура. Он направил письмо В. И. Ленину, настоятельно рекомендуя использовать опыт и знания этих славных военачальников в строительстве Красной армии.

Другой эпизод, демонстрирующий благородное поведение этого патриота и одновременно беспощадность раскручивавшейся борьбы против инакомыслия («Кто не с нами — тот против нас»), связан с великим писателем-сатириком Джалилом Мамедкулизаде, основателем и издателем прославленного на всем мусульманском Востоке и в тюркском мире журнала «Молла Насреддин». Из самых благих побуждений Н. Нариманов уговорил его вернуться из Тебриза в Баку. Но великий сатирик пришелся «не ко двору» в Советском Азербайджане. Журнал стал выходить за подписью ставленника властей и позднее прекратил свое существование. Джалила Мамедкулизаде не пригласили даже на юбилей журнала, отмечавшийся в 1926 году.

На таком историческом фоне и формировалась новая поросль нашей интеллигенции, в том числе и Азиз Алиев. Он на собственной судьбе испытал все ужасы межнациональной розни и бесчинств дашнакских отрядов, безнаказанно творивших беззаконие в «мутной воде» геополитических сценариев того времени.

Первая Азербайджанская Республика, просуществовав всего два года, пала под ударами красногвардейских штыков. Пришла новая власть. Н. Нариманов, отозванный в Москву на руководящую должность во ВЦИК, в 1926 году скоростижно скончался при весьма подозрительных и невыясненных обстоятельствах.

Но революционная эйфория и большевистское мифотворчество делали свое дело, оказывая огромное влияние на массовое сознание. Прекрасные идеи о светлом будущем, о равенстве, братстве, интернационализме и справедливости, «пришитые» к идеям о классовой борьбе, «экспроприации экспроприаторов», становились лишь утопическим лозунгом, вывеской, под которой углублялся раскол общества, нарастала кровавая и беспощадная конфронтация...

Однако вернемся к исходу XIX века. 1 января 1897 года в семье жителя села Хамамлы Эчмиадзинского уезда Эриванской губернии Мамедкерима Алиева родился сын, нареченный Азизом.

Отец Азиза Алиева — Мамедкерим Кербалайи Гурбанали оглу — был уважаемым в народе аксакалом. Мать, Захра ханум, родилась в семье именитого в Эриванской губернии Ибрагим бека Сулейманбекова.

По словам двоюродного брата Азиза, жителя села Уши Аштаракского района, пасечника Орудж киши, у Мамедкерима Алиева в Хамамлы имелось три земельных надела площадью свыше двадцати гектаров каждый, а под Эриванью, в урочище Дальма, ему принадлежали и садовые участки, где были виноградники, росли тутовые и абрикосовые деревья.

В 1905 году семья перебирается в Эривань. Старая Эривань, как и дореволюционные Тифлис и Баку, волею судеб являла собой полиэтнические культурные сообщества и играла значимую роль в экономической, образовательной и научной жизни региона. В начале XX столетия Эривань была одним из культурных и торговых центров Кавказа. Если говорить об азербайджанцах, выходцах из эриванской среды, то среди них было немало выдающихся личностей, просветителей, ученых, купцов, в частности Мирза Аббас Мамедзаде, Ибадулла Муганлы, здесь корни таких именитых фамилий, как Мирбабаевы, Багирбековы, Топчибашевы, Ибрагимбековы...

Выпускниками Эриванской гимназии были академики Мустафа Топчибашев, Гейдар Гусейнов, Ахмед Раджабли, выдающиеся государственные деятели Магсуд Мамедов, Гасан Сеидов, Мир Ибрагим Сеидов, композитор Сеид Рустамов.

По воспоминаниям сына известного эриванского купца Мешади Багира — Кербалайи Гусейна Ибрагимова, у них дома, в квартале Армудлу, возле мечети собиралась в те времена эриванская азербайджанская интеллигенция, в том числе Топчибашевы, Багирбековы. В этом гостеприимном доме неоднократно бывал и дед академика М. Керимова — Джаббар Керимов с семьей. Мешади Багир оставил добрую память о себе и как благотворитель, меценат; по рассказам свидетелей, он до 1919 года щедро помогал нуждающимся семьям, содействовал обучению их детей, участвовал в решении различных житейских проблем. Сыновья его — Гасан ага и Кербалайи Гусейн также получили образование в Эривани, окончив гимназию и медучилище.

Тяга к знаниям, к учебе с ранних лет отличала Азиза. Родители определили его в русско-татарскую (читай: русско-азербайджанскую) школу, считавшуюся очагом прогрессивного образования того времени, затем он поступил в гимназию.

Первая мировая война, нарастание противостояния в обществе, разруха... Лихолетье сказалось и на положении семьи Мамедкерима. Азиз

Алиев впоследствии вспоминал: «За отличную успеваемость в гимназии я был освобожден от платы за обучение. По сути, из-за тяжелого положения нашей семьи нам не под силу было платить за обучение. Так как возможности отца по содержанию семьи поубавились, вечерами я стал подрабатывать, занимаясь с учениками».

Товарищ детских лет, в дальнейшем один из коллег Азиза Алиева, **академик Мустафа Топчибашев** в своих мемуарах писал, что Азиз был незаурядным юношей — в учебе, в поведении, прилежании, мягкости и доброте ему не было равных: «Похоже, отец медицины Гиппократ писал свою Клятву врача, глядя на таких, как он». Не правда ли, знаменательные слова?

Азиз Алиев получил образцовое гимназическое образование. И вместе с тем с детских лет ему пришлось узнать, почем фунт лиха. Может быть, это раннее знакомство с житейскими тяготами и породило в нем обостренное чувство сострадания, ставшее его нравственным кредо. Юный Азиз живет высокими, благородными идеями служения людям. Материальные невзгоды не способны воспрепятствовать его стремлению посвятить себя деятельности, полезной обществу.

В 1917 году, окончив гимназию с золотой медалью, он задумывает продолжить образование в России и обращается с письмом к знаменитому бакинскому нефтепромышленнику Гаджи Зейналабдину Тагиеву, снискавшему всенародное уважение своей щедрой благотворительностью. И Гаджи оказывает помощь молодому человеку, как моральную, так и материальную, передав ему триста рублей — деньги по тем временам немалые. Часть этих средств Азиз оставляет матери, другую берет с собой и отправляется в Петербург. Успешно выдержав серьезный конкурс, он поступает в прославленную даже за пределами России Военно-медицинскую академию.

И вот мы уже видим студента Азиза Алиева санитаром в составе дезинфекционной бригады, занимающейся борьбой с сыпным тифом, тяжелейшим инфекционным заболеванием, которое тогда буквально «выкашивало» тысячи людей...

В 1918 году пришла горькая весть о кончине отца. Вернувшись в Эривань, Азиз оказался свидетелем чудовищных гонений и расправ над азербайджанским населением. Дашнакские власти фактически безнаказанно творили геноцид. Такая политика, по сути антитурецкая и антиазербайджанская, пользовалась покровительством и поддержкой определенных великодержавных кругов, преследовала бесчеловечные цели и сопровождалась немыслимыми зверствами.

В том же году студент Азиз Алиев вместе с семьей оказывается в числе изгоев-изгнанников. Спасаясь от дашнакских головорезов, семья Алиевых перебирается в Шарурский район Нахчыванского края, позднее — в село Шахтахты. Однако буквально через несколько лет нахчыванская земля также становится ареной посягательств армянских вооруженных отрядов, возглавляемых авантюристом Андраником, которые целенаправленно уничтожают мусульманское население края. Вместе с уцелевшими после бойни земляками Алиевы обретают убежище в селе Араблар в Южном Азербайджане — на территории тогдашней Персии. Позднее Азиз Алиев отмечал, что расстояние между Шахтахты и Араблар всего три километра, поэтому они избрали кратчайший путь для бегства, переправившись через пограничную реку Аракс. В те времена угроза истребления нависала над всем азербайджанским населением.

Член-корреспондент Академии наук Азербайджана профессор Аббас Заманов, переживший те события, писал: «Нахчыванский люд, в том числе жители Шарурского района, постоянно жил в тревоге за свою жизнь; спасаясь от нападений дашнаков, большинство населения бежало в Южный Азербайджан. В 1918 году в Иран вынуждены были перекочевать и жители нашего села Шахтахты. Мать моя к тому времени скончалась. Отец, мой брат Исмаил и я нашли пристанище в городе Хой. Отец стал батрачить у одного помещика. Условия жизни были очень тяжелые. Брат мой, не выдержав лишения, умер. Позднее мы вернулись в наше село».

В 1920 году у Азиза Алиева скончалась в Персии любимая мать Захра ханум. Он тяжело переживал ее утрату. Однако испытания и мытарства не сломили его, а лишь закалили характер, побуждая действовать решительно в труднейших ситуациях. Увы, все эти трагические перипетии судьбы не позволили ему вернуться в Петербург и завершить там образование. Но он не расстается с медициной, самостоятельно углубляет свои профессиональные знания, штудировал учебники светил медицины, читает специальную литературу, работает в лечебницах, аптеках, начав с низовых должностей, участвует в оказании медицинской помощи населению. Вернувшись в 1921 году в село Шахтахты, трудится там до весны 1923 года. Затем, переехав в Баку, решает продолжить образование.

К тому времени создается Азербайджанский государственный университет. И молодой Азиз продолжает учебу в этом вузе. Наконец в 1927 году, окончив медицинский факультет, получает долгожданный диплом врача. Способного молодого человека оставляют на кафедре внутренних болезней. Азиз Алиев быстро продвигается на этом поприще — ординатор, аспирант, ассистент, доцент. Он целиком погружается в

общественную и научную жизнь университета.

В 1929 году он уже директор Клинического института. Здесь раскрывается его талант организатора, управленческие способности. Через год на базе медицинского факультета университета создается Медицинский институт. О блестящих деловых и профессиональных качествах Азиза Алиева свидетельствует его назначение руководителем созданного вуза. Между тем перед Мединститутом стояли труднейшие задачи и проблемы: отсутствие учебников и пособий на азербайджанском языке, острая нехватка национальных педагогических кадров...

О титанической энергии первого руководителя Мединститута говорит тот факт, что при его содействии только за три года было подготовлено и издано сорок пять учебников и учебных пособий! Успешно продвигалось дело и с подготовкой кадров.

Деятельность Азиза Алиева постепенно обретала общегосударственную значимость. Его заслуги в организации и развитии здравоохранения в республике ярко проявляются в 1930-е годы. Он возглавляет отдел в Наркомздраве, затем — Бакздравотдел, становится заместителем наркома, потом наркомом этой отрасли... Алиев не любил засиживаться в кабинетах, он объездил весь Азербайджан, район за районом, село за селом, непосредственно знакомился с проблемами, связанными со здоровьем людей, и целенаправленно занимался их решением.

Академик Мустафа Топчибашев вспоминал о яркой и самоотверженной деятельности наркома:

«Проводилась очередная коллегия Наркомата здравоохранения. Один из вопросов, поставленных на коллегии, касался хирурга, работавшего в глубинке. Во время операции беременная женщина погибла от потери крови.

Хирург объяснял главную причину смерти пациентки отсутствием в больнице заменителя крови и обвинял комиссариат. Азиз Алиев признал, что в республике не хватает многих лекарств, в том числе кровезаменителей. И неожиданно спросил у того хирурга:

— А как у вас самого — с кровью все в порядке?

— Не могу сказать, но не жалуясь.

— А я недоволен.

— Недовольны?

— Да. Скажите-ка, сколько крови вы до сих пор сдали на пункте переливания?

— Сколько крови? — Хирург смутился, не зная, что ответить.

А нарком продолжил:

— Вы тоже можете спросить, а сколько крови сдал я сам. Сейчас отправимся в центр, узнаете.

После коллегии мы отправились в центр переливания крови. У входа Азиз указал на нас человеку в белом халате:

— Вот, привел вам группу доноров! Приступайте к процедуре!..

Сам он сдал крови больше нас — на сотню граммов. Так мы узнали, что он и вправду донор. Ежегодно сдавал по меньшей мере литр крови, о чем даже я не подозревал...

В начале 1930 года в Мартунинском районе Карабаха внезапно стала распространяться холера. Эпидемия страшной болезни постепенно охватывала и окрестные районы. Азиз Алиев мгновенно мобилизовал всю медицинскую рать.

Призвали на помощь крупнейшего специалиста — академика Льва Александровича. Но эпидемия угрожающе разрасталась. Началась паника, люди темные и безграмотные распускали дикие слухи среди населения: дескать, «чтобы попасть в рай, надо съесть печень умерших», или что та же печень якобы «предохраняет от заражения чумой», и прочую чушь. Простаки, клевавшие на эту удочку, умножали число жертв. В конце концов, несмотря на протесты и возмущение сбитых с толку людей установив войсковое оцепление, мы стали сжигать трупы. Только таким способом удалось пресечь эпидемию».

Смолоду прозванный коллегами «скорой помощью», Азиз Алиев неизменно устремлялся на критические участки работы и прилагал все силы для того, чтобы выправить положение.

Его профессиональная компетентность, эрудиция, дальновидность, инициативность, организаторский талант, врожденная чуткость и душевная открытость, чуждая всякой показушной чиновничьей «важности», снискали ему симпатию и любовь общественности. В 1934 году он возглавил Бакинский здравотдел. Через год его возвращают на должность ректора Азербайджанского государственного медицинского института. В 1937-м ему вверяют, помимо этой должности, и ректорство в Азербайджанском государственном университете. Такое совместительство, по существу беспрецедентное, свидетельствует о его широчайших профессиональных возможностях и колоссальной трудоспособности. Ректор двух вузов, он с 1935 года является и главным редактором «Азербайджанского медицинского журнала». Издающаяся до сего дня под названием «Табиб» («Медик») многотиражка Мединститута была учреждена по его инициативе (называлась она «За медицинские кадры»).

Азиз Алиев трудился в Мединституте плечом к плечу с когортой таких замечательных ученых, известнейших светил медицины, как Мир Асадулла Миркаsumов (позднее первый президент АН Азербайджанской Республики), Мустафа Топчибашев, Джахангир Гусейнов, Кямил Балакишиев, Абульфаз Караев (впоследствии ректор Азгосуниверситета, отец всемирно известного композитора Кара Караева). Научные труды, появившиеся в те годы, — «Нормальная анатомия» К. Балакишиева, «Патологическая анатомия» Дж. Гусейнова, «Глазные болезни» Умнисы Мусабековой и другие — стали этапными событиями азербайджанской медицинской науки. Естественно, в ряду подобных книг находились и работы самого Азиза Алиева.

Он был не только талантливым организатором и практикующим врачом, но и глубоким теоретиком. Через два года после окончания университета Алиев блестяще защитил кандидатскую, а через восемь лет — докторскую диссертацию. Теоретические разработки А. Алиева тесно увязаны с практическими задачами. Он автор многочисленных трудов по клинической и экспериментальной медицине, среди них — «Хлориды в крови во время пищеварения», «Экспериментальный нефрит», «Нафталан — его прошлое и будущее», «Морфологические и некоторые чисто химические исследования внутренних органов и глаз подопытных животных, находившихся в условиях различных концентраций йода» и другие.

Его «Учебник по клиническому анализу» явился событием в жизни медицинской общественности республики. Эта книга сыграла незаменимую роль в подготовке молодых кадров. А его докторская диссертация — «Экспериментальный нефрит» — была одной из первых докторских работ, защищенных медиками-азербайджанцами.

Разработанная Азизом Алиевым теория аллергии, связанная с патогенезом острых нефритов, открывала широкие возможности для дифференциации терапии этой болезни. Его докторская диссертация была удостоена специальной премии Академии медицинских наук СССР и ЦК ВЛКСМ на всесоюзном конкурсе молодых ученых.

Специалисты отмечают, что указанной работе Азиза Алиева и поныне нет аналога. Выдающийся ученый и государственный деятель оставил после себя восемьдесят семь научных трудов, из них семьдесят посвящены различным аспектам медицины, остальные — вопросам истории и политики.

В ряду заслуг Азиза Алиева — выдающийся вклад в борьбу за искоренение малярии и трахомы, «разгулявшихся» в республике в 1930—

1940-е годы. По его инициативе создаются специальные диспансеры, больницы. В те же годы он избирается председателем Республиканской чрезвычайной антиэпидемической комиссии. Иными словами, возглавляет фронт борьбы с опасными инфекционными недугами.

Но судьба уготовила ему и другой фронт — фронт всенародной борьбы с вероломным нашествием фашистских полчищ.

Он был патриотом своей родной земли, своего народа, разобщенного волей исторических катаклизмов на Северный и Южный Азербайджан. Это пламенное чувство кровной причастности к своей нации, ее бедам, надеждам и интересам скажется в полной мере позднее, когда по поручению советского правительства он возглавит большую группу деятелей культуры и партийных работников, направленную в Иран.

Вместе с тем Азиз Алиев верой и правдой служил Стране Советов и в жестких условиях коммунистического режима и идеологических императивов сумел сохранить высокую нравственную доминанту гражданского поведения. Мало того, что он был гуманистом по складу своего мировоззрения — он чтит и старался понять национальный менталитет и особенности представителей разных народов. Этот истинный интернационализм ярко проявился в грозные дни великой схватки с фашизмом, когда Азиз Алиев возглавил Дагестанский обком партии...

Оставаясь верным сыном Азербайджана, он снискал высокое уважение народов Дагестана, братьев и сестер по другую сторону Аракса. **Писатель Имран Касумов**, близко знавший Азиза Алиева, отмечал, что более двадцати лет своей жизни Азиз Мамедкеримович провел вне пределов Азербайджана, выполняя различные государственные миссии. И на всех участках своей деятельности высоко нес звание Гражданина, Гуманиста и Патриота...

В апреле 1941 года Азиза Алиева назначили секретарем ЦК КП(б) Азербайджана.

На Западе уже полыхал пожар Второй мировой войны. До рокового рассвета 22 июня оставалось совсем немного...

Хосров Агаев, бывший куратор городского здравоохранения на посту главы Бакздравотдела, многие годы проработавший в комсомольских, партийных и советских органах, вспоминая о своих контактах с Азизом Алиевым в то предгрозовое время, отмечает неистощимую энергию, принципиальность и плодотворную работу лидера азербайджанского здравоохранения. В 1941 году Агаева перевели в Кировабад (нынешний Гянджу), где он возглавил горком комсомола, продолжая некоторое время — ввиду отсутствия нового назначенца на эту должность — курировать

здравоохранение в Баку. В июне разразилась война.

«Мы перешли на чрезвычайный рабочий режим, — вспоминает Хосроф Агаев, — уже принимали первых раненых. Все было мобилизовано для нужд фронта. Но и в столь тяжкий час мы все еще сталкивались с проходимцами, нечистоплотными людьми, хотя в ту пору с подобными элементами велась непримиримая борьба. Азиз Алиев прибыл в Гянджу. При встрече с руководством города он выдвинул ряд неотложных задач, связанных с решением проблем здравоохранения в условиях войны. На исходе встречи Азиз Мамедкеримович изъявил желание на месте разобраться с многочисленными жалобами, написанными по поводу врача-терапевта по фамилии Зильберман».

По рассказу Х. Агаева, названный врач городской больницы под предлогом лечения брал с пациентов мзду и пичкал их лекарствами неизвестного происхождения, а при отсутствии позитивного эффекта в лечении обвинял самих больных, якобы не выполнявших его предписания. Выяснилось, что сей эскулап «специализировался» на сердечно-сосудистых заболеваниях. Большинство пациентов составляли жители города и окрестных районов.

«Мы узнали, — продолжает Агаев, — что его жена время от времени ездила в Москву, Ленинград (ныне Санкт-Петербург), Киев, там покупала и привозила различные элементарные болеутоляющие средства... Кроме того, выяснилось, что человек, живущий у него квартирантом, повсюду, даже в окрестных районах, всячески расхваливает этого врача, получая за такую услугу ежемесячную мзду. Люди и шли по его рекомендации. Потом оказалось, что на счету Зильбермана в сберкассе лежит весьма крупная по тем временам сумма в сто тысяч рублей. Азиз Алиев не довольствовался простым разбирательством. Для подтверждения фактов он лично принял большинство потерпевших, полностью прояснил многие моменты. Затем дал указание горздравотделу о лечении этих больных. Открывшаяся картина показала полную несостоятельность горе-лекаря. Только после этого Азиз Алиев принял решение об отстранении его от работы. А соответствующие материалы были направлены в прокуратуру для расследования».

Действительный член АН Азербайджана и Академии медицинских наук СССР, Герой Социалистического Труда Мустафа Топчибашев вспоминал:

«Азиза я знал с Эривани. Оба мы учились в одной гимназии. Между нашими семьями были очень теплые отношения. Их семья нам была даже ближе большинства наших родственников. В радости и печали они тут как

тут. Отец мой любил-жаловал Азиза как толкового и способного мальчика. Учился тот двумя классами ниже меня. А вот, поди-ка, разбирался и в моих учебных заданиях. После занятий он нередко растолковывал уроки квартальным ребятишкам. Отец мой часто ставил в пример прилежание и смьшленость Азиза: «Азиз на два года младше тебя, а вдвое толковее. Учителя не нахвалятся им. Весь город о нем говорит. Он и других учит. Вот из такого и выйдет толк».

М. Топчибашев вспоминает массу интересных эпизодов из жизни своего друга, особенно позднего периода:

«В трудную минуту мы бежали сразу к нему. У Азиза я встречал людей различных профессий и интересов. И меня восхищало то, как он общается с ними. Никто не усомнился бы в высокой образованности Азиза, но определить, какой вуз он окончил, было проблематично, казалось, он был сведущ во всех науках...

Он уже работал в ЦК КПА. В Баку предстояло провести совещание хирургов. В связи с этим я и отправился к нему. Секретарша меня знала, поэтому я без проволочек входил в кабинет. Открыв дверь, я застал его за беседой с тремя — четырьмя посетителями. Увидев, что он занят, хотел было выйти, но он подозвал меня. Я прошел, сел. Из разговора стало ясно, что посетители — инженеры — строители. У них был какой-то спорный вопрос. Азиз вел с ними речь на равных, словно специализировался в этой сфере, давал дельные советы. Я в шутку спросил:

— Похоже, теперь ты продолжаешь образование в инженерном вузе, Азиз?

— Нет, доктор, — без тени усмешки отозвался он. — Ты не торопишься? — И сам же ответил: — Конечно, спешишь. Спешить — это неплохо. Но, по-моему, мало спешить только ради одной медицины. Век поспешай ради медицины, век — ради инженерии, век — ради философии, еще век — ради агрономии. Но кто, доктор, даст столько жизней?

Как и всем нам, Азизу выпало не несколько, а одна-единственная жизнь. И этой жизни хватило, чтобы приобщиться ко многим отраслям знаний. Но он никогда не был доволен собой, своими познаниями».

Великая Отечественная война выявила еще одно качество личности Азиза Алиева — раскрыла его как умелого военного организатора, талантливого политического руководителя.

25 августа 1941 года войсковые части Закавказского военного округа на основе советско-иранского соглашения с целью пресечения деятельности фашистской агентуры в Иране и обеспечения безопасности приграничья вступили на территорию сопредельной страны и вошли в

Тебриз.

Политическим руководителем миссии советского контингента в Иране был назначен полковник Азиз Алиев.

Тебриз переживал напряженные, тревожные дни. Шахский режим действовал по древнему принципу «разделяй и властвуй», сея раздор между этническими группами. Ежеминутно могла вспыхнуть братоубийственная бойня между курдами и азербайджанцами. С другой стороны, распускались провокационные слухи о намерении вошедшей армии «советизировать» Иран. Офицеры-персы из помещичьих семей, из ханских сословий не брезговали ничем, чтобы спровоцировать столкновения между азербайджанским населением и советскими войсками.

В тогдашнем Иране было ощутимо влияние нацистской пропаганды. Под ее воздействием девятитысячное вооруженное ополчение курдов отнеслось весьма агрессивно к появлению советских войск. Одной из задач советской стороны была нейтрализация этих сил, а в лучшем случае — установление с курдами доверительных отношений. Эта сложная, рискованная и деликатная миссия была возложена на Азиза Алиева.

Узнав о том, что предстоит свадьба младшего брата предводителя курдского ополчения, он поручает приготовить в соответствии с курдскими обычаями подарки жениху и невесте, а также их близкой родне. Не упускает из виду и то, в какой момент свадебного торжества, каким именно образом преподнести подарки. Отправившись на свадьбу, он в точности выполняет положенный ритуал. Этот жест «советского начальника» — «раиси-шурави» — производит самое благоприятное впечатление на курдов и создает необходимый политический эффект.

Тебриз — оплот национально-освободительных сил, исторический центр Южного Азербайджана — подвергается экономической блокаде со стороны правящего режима. Целенаправленно подрывается снабжение города продовольствием: продукцию, поставляемую сельскими жителями, ежедневно разграбляют диверсанты. Как политический руководитель советской группировки Азиз Алиев постоянно сталкивается с драматическими сценами, когда разъяренные голодные люди собираются в толпы, готовые все крушить на своем пути. Эта ярость может в любой момент обрушиться и на советских военных. И тогда он бесстрашно идет в гущу народа, обращается к жителям напрямую, убеждает их в гуманной и мирной миссии советского контингента. Но и подчиненным ему силам он также разъясняет ситуацию:

— Мы не вмешиваемся во внутренние дела Ирана. Однако, отстаивая стабильность в стране, мы не должны допускать раздоров. Мы пришли в

эту страну не с войной. Мы обязаны открыто заявить всему населению, что нам нет дела до ханов, помещиков, таджиров...

В создании атмосферы доверия и сотрудничества с населением, в наведении межэтнических мостов, а самое главное — в возрождении и подъеме культурной жизни азербайджанского народа по ту сторону Аракса, учреждении просветительских очагов и гуманитарных центров, издании газет на азербайджанском языке и приобщении к национальной культуре миллионов соотечественников, проживающих в Иране, ключевую роль сыграли представители интеллигенции Советского Азербайджана, видные мастера литературы, деятели науки — Сулейман Рустам, Мирза Ибрагимов, Гьлман Мусаев, Осман Сарывелли, Аббас Заманов, Джаббар Меджнунбеков и другие. Они были частыми гостями в азербайджанских регионах Ирана, встречались с жителями Тебриза, Меренда, Ардебиля, Урмии.

Полковник Азиз Алиев как политический эмиссар и руководитель с присущими ему чутьем, тактом и прозорливостью направлял эту многоплановую работу, подавая личный пример повседневного общения с различными слоями населения. И его разговоры с людьми вызывали симпатии и доверие своей неподдельной душевной теплотой, открытостью и искренностью, рассеивали страхи и предубеждения, восстанавливая доверие между этническими группами.

В Тебриз постепенно возвращались таджиры-купцы, помещики, ранее напуганные измышлениями провокаторов и антисоветчиков. Жизнь в городе налаживалась.

Азиз Алиев встречался также с ведущими участниками национальноосвободительного движения «21 Азер»; лидер движения Сеид Джафар Пишавари питал к «раиси-шурави» Азизу Алиеву особое уважение.

По инициативе Азиза Алиева в Тебризе открылась больница с бесплатным медицинским обслуживанием населения; мастера искусств Советского Азербайджана выступали перед горожанами; сюда же на гастроли приехал театр оперы и балета из Баку.

Участник тех событий, выдающийся **поэт Сулейман Рустам** позднее вспоминал, что имя Азиза Алиева в Южном Азербайджане буквально переходило из уст в уста. Высоко оценивал деятельность Азиза Алиева в Иране и **генерал-полковник Н. Труфанов**, возглавлявший военный контингент:

«Член военсовета армии Азиз Алиев, работая в Иране, проявил себя умелым организатором, обладающим глубокой политической

грамотностью. Без преувеличения можно сказать, что Азиз Мамедкеримович был в полном смысле слова настоящим и мужественным человеком».

Но помимо большой общественно-политической и гуманитарной деятельности в Иране Азиз Алиев оставался ученым-исследователем, он обобщил свой опыт пребывания в тех краях в «Очерке экономической географии Южного Азербайджана», увидевшем свет в 1942 году (издание филиала АН СССР).

Глава третья

ВОСЕМЬ ЛЕТ В СТРАНЕ ГОР

Я пожизненно признателен славному сыну моего Дагестана и моего Азербайджана.

Расул Гамзатов

В сентябре 1942 года приказом Председателя Государственного Комитета Оборона И. Сталина Азиз Алиев был назначен первым секретарем Дагестанского обкома КП(б). Одновременно ему вверяется должность председателя Махачкалинского Комитета Оборона; Азиз Алиев избирается членом Военсовета 58-й армии и членом Бакинского совета ПВО.

Вероломно напавшая на Советский Союз гитлеровская армада, пользуясь временным превосходством и несмотря на героическое сопротивление оказавшихся в тяжелейшем положении частей советской армии, докатилась до Северного Кавказа. Ленинград истек кровью в кольце блокады. Три десятка километров отделяли передовые части вермахта от Москвы... На гордые вершины Кавказа отряды нацистской дивизии «Эдельвейс» водрузили ненавистный флаг со свастикой. Но Дагестан держался. Страна гор была последним препятствием на пути гитлеровских полчищ, рвавшихся к Баку, к бакинской нефти. Трофейная кинохроника сохранит кадры, запечатлевшие фюрера, склонившегося над картой и вождельно указующего на «бакинский пирог».

Германское командование намеревалось превратить Махачкалу в свой форпост на Каспии.

Дагестан жил в суровых условиях прифронтовой зоны. Отдельные предприятия были эвакуированы. Нависла реальная угроза оккупации. Воздавая должное отважным сынам и дочерям Кавказа, доблестно сражавшимся с жестоким врагом, нельзя обойти молчанием и тех малодушных, что дрогнули, поддались панике, спасая свою шкуру... Участились случаи дезертирства.

Из воспоминаний Азиза Алиева:

«Заседание пленума обкома прошло очень остро. Необходимо было

поднять на ноги местные партийные, советские органы, повесить у руководителей чувство ответственности, мобилизовать народные массы. Но как, с чьей помощью? С чего начинать? Как начинать?

Дагестан имеет территорию свыше пятидесяти тысяч квадратных километров. Здесь свыше пятидесяти административных районов, несколько тысяч сел, поселков и аулов. До многих из них можно добраться лишь пешком или на лошадях. С первых же дней надо было определить природные условия автономной республики, расположение населенных пунктов, пункты компактного проживания народностей и этнических групп, слабые точки пограничных с Чечено-Ингушской автономной республикой зон, горные перевалы, основные дороги и горные тропы и организовать их оборону.

В Дагестане проживают свыше тридцати народов и этнических групп. Наиболее многочисленные — аварцы, лезгины, даргинцы, кумыки, лакцы, азербайджанцы, табасаранцы, ногайцы, рупульцы, татары. Предстояло сплотить в единую семью множество народов и этнических групп с различными характерами, обычаями и традициями, мобилизовать их во имя победы общего дела...»

Так с чего начать? Новоназначенный руководитель обкома немедленно и оперативно встречается с армейским командованием, с членами Военсовета, из-за нехватки времени в полночь беседует с руководителями Совмина, с представителями министерств. Однако полученная информация его не удовлетворяет; тогда он действует по своей испытанной тактике: отправляется по районам, селам и аулам. Выясняется, что жители ряда сел, напуганные слухами о зверствах фашистов в оккупированных зонах, ушли в леса, в недоступные горные местности.

Не забывая о главной теме нашего повествования, все же считаем небесполезными для читателя исторические экскурсы, связанные с яркой деятельностью отца Зарифы Алиевой. Тем более что биография Азиза Мамедкеримовича Алиева неотделима от истории многих народов, входивших в состав Страны Советов, от судьбоносных событий в их жизни, от общего вклада в историческую победу, значение которой ныне пытаются умалить или исказить. Но, как говорил Расул Гамзатов, «если выстрелишь в прошлое из ружья, будущее выстрелит в тебя из пушки».

В свете сказанного — несколько слов о столице Дагестана. Мало кто из молодых читателей знает, что официальная история этого города ведет отсчет с 1722 года, с похода петровского флота на Персию, когда боевые суда нашли удобную гавань на Каспии у подножия горы Анджиарка. Здесь

была возведена крепость, названная Петровским фортом; позднее, 24 октября 1857 года, поселение, выросшее рядом с крепостью, получило название портовый город Петровск. Вскоре здесь был построен порт и проложена Владикавказская железная дорога.

Если заглянуть еще глубже в историю, мы узнаем, что красивая и удобная бухта была замечена еще нашими пращурами. Семь тысячелетий тому назад здесь находился населенный пункт под названием Тарнаир, а затем это поселение выросло в город Самандар, столицу Хазарии. Арабский летописец X века Мугаддаси пишет об этом городе: «Он был крупнее, чем знаменитый город Итиле на Волге (Итиль — одно из древних названий Волги. — Г. М.). У стен его оборонительных укреплений происходили страшные войны, и именно в ходе этих войн решалась участь кавказских и юго-восточных европейских народов».

Российский Петровск, можно сказать, рос не по дням, а по часам. К 1913 году в этом городе действовало пятнадцать фабрик и заводов. Двумя годами раньше открылся первый театр. В 1917 году, когда произошла революция в России, здесь организовался Революционно-военный комитет, в состав которого входил комиссар Махач Дадаев, позднее убитый белогвардейцами. В 1921 году Дагестанский ревком, чья память этого борца за свободу, приказом от 14 мая переименовал порт Петровск в город Махачкала («Крепость Махача»).

...Из поездки по районам Азиз Алиев вернулся поздним вечером. Перед зданием обкома его встретил охранник, старый лезгин. Завязался разговор. И старик неожиданно дал совет: горцев, покинувших села и свои очаги, можно убедить вернуться с помощью сельских аксакалов, служителей духовенства.

Есть две силы, которым покоряются горцы: на небе — Аллах, на земле — аксакал.

Вскоре первый секретарь созывает в Махачкале совещание аксакалов. Создается совет старейшин. А в поселковых центрах и населенных пунктах собираются группы аксакалов. Покоренные уважительным отношением старики обещают вернуть население с горных урочищ к родным очагам.

И постепенно люди действительно возвращаются в свои дома, активно берутся за восстановление хозяйства, но одновременно продолжается и упорная разъяснительная работа. Позднее очевидцы тех дней — лезгины, аварцы, представители других народов расскажут, что Азиз Алиев, не считаясь со временем, не обращая внимания на усталость, побывал более чем в двух тысячах сел, везде встречался и беседовал с людьми, убеждая

молодежь вернуться и включиться в работу тыла, встать в ряды защитников Родины. Первый секретарь посещал и боевые позиции, ему приходилось ночевать в блиндажах, попадать в метели, проводить ночи в машине, укутавшись в горскую бурку...

Под его руководством оперативно создаются отряды самообороны. К регулярным войскам, дислоцированным в автономной области, назначаются проводники из местных жителей. Формируются группы по выявлению и обезвреживанию диверсантов.

Можно представить, сколько энергии, душевных сил, дипломатического чутья требовалось для того, чтобы всколыхнуть и сплотить разноязыкое многонациональное сообщество, подверженное сложным и противоречивым настроениям, подогреваемым провокаторами и вражеской пропагандой. Скорее всего, первый секретарь обкома не преминул при этом воззвать к традиционным уставам и кодексам чести гордых горцев, к памяти о достославных предках-воинах.

Война диктовала жестокие законы. Любые проявления паники и саботажа беспощадно карались. А сталинский режим при малейшем подозрении в нелояльности не останавливался перед выселениями целых народностей. Дагестанцы не могли не слышать об участии крымских татар, поволжских немцев, балкарцев, чеченцев, ингушей...

Из воспоминаний **члена-корреспондента АН Азербайджана, профессора Гаджи Гамзатова:**

«Шел четвертый год войны. В те тяжкие времена, когда Азиз Мамедкеримович Алиев возглавлял обком, я руководил сектором печати обкома. В том году жители нескольких горных районов автономной республики были переселены на низинные территории. Переселенцы не могли приспособиться к климату низины, заболели. Малярия, тиф губили людей. Правительство республики организовало выездной штаб помощи, выделило продукты питания, лечебные препараты, направило бригады медработников.

Штаб размещался в Бинай-ауле, нынешнем селе Новолакское. Замнаркома здравоохранения республики, мой друг детства Джамал Абдуррагимович Гаджиев, был назначен начальником штаба. А меня командировали в это же село как политработника. В ту пору жители были морально подавлены. Ежедневно помимо похоронок с фронта поступали сообщения о смерти свыше полусотни людей от различных заболеваний. За несколько дней пребывания в селе я не заметил ни одной улыбки. Все ходили хмурые, изнуренные, с опухшими глазами.

Я ломал голову, как ободрить, поднять настроение сельчан. Поделился

мыслями с Джамалом Абдуррагимовичем. Он внимательно выслушал меня и решительно сказал:

— Верно, очень важен моральный фактор. В селе Кишен (в 1944 году это село было переименовано в Чапаево). живет прекрасная певица, переселенка из Каракенда. Я ее знаю со времен работы в Кулине. Но насколько удобно побеспокоить ее в такой ситуации, зайти к ней? Сейчас люди живут в нужде, неловко являться в гости даже к близким и знакомым.

— Давай рискнем, — предложил я. — У тебя же есть полномочия по оказанию посильной помощи. Давай прихватим с собой муки, масла, фасоли и, на всякий случай, бутылку спирта... Навестим ее семью и попросим ее выступить в сельском клубе перед жителями.

Мы так и сделали. А уж какую радость доставил этот концерт людям!

Здесь в памяти у меня оживает еще один эпизод. В тот период я параллельно с основной работой выполнял обязанности ответственного секретаря Дагестанского отделения Союза писателей СССР. Писатели тоже жили трудно. Книг, можно сказать, не издавалось, а продовольственный паек получали не все.

По просьбе руководства Союза писателей правительство решило выдавать паек всем членам СП. И сложилась такая ситуация, что писателям, состоявшим на госслужбе, доставалось по два пайка. Контрольная комиссия информировала об этом правительство. По этому поводу меня вызвал к себе Азиз Мамедкеримович и потребовал разъяснений. Я сообщил о бедственном положении большинства литераторов, о том, что их дети разуты-раздеты, страдают от недоедания и болезней; эти семьи не получают никакой помощи из аулов, как многие другие сограждане, так что лишение писателей двойных продовольственных пайков может привести к плачевным последствиям для их семей. Среди тех, кто получал две карточки, были Энвер Аджиев, Абуталыб Гафуров, Гаджи Залов и многие другие. Я признался, что из-за нужды мне пришлось продать на базаре единственный костюм, сшитый мне матерью, добавив, что другим писателям и продать-то нечего.

Через некоторое время Азиз Мамедкеримович пригласил всех писателей в обком на чай, выслушал их, поговорил по душам. Затем дал распоряжение об оказании им поддержки и предоставил материальную помощь».

О другом случае поведал простой дагестанский труженик: «Однажды мы пешком отправились в село, находившееся от Махачкалы на изрядном расстоянии. Со мной была моя тетья с детьми. По пути нас застал проливной дождь. Взяв детей на руки, мы попытались защитить их от

ливня. Вдруг нас догнала и затормозила рядом машина. Шофер спросил:

— Куда путь держите?

Я назвал село. Из машины вышел солидный мужчина и говорит: “Садитесь в машину”. И велел шоферу: “Отвези их в село и возвращайся”. Я по дороге поинтересовался, кто этот человек. “Первый секретарь обкома Азиз Алиев”, — ответил шофер».

Азиз Алиев искренне любил многонациональный Дагестан, его самоотверженных, гостеприимных жителей. И горцы вскоре полюбили Азиза Мамедкеримовича, стали оказывать ему поддержку во всех начинаниях и делах.

Главное его достижение — консолидация и доверие между различными народами и этническими группами Дагестана. В годы войны там не было ни одного инцидента на этнической почве. Дагестанцы добросовестно трудились в тылу и доблестно сражались на фронте.

По инициативе А. Алиева был сформирован национальный эскадрон имени героя Гражданской войны Кара Караева. Провожая воинов-кавалеристов на фронт, он вручил им Красное знамя с надписью «Дагестанский Чрезвычайный кавалерийский добровольческий эскадрон».

Воины поклялись, что с честью выполнят наказ Родины и водрузят знамя над поверженным Берлином. И сдержали клятву. Начав боевой путь со станции Ишшер у южного Моздока, эскадрон прошел до Берлина в составе 416-й Таганрогской дивизии, успешно выполняя важнейшие боевые задания.

Комдив 416-й писал первому секретарю обкома: «Дагестанские воины, стойко и мужественно сражаясь в наших рядах, нанесли сильные удары по врагам нашей Родины. На протяжении всего славного боевого пути дивизии дагестанские кавалеристы отличались внезапными ударами, внезапными рейдами в тыл противника...»

В Дагестане была создана 91-я стрелковая дивизия, позднее удостоенная почетного названия Мелитопольской. Азиз Алиев лично интересовался фронтовыми путями-дорогами и боевыми свершениями дивизии. Бойцы дивизии в одном из писем Азизу Алиеву сообщали: «Мы ощущаем повседневную заботу дагестанских трудящихся. Эта забота придает нам новые силы в сражениях с врагом. Тесная связь трудящихся Дагестана с нашей дивизией сделала нас сильными и непобедимыми».

Шефству над семьями воинов первый секретарь обкома придавал огромное значение. За образцовую помощь семьям военнослужащих Дагестан только за один 1944-й год двадцать пять раз получал благодарность от Верховного Главнокомандования.

Вот отрывок из письма военнослужащего Пенколя Азизу Алиеву, датированного 14 марта 1944 года: «Сегодня я получил письмо от моей маленькой дочки. Она выражает радость по поводу получения от меня посылки, а посылку-то, конечно, отправил не я. Из письма жены я узнал, что мою семью по Вашему поручению посетил работник Вашего аппарата и вручил подарок по случаю 26-й годовщины создания Красной Армии. Дети посчитали, что этот товарищ приехал от меня, и очень обрадовались. Товарищ Алиев, от души выражаю признательность за заботу, проявленную Вами о моей семье. Я никогда этого не забуду...»

Азиз Алиев держит в сфере постоянного внимания вопросы, связанные с жильем, снабжением продовольствием, медобслуживанием. Под его контролем при содействии Наркомата торговли и союзов Запотребкооперации создается фонд помощи для обеспечения одеждой эвакуированных из фронтовой зоны.

В соответствии с нуждами фронта организуются новые производственные участки оборонного значения в Махачкале и других городах. За годы войны в Дагестане не было ни одного случая смерти от голода.

Расширяется рыбодобыча на Каспии, создаются новые рыболовецкие бригады и участки. Каждая тонна улова была на учете Госкомитета Оборона СССР, под контролем и по распределению которого рыбопродукты доставлялись в воинские части — более пятидесятишестидесяти тонн ежегодно.

В 1944 году весенняя путина на Каспии проходила очень удачно, улов вдвое превысил годовой план. Успех воодушевил рыбаков, и они обязались в осеннюю путину выловить рыбы еще на один годовой план. Отремонтировали сейнер, подготовили снасти, сети. Увы, накануне сезона Каспий показал свой крутой нрав — разыгрался шторм, высота волн достигала пяти — десяти метров. Штормило больше месяца, в море выходить, естественно, не было возможности, и улов составил куда меньше намеченного объема... А обещанного ждуют на фронте. Пришлось руководителю обкома держать ответ перед московским начальством. Документы, представленные союзной гидрометеослужбой, подтвердили доводы Азиза Алиева. В общем, в Москве поняли ситуацию и никаких претензий больше не предъявляли.

Используя свой опыт медика, Азиз Алиев много времени уделял четкой организации работы госпиталей. Партийные комитеты по его рекомендации организовали ночные дежурства у тяжелораненных, обеспечивали бесперебойное снабжение военных клиник продуктами.

Из ста тридцати пяти тысяч раненых, проходивших лечение в Дагестане, сто две тысячи вновь вернулись на фронт.

Дагестанские труженики в больших объемах отправляли в освобожденные от фашистов республики, края и области фрукты и овощи, а еще — двадцать восемь тысяч голов овец, тысячу сто коней, тысячу двести голов крупного рогатого скота.

Когда поднимали из руин Сталинград, дагестанцы направили на восстановление тракторного завода двести пятьдесят юношей и девушек. И первый секретарь лично напутствовал их на вокзале. Затем был создан Фонд помощи восстановлению Севастополя. Собрали большое количество продовольствия, около пяти миллионов рублей; в Севастополь было также отправлено двенадцать вагонов стройматериалов и оборудования.

За заслуги в сборе средств для Фонда обороны руководство Дагестана семьдесят пять раз получало благодарственные грамоты от Верховного Главнокомандования. Дивизия из азербайджанцев, сформированная в Дагестане, дагестанские полки и другие воинские подразделения с честью выполняли свой воинский долг, создавая мощный заслон на пути врага, рвавшегося на юг, а затем перешли в наступление в составе своих фронтовых частей, героически сражаясь за освобождение Ростовской области, Таганрога. И закончили славный путь в Берлине. Пятьдесят дагестанских воинов удостоились звания Героя Советского Союза, свыше тридцати пяти тысяч бойцов были награждены орденами и медалями.

Особого разговора заслуживает бережное, удивительно чуткое отношение Азиза Алиева к творческой интеллигенции, мастерам культуры, к молодежи Дагестана.

Народный поэт Гамзат Цадаса вспоминал: никогда, ни из чьих уст он не слышал ни единого слова или намека, могущих бросить тень на высокую культуру, доброту и великодушие Азиза Мамедкеримовича. Тот действительно был прекрасным человеком. В 1944 году по личной инициативе Азиза Алиева в Дагестане торжественно отметили пятидесятилетие творческой деятельности Гамзата Цадасы, награжденного орденом Ленина. «И первым отца поздравил именно Азиз Алиев, — вспоминал его сын **Расул Гамзатов**. — И, обратившись ко мне, неожиданно сказал: “Расул, давай-ка мы отправим тебя в Москву, в Литературный институт имени Горького”... Так, с легкой руки Азиза Алиева, начался путь в большую литературу будущего прославленного поэта. Общеизвестно, какую роль в творческом становлении и судьбе молодого Расула Гамзатова сыграли московская литературная альма-матер, знакомство и дружба с мастерами русской литературы.

Однако на предложение Азиза Мамедкеримовича Расул тогда отозвался в том духе, что, мол, для того, чтобы стать поэтом, обязательно ли ехать в Москву? «Вот Сулейман Стальский писал стихи, не окончив институтов». Но позднее поэт признал, что «все обстояло не так, как я тогда представлял себе».

Счастье, если о тебе и твоём будущем думают и заботятся другие. Это еще более ценно в тяжелые дни испытаний, когда все, кто способен держать в руках оружие, бьются с врагом за родину.

В чем же заключалась тайна обаяния личности Азиза Алиева и любви к нему народов Дагестана? Да не было здесь никакой тайны, просто он от души, бескорыстно и щедро отдавал дагестанскому народу свой опыт и мудрость, нажитые всей предшествующей жизнью.

Учитель Джамал Абубакаров выразил любовь дагестанцев к Азизу Алиеву в простых, но искренних и взволнованных строках:

*Ты друг великий нашего народа,
Мы помним все, что сделано тобой.
Твоих заслуг пред Дагестаном много,
Навек с тобой мы связаны судьбой.*

*Ты братского народа сын достойный,
И колыбель твоя — Азербайджан.
Ты след оставил на земле глубокий,
Твой подвиг не забудет Дагестан.*

*Ты был учителем, врачом и другом,
Ты Родине все силы отдавал,
Твой путь по жизни, пламенный и яркий,
Для поколений всех примером стал.*

Видный государственный деятель М. Умаханов отмечает большой вклад Азиза Алиева в воспитание молодых кадров: «Лично в моей судьбе, в верном выборе жизненного пути велика была роль Азиза Мамедкеримовича. Я полтора года проработал с этим незаменимым человеком».

Незаменимый человек! Это поразительно глубокое определение, оно предвосхищает одно из ключевых положений концепции знаменитого социального философа Э. Тоффлера, выдвинутой им в работе

«Метаморфозы власти», опубликованной в самом конце XX века. Значит, еще в то время, когда в советском обществе царил постулат «у нас незаменимых людей нет», у наиболее проницательных умов возникало ощущение в его неправомерности. Тем более если перед глазами была деятельность личностей такого масштаба, как Азиз Алиев. Концепция взаимозаменяемости без ущерба общему делу, связанная с начальным этапом промышленной революции, именно в те роковые военные годы претерпевала трансформацию и коренное изменение в связи с усложнением задач в развитии как промышленной, так и социальной сферы общества — и в СССР, и на Западе. Знания, а не механические навыки становятся сущностью любой деятельности, именно они повышают уровень компетенции человека, и потому рабочее место руководителя-управленца — врача ли, инженера — становится более индивидуализированным.

В названиях высоких наград, которыми страна заслуженно оценила деятельность А. Алиева, слышится эхо славных и упорных его трудов — два ордена Ленина, ордена Отечественной войны, Трудового Красного Знамени, медали — «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Но, разумеется, самой большой наградой для Азиза Мамедкеримовича была благодарная любовь народа Дагестана.

В послевоенные годы, до декабря 1948 года, он продолжает с прежней неутомимой энергией работать на посту руководителя автономной республики. Неоценим его вклад в создание материально-технической базы Академического центра, а затем Дагестанского филиала Академии наук СССР, в развитие вузов республики. Привлечение молодых горянок к образованию, подготовка кадров женщин-специалистов и вовлечение их в общественную и хозяйственную деятельность, основание женского пединститута и женского педучилища в Махачкале — тоже в ряду заслуг первого секретаря обкома...

В 1946 году А. Алиев избирается секретарем Верховного Совета СССР от автономной республики, через год — депутатом Верховного Совета Дагестана. В декабре его направляют на учебу в Москву, но он продолжает поддерживать тесные связи с Дагестаном.

Памятливые горцы и поныне с благодарностью вспоминают этого незаурядного и талантливого руководителя. «Он был личностью, далекой от шаблона, — вспоминает **Магомед Курбанов**. — Высокая принципиальность, самоотверженность на государственной службе и вместе с тем доброта и заботливое участие в обычных человеческих делах — вот какие качества сочетал в своем характере Азиз Алиев».

И его слова продолжает **Х. Пирсаидова**:

«Дагестанцы никогда не забудут ту роль, которую сыграл Азиз Алиев в судьбах наших народов. Дагестан и Азербайджан на протяжении долгих веков жили в условиях мира и добрососедства, эти отношения имеют глубокие исторические корни, опирающиеся на общечеловеческие ценности, на единство наших культур, наших обычаев и традиций. Мы будем всегда крепить нашу дружбу, развивать экономические, научные и культурные связи во имя процветания Азербайджана, Дагестана, России».

Глава четвертая

КЛЕВЕТА

Где зависть, там и клевета.

Гиппократ

Азиз Алиев был главой прекрасной и дружной семьи. Его спутница жизни Лейла ханум — воплощение доброты и женственности. Общительная, обаятельная, она была счастливой матерью шестерых детей: двух сыновей — Тамерлана и Джамиля, и четырех дочерей — Лазифы, Зарифы, Дильбер, Гюляры. Четверо из них пошли по стопам отца, стали медиками, Дильбер выбрала профессию инженера-связиста, а самая младшая, Гюляра, получила известность как талантливая пианистка.

Славные дагестанские страницы жизни позади. Теперь Азиз Алиев — слушатель Академии общественных наук в Москве, одновременно — сотрудник аппарата ЦК ВКП(б). Он входит в число наиболее видных партийных кадров союзного значения. В 1950 году его приглашают в Баку на ответственную государственную должность — первым заместителем председателя Совета министров Азербайджана.

По тогдашнему распорядку перечень кадровых резервов на высокие посты составлялся заранее; резервы союзного значения рассматривались в Политбюро, и список их хранился как секретный документ.

Время было сложное. Атмосферу во властных верхах от Москвы до столиц союзных республик пронизывали слезка и доноительство, так что не только пост, но и голову можно было потерять. И вот кто-то услужливо «шепнул» тогдашнему грозному «хозяину» республики Мир Джафару Багирову, что Азиз Алиев значится в резервном списке на замещение постов первого секретаря ЦК КП(б) республики и главы правительства. И тот, уже давно ревниво наблюдавший за успешным восхождением Азиза Алиева, видевший в нем конкурента и агрессивно относившийся к его растущему авторитету, вознамерился любой ценой устранить его с политической арены. Благо, подобного опыта «хозяину» было не занимать. В своем коварном замысле он уповает на поддержку давнего друга и покровителя, могущественного Л. П. Берии. Без его участия Багиров не

отважился бы посягнуть на доброе имя такого блестящего и популярного лидера, как Азиз Алиев...

И вот 12 июня 1951 года решением бюро ЦК компартии республики М. Дж. Багиров наносит первый удар: «За обман партии, выразившийся в сокрытии подлинного социального положения своих родных и близких в автобиографии и других документах, объявить строгий выговор».

24 июня того же года следствием данного решения становится освобождение А. Алиева от должности зампреда Совета министров. Мотив все тот же: «За допущение проступков, не подобающих члену партии, за сокрытие социального положения своих родителей, проживания родной сестры в Иране, потерю авторитета среди актива республики».

Конечно, все эти обвинения были абсолютно беспочвенны. В автобиографии и других документах Азиза Алиева отражены точные и достоверные сведения о семье и родственниках. Но опровергать, доказывать что-либо в той ситуации было бессмысленно. Результат мог оказаться роковым.

Поначалу Азиза Алиева назначают директором Научноисследовательского института ортопедии и восстановительной хирургии. Но на этом цепь преследований не обрывается. Вскоре следует указание об освобождении и от директорства в НИИ с дальнейшим переводом в Сабунчинскую больницу. Наверное, Багирову казалось, что он растоптал и унизил соперника. Как же он ошибался! Не постами, не высокими чинами дорожил Азиз Алиев. Подлинным наказанием для него могло быть только то, если бы ему запретили вообще вести какую-либо деятельность. А тут такое утешение: сфера, вверенная ему, — любимая медицина! Каждый день в толпе трудящегося люда он отправляется электричкой в этот рабочий поселок. И при встрече с пациентами мгновенно забываются и враждебное отношение «первого», и малодушие старых знакомых, которые при виде его торопливо сворачивают в сторону...

Однажды к нему на прием явился взволнованный старик с мальчиком-подростком:

— Доктор, возьму на себя печали твои, одна надежда на тебя...

Доктор наметанным глазом взглянул на ребенка болезненного вида. Хотел было позвать заведующего отделением, чтобы посоветоваться, но старик остановил его, схватив за руку:

— Прощу тебя, не отсылай нас к другим. Я знаю, к кому пришел!

Азиз Мамедкеримович сам взялся за обследование больного, поставил диагноз, поместил в палату, назначил лечение. Через пару дней навестил.

Мальчику стало лучше. Дело пошло на поправку.

Старик не знал, как благодарить.

— Паду под ветром, забросившим тебя сюда! Ты вернул мне моего сыночка!..

Упоминание о «ветре» рассмешило доктора. Никогда не видели в больнице, чтоб главврач так от души смеялся. Дома рассказал о благодарности старика, развеселив домочадцев. Была в этой реакции и гордость, и радость, которая заглушала все несправедливые обиды...

Моральный террор не сломил его. Даже в эти нелегкие для себя времена он не терял оптимизма и жизнелюбия. Сын Тамерлан вспоминал: «Хотя отец внутренне был очень обеспокоен, он не выказывал этого беспокойства. Всячески стремился к тому, чтобы мы не ведали о его затаенной тревоге и переживаниях. Те годы были такими тяжелыми, что волей-неволей оказывали воздействие, оставляли свои отметины в наших судьбах. Но отца все же не покидала прежняя бодрость духа, любовь к шутке...»

Здесь мы возвращаемся к главной теме, побудившей нас взяться за перо, — к истории жизни славной дочери славного человека, к повествованию о Зарифе Азизовне Алиевой.

Глава пятая

ЗАРИФА И ГЕЙДАР

В 1949 году Зарифа Алиева возвращается в Баку. Через год — и Гейдар Алиев. Разлука только укрепила их чувства, и он решает создать семью.

Все бы ладно, да вот с жильем незадача — офицер госбезопасности живет с братьями и матерью в Ичери шехер^[4], квартирантом в полуподвальном помещении. Они встречаются все чаще — Зарифа и Гейдар. И все яснее понимают душой, что нашли свое счастье. В народе образно говорят в таком случае: «Их звезды помирились».

В 1952 году решилась квартирная проблема: Гейдар Алиев получил долгожданную двухкомнатную квартиру. Но, как уже знает читатель, над семьей опального Азиза Алиева навис «дамоклов меч» М. Дж. Багирова.

Ныне трудно представить, но это были годы, когда не только служебная, творческая или научная карьера, но и личная жизнь, самое физическое существование человека могли в любой момент оборваться по произволу власти. Задумав соединить свою судьбу с судьбой Зарифы, Гейдар Алиев бросал вызов одному из самых могущественных и влиятельных приспешников режима — М. Дж. Багирову. Последствия такого шага были для офицера госбезопасности вполне предсказуемыми, но это не останавливает его. Гейдар Алиев решает отстаивать свое право быть рядом с любимой.

«Пикантность ситуации состояла в том, — пишет в первой книге своего фундаментального исследования биографии и времени Гейдара Алиева знаменитый публицист, депутат парламента Азербайджана **Эльмира Ахундова**, — что молодой офицер работал в том самом ведомстве, которому было поручено заняться проверкой компромата на его будущего тестя».

Блестящий послужной список Гейдара Алиева поначалу останавливает начальство от мгновенной и резкой реакции. Ему просто не рекомендуют встречаться с дочерью опального госслужащего, впавшего в немилость к «первому» лицу республики.

Однако «не рекомендуют» — это мягко сказано. На само деле вопрос был поставлен ребром: или служба и карьера, или любовь. Однако молодой офицер не отступает, не внемлет «советам» начальства. Он продолжает встречаться с любимой, соблюдая определенную «конспирацию». Хотя

Гейдар не посвящает девушку в эти проблемы, чуткая Зарифа обо всем догадывается, и ее глубокие внутренние переживания выливаются однажды во время очередной встречи в горькую фразу: «Знаешь, мы больше не сможем видеться, ведь отца сняли с работы и выдвигают против него разные обвинения. А ты служишь в органах госбезопасности, это может навредить тебе... Кажется, не судьба нам быть вместе...»

Гейдар возражает, пытаясь успокоить любимую, и они продолжают свои тайные свидания.

Между тем за семьей Азиза Алиева устанавливается плотная слежка. Власть ищет предлог, чтобы его арестовать. Гейдара Алиева вызывает к себе тогдашний министр госбезопасности Азербайджана генерал Емельянов и внушает:

— Ты молодой и способный сотрудник. Получил в Ленинграде прекрасное образование, у тебя есть будущее. Ты должен порвать все связи с семьей Азиза Алиева, иначе мы будем вынуждены уволить тебя со службы.

Однако Гейдар невозмутим, его поддерживает сознание того, что по службе он не имеет нареканий, а что касается личной жизни — разве он не вправе сам распоряжаться своей судьбой?

На вопросы молодого человека, в чем именно провинился Азиз Алиев, последовал цинично-откровенный ответ:

— Ты еще молод, много не понимаешь... — усмехается всесильный генерал. — Товарищ Мир Джафар Багиров дал нам указание, и мы обязаны его выполнить.

Проходит год. «Нелегальные» свидания продолжают. Профессионал конспирации дерзко бросает перчатку коллегам по службе. Он вспоминал об этой ситуации: «В то время Баку не был так ярко освещен, в городе было много темных укромных мест. Я присмотрел несколько таких мест, где не увидят ни ее, ни меня. Неподалеку от нашего дома, на нынешнем проспекте Азадлыг, был парк, где потом поставили памятник Джапаридзе. Напротив находилась трамвайная остановка. А вокруг было темно. Я, скажем, назначал свидание там, прямо около остановки. Я-то мужчина, офицер, никого не боюсь, к тому же при мне оружие. А она, бедная, была молодой красивой девушкой. Такие девушки всегда привлекают внимание. Поэтому я ждал ее у самой остановки. Она выходила из вагона, я встречал ее, и мы уходили в этот парк».

В самом начале 1953 года Емельянов вновь вызвал подопечного «на ковер» и теперь уже без всяких обиняков предупредил: «Почему же ты не выполнил мое распоряжение?.. Знай, твоя дальнейшая работа в органах

находится под большим вопросом».

Тон этого разговора не оставлял Гейдару Алиеву выбора, ему становится ясно, что «первый» готовится к окончательной расправе над своим конкурентом, со всеми понятными последствиями. Однако он не может представить своей жизни без Зарифы, что бы ни случилось... И он не колеблется ни минуты.

Впоследствии Гейдар Алиев признался: «.знаете, какие мысли были, потому что я в КГБ работал, знал, что делается вокруг ее отца, как за ним следят. И я знал, слышал, что есть планы их выселения отсюда в Казахстан, всей семьей. Я подумал: если их выселят, я за ней поеду в Казахстан, там, может быть, мне даже легче будет найти работу, чем здесь».

А расположение звезд благоволит влюбленным... Человек предполагает, а Бог располагает.

В марте 1953 года умер Сталин. И уже в июне Л. Берия и его подручные были арестованы. А в декабре того же года Верховным судом СССР Берия, Меркулов, Деканозов, Кабулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский за тяжкие государственные преступления и измену Родине были приговорены к высшей мере наказания.

На скамью подсудимых сел и республиканский сатрап Лаврентия Павловича — М. Дж. Багиров, на чьей совести было немало невинных жертв. Вместе с ближайшими помощниками его постигло справедливое возмездие.

Так семья Алиевых избавилась от преследований, а вместе с ней и тысячи других семей вздохнули свободно, началась реабилитация жертв незаконных репрессий, стали в массовом порядке возвращаться домой невинно осужденные и сосланные.

Азиз Алиев дожил до торжества справедливости. Он увидел судебный процесс по делу своего бывшего жестокого гонителя в Баку — в 1956 году. Рядом с М. Дж. Багировым на скамье подсудимых сидел и генерал Степан Емельянов. Разжалованный генерал был осужден на двадцать пять лет тюремного заключения. В семидесятые годы отбывший срок наказания и вернувшийся в Баку Емельянов обращается с письменной просьбой о помощи в решении своих житейских проблем к первому секретарю ЦК КП Азербайджана Гейдару Алиеву... Такова ирония судьбы... Или — справедливый суд истории...

А любовь Гейдара и Зарифы, выдержав испытания, выпавшие на их долю, озарила своим сиянием их семейный очаг. В ноябре 1954 года молодые расписались и сыграли скромную свадьбу в квартире, которую незадолго до этого получил от КГБ Гейдар Алиев.

Появление в семье молодого талантливого офицера Гейдара Алиева, в котором Азиз Мамедкеримович при первой же встрече пронизательно угадал не только достойного зятя, но и будущего блестящего государственного деятеля, было несомненной милостью фортуны: «Ай Лейла, Гейдар станет очень большим человеком...»

А когда Гейдар Алиев, сотрудник госбезопасности, стал желанным гостем в этой семье, Азиз Мамедкеримович, с его громадным опытом и знанием людей, вновь повторил: «Этот оглан^[5] — настоящий золотой слиток, у него блестящее будущее».

Гейдар с Зарифой понимали, что их встреча — редкостный подарок судьбы.

Об истории этой любви позже было написано много стихов, снято много фильмов. Режиссер Вагиф Мустафаев сделал на эту тему волнующий, драматичный фильм «О настоящей любви». И там, с экрана, мы услышали трогательное признание главного героя — Гейдара Алиева: «Я действительно очень любил ее. Чувствовал и ее любовь ко мне. Думаю, нет необходимости доказывать, сколь глубоки были корни нашей любви друг к другу».

Народный поэт Зелимхан Ягуб в «Дастане великой жизни» посвятил отдельную главу любви Гейдара и Зарифы. Приведем отрывок из «Дастана» в русском переводе Сиявуша Мамедзаде:

*Влюбленному «не смей любить!» — сказали.
«Карьеру можешь погубить!» — сказали.
«От дочери опального отца
Тебе придется отступить» — сказали.*

*«Не смей с любимой знаться и встречаться,
Ей на глаза не вздумай показаться,
Исход печальным может оказаться,
Отец ее у власти не в чести,
И с нею будет вам не по пути»...*

*Прервать поток решили родниковый,
Огонь пытались заточить в оковы,
«Забудь, смирись, — был приговор суровый, -
Иначе ты испортишь себе кровь».
И так была возбранена любовь.*

*Но как отринуть ветку от корней?
Как солнцу приказать: не пламеней!
Луну сокрыть от солнечных лучей,
Лишить сиянья в темени ночей?*

*То было злого времени табу,
Разрушившего не одну судьбу,
Вменившего в обязанность борьбу
С высокими порывами души
И бывшего прицельно по добру.*

Поэт нашел проникновенные слова, раскрывая бесчеловечные законы эпохи и отвагу людей, отстаивающих свое право на счастье, на личную свободу:

*Ведь сердцу не прикажешь, говорят,
Реке путь не укажешь, говорят,
Петь птице не закажешь, говорят.
Стремящемуся к розе соловью
В отваге не откажешь, говорят.*

*Они друг другу верными остались,
Встречались, знали, так и не расстались,
Переступили через призрак страха
По зову сердца, милостью Аллаха.*

*... Преодолея с честью все ненастья
Великой силой веры и участия
Слагалась песня будущего счастья
Из двух имен — Гейдар и Зарифа.*

*В бореньях жизни высверкнув мечом,
Опорой в бедах — сердцем и плечом,
Дарящим свет живительным ключом
Взошла любовь — Гейдар и Зарифа.*

*Цветок без солнца и тепла увянет,
Душа без ласки и добра увянет,*

*Любовь нагрянет и дастаном станет,
Волнуя кровь, — Гейдар и Зарифа.*

Родственница нашей героини, в свое время работавшая врачом в нахчыванской сельской больнице, **Мохтарам ханум** говорит: «Зарифа была нежным цветком семьи Азиза дайи^[6]. Искреннюю, любящую шутку, веселую Зарифу все звали “цветок нашего очага”. Позже она переселилась к очагу Иззет ханум^[7] и стала цветком семьи Гейдара Алиева.

Иззет ханум, несмотря на пожилой возраст, оставалась работающей и расторопной женщиной. Не могла и минуты усидеть без дела. Вопреки уговорам молодых домочадцев она при случае сама ходила по воду на родник Агамалы. И там не задерживалась: соседки из почтения к ней сразу наполняли водой ее ведерки и провожали обратно до дому. Любила детей, семью свою безмерно. Сама будучи домохозяйкой, пеклась о том, чтобы дети получили образование. В сыне Гейдаре души не чаяла. По рассказам близких, он был у нее любимцем. Когда Гейдар завел свою семью и Иззет ханум убедилась в преданности и благородстве своей невестки, она почувствовала себя совершенно счастливой. Сбылась святая материнская мечта.

Есть азербайджанская пословица: “Сноха подстать очагу”. Зарифа души не чаяла в свекрови. Стоило Иззет ханум слегка приболеть, невестка ни на шаг от нее не отходила, заботилась, выхаживала... Она была не только верной и любящей женой, но и внимательной невесткой. Учеба, научная деятельность, медицинская служба — ничто не могло помешать ее заботам об Иззет ханум. Она говорила, что женщина в мужнином очаге — прежде всего невестка, поэтому одна из ее главных обязанностей — “погода в доме”. Иззет ханум, в свою очередь, обожала Зарифу. Относилась к ней с материнской нежностью. Лишь только речь заходила о Зарифе, говорила: “Она — образец азербайджанской невестки».

Пюстаханум Азизбекова вспоминает о таком эпизоде: «Свадьба племянницы Зарифы — Светланы — и поныне у меня в памяти. Она была дочерью Лязифы и Агаали и вышла замуж в начале шестидесятых годов.

Это была первая свадьба внучки в жизни Лейлы ханум и Азиз муаллима. Поэтому, наверное, все мы не могли натанцеваться, порадоваться этому событию. Свадьба та отличалась от нынешних пышных торжеств с участием сотни — двух гостей. Собралась самая близкая родня и друзья, всем хватило места в просторной гостиной в старинном доме, где жила семья дяди Агаали.

Мы с Зарифой, улучив момент, уединились в зеркальной галерее, она не так давно сама вышла замуж, и мы еще не имели возможности наговориться вдоволь. Первое, о чем я спросила: “Зарифа, ты счастлива?” И она радостно призналась мне: да, счастлива, это любовь взаимная, верная, рассказала о прекрасных качествах своего спутника жизни. А самое знаменательное то, что спустя многие годы после той нашей той встречи на свадьбе она с прежним воодушевлением и пылкостью продолжала говорить о своем супруге, о своем женском и семейном счастье...»

Глава шестая

ВОСПОМИНАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ

По следу памяти, назад, устремимся мы снова, читатель! Что домысливать автору в биографии замечательной женщины, если люди сами слагают сагу о ней?

Алима Алиева, врач республиканской клинической больницы имени академика М. Миркаsumова охотно рассказывает о давней дружбе ее семьи с семьей Азиза Алиева. Тепло вспоминает главу семьи Азиза Мамедкеримовича, его супругу Лейлу ханум, счастливые дни общения с подругами — дочерьми Алиевых: Лязифой, Дилярой, Зарифой, Гюлярой.

Интересно, как человеческие узы переплетались с профессиональной деятельностью: научным руководителем Тамерлана Алиева стал именитый однофамилец, первостроитель фармацевтической науки в Азербайджане профессор Рустам Алиев — брат Алимы ханум.

Ну а далее — воспоминания самой Алимы ханум:

«Зарифа, несмотря на разницу в возрасте, была очень привязана ко мне, между нами сложились теплые доверительные отношения... Она делилась со мной своими тайнами и заветными мечтами.

У нас с ней тогда были длинные косы. И она часто называла меня “сачлы гыз” (“девочка с косой”), дарила мне разноцветные ленточки. Мама моя, Заргалам ханум, происходила из именитой шушинской интеллигентной семьи. Красивая была женщина и буквально излучала доброту. Ласковая, щедрая, благородная. К тому же — мастерица по части азербайджанской кухни, готовила отменные карабахские яства. Ее любили за все эти качества, особенно семья Азиза Алиева. Азиз Мамедкеримович сразу оценил кулинарное искусство моей матери, говорил, что аромат плова, приготовленного ею, чувствуешь, едва ступая во двор.

В наш дом были вхожи многие известные представители интеллигенции, государственные деятели Азербайджана. Обычно собирались у нас по субботам. Желанными гостями были Азиз Алиев, Гасан Алиев (академик, брат Гейдара Алиева. — Г. М.), академики Юсиф Мамедалиев, Мустафа Топчибашев, Абдулла Караев, народный поэт Самед Вургун, известный писатель Ильяс Эфендиев, народный артист СССР, певец Бюльбюль, знаменитые композиторы Фикрет Амиров, Сулейман Алескеров, министр здравоохранения Фахри Векилов, Тамерлан Алиев.

Первого сентября, в день моего рождения, собиралось особенно много гостей, но неизменно бывали Зарифа ханум с сестрами. Играли на пианино, пели, танцевали, веселились. Мы, в свою очередь, отмечали дни рождения сестер Алиевых. В летние месяцы семьями вместе отправлялись отдыхать.

Во время одной из таких встреч Зарифа ханум подарила мне маленькую шкатулку со словами: “Алима, когда я окончила школу, мама подарила мне старинные часы. А я тебя так люблю, что вручаю их тебе на память обо мне”. Эти часы я храню до сих пор как самую драгоценную реликвию.

... Никогда не забуду одно событие времен моего детства. Наша семья отдыхала на даче. Лето, жара. Вместе с гостями мы отправились купаться на море. По дороге маму в руку ужалила змея. Начался страшный переполох. Маму немедленно отвезли в город, к врачу. В больнице оказали необходимую помощь, затем привезли домой. Можно сказать, в Баку, наверное, не осталось специалиста-врача, который бы не пришел осмотреть и провести маму. Однако состояние ее ухудшалось. Я очень любила мать, страх за ее жизнь заставлял меня плакать не переставая. В те дни все Алиевы то и дело наведывались к нам, ободряли, поддерживали. Азиз муаллим сам занимался лечением, и во многом благодаря его заботам мама выздоровела».

А вот академик **П. Азизбекова** вспоминает забавный эпизод из детства дачных времен: «По ту сторону нашего забора находился дом отдыха какого-то ведомства. То ли МВД, то ли пограничников. Там, у самой ограды, были посажены лозы скороспелого винограда. Когда на них уже созревали гроздья, у нас они были еще зелеными. Разумеется, мы, дети, не могли оставаться безучастными к этим янтарным лакомым ягодам.

Как-то ребята постарше решили тайком сорвать одну-другую гроздь. И я увязалась с ними. Но нас заметил сторож. Мальчишки дали стрекача, быстро перемахнули через забор, а я попалась. Мужчина цепко схватил меня за руку, а я кричу, зову на помощь. Тут на веранде, обращенной к забору, показалась Зарифа ханум. Она все поняла и принялась уговаривать сторожа, чтобы тот меня отпустил. Сторож ни в какую! Тогда она бросилась в дом и вернулась со своим отцом, дядей Азизом. После нескольких успокаивающих слов дяди Азиза сторож перестал упорствовать и потащил меня к забору. Зарифа уже была там. Она помогла мне перелезть через изгородь. Но я вдруг выскользнула из ее рук и дала деру. На вершине тутового дерева у меня было свое укрытие, я вскарабкалась туда и затаилась. Меня долго искали, но найти не смогли. А я уже здорово проголодалась. Поздней ночью вдруг слышу шепот Зарифы: “Зина! (так она

звала меня в детстве), слезай, я тебе еду принесла”. Конечно, я была уверена, что она не выдаст меня, потому и спустилась с дерева. Помнится, я жадно слопала все, что Зарифа притащила с кухни. Она смотрела на меня с улыбкой. Потом тихо сказала: “Чего ты боишься? Папа мой уже все рассказал твоему отцу. Они волнуются, пошли домой”...»

Пюстаханум погружается мыслями в памятный 1945 год: «Баку ликовал, празднует День Победы. Не передать словами, какая была радость. Повсюду счастливые возгласы, шум, улыбки, всеобщее торжество. “Зина, Зина! — донесся с балкона звонкий и веселый голос Зарифы. — Пошли на бульвар! Мы победили! Слышишь, победа!” Взявшись за руки, мы побежали на Приморский бульвар. Казалось, весь Баку высыпал сюда. Незнакомые люди обнимаются, поздравляют друг друга, вспоминают родных, близких, плачут. Мы дошли до дерева, которое очень любили. Оно до сих пор красуется возле Театра кукол. Там стояла седая женщина вся в черном, голова покрыта траурным келагаем. Одной рукой она держалась за дерево, в другой был платок. Зарифа обычно стеснялась заговаривать с незнакомыми людьми, но тут смело подошла к той женщине, обняв ее, прошептала: “Анаджан^[8], сними этот платок с головы, сегодня же праздник, байрам”. Старая женщина разрыдалась. Зарифа обняла ее еще крепче: “Ваш муж?..” Та, с трудом сдерживая рыдания, произнесла: “Нет. сыновья. трое сыночков моих.” В тот день, когда мы возвращались домой, Зарифа, сжимая кулачки, повторяла: “Ненавижу войну. Ненавижу! Не могу выносить, когда люди страдают.” Впервые за все время нашего знакомства я увидела ее глаза, полные слез...

Дважды наши родители ездили в Москву, взяв нас вместе с собой, в первый раз — летом. Я только что окончила школу, дядя Азиз уже находился в столице, там проходила сессия Верховного Совета СССР. В путь мы отправились с Лейлой ханум, Зарифой и моим отцом, с нами же ехал академик Мирасадулла Миркасимов, президент Академии наук Азербайджана. Ехали трое суток. Дорогой мы успели поговорить о многом.

Зарифа поинтересовалась, куда я пойду учиться. Я ответила, что хочу стать инженером-электриком, как мой дед Мешади^[9]. Пристально посмотрев на меня, Зарифа задумалась, а потом сказала: “Мне кажется, ты не права. Чтобы продолжать дело своего деда, не обязательно быть инженером. По-моему, тебе надо стать историком и написать о нем, о его друзьях, соратниках, о том времени”. Я удивилась: “Какой из меня историк? Ведь из-за единственной четверки по истории в аттестате я получила не золотую, а серебряную медаль...”

Но мой папа и академик Миркасимов поддержали мнение Зарифы. Академик сказал: “То, что получила “четверку” — пустяки, главное — любить свою профессию, стать хорошим специалистом. А у тебя есть склонность к истории, верно Зарифа говорит, подавай документы на истфак”.

По возвращении из Москвы я последовала их совету и подала документы в университет на истфак.

В моей памяти сохранилось немало воспоминаний о счастливых днях, проведенных в Москве. Там мы много общались, вместе обсуждали увиденное и прочитанное, делились тем, что узнали. Дни проводили в музеях, художественных галереях, ходили в театр.

Зарифа, казалось, буквально впитывала не только глазами, но и душой прекрасный мир искусства, и всякий раз ее негодование вызывало любое проявление зла и несправедливости^[10]. Помнится, увидев в Третьяковской галерее потрясающую репинскую картину “Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года”, она долгое время не могла прийти в себя, то и дело повторяя: “Как же это отец смог убить собственного сына, родную кровинку?!” Позже я поняла: в глубине ее души уже тогда пробуждалось предощущение святого материнского чувства.

Однажды мы пошли в Большой театр на оперу “Кармен”. Роль Кармен исполняла Давыдова. Затаив дыхание сидим в блистательном, великолепном зале. Когда завершился первый акт, Зарифа прошептала мне на ухо: “Помнишь, я когда-то тебе говорила, что жизнь — это сказка. Вот мы сегодня с тобой попали в большую сказку”. Я как будто в миг повзрослела и с присущей взрослым людям серьезностью спросила: “А ты помнишь, когда я была маленькой, ты мечтала о сказке?” “Помню, — задумчиво отозвалась она, — и снова повторю: мы должны так гореть душой, так жить, чтоб наша жизнь превратилась в сказку. Не в том смысле, чтоб все было прекрасно и давалось легко, а в том, чтобы мы сумели добром, которое есть в нас, победить зло.”

Летом мы отдыхали в Кисловодске. Как-то я сидела на балконе и вдруг услышала мелодию песни Тофика Кулиева “Узюймюн гашы фирузедендир” (“В колечке моем камень бирюза”)^[11]. Зарифа очень любила наигрывать эту мелодию. Предположив, что играет она, я спустилась вниз, пошла в направлении, откуда доносилась музыка. Подбежала к забору санатория, перемахнула через него и вышла на поляну с тополями. Я не ошиблась: там на траве вокруг расстеленной скатерти сидели мама Зарифы Лейла ханум, ее сестра Лазифа с мужем Агаали, младшая сестра Гюляра,

брат Тамерлан, Зарифа играла на аккордеоне. Мое появление было столь неожиданным, что она перестала играть, но я взмолилась: “Продолжай, Зарифа! Я так соскучилась по твоей игре”».

Профессор, доктор медицинских наук С. Имамалиев вспоминает времена далекой юности, грозный 1942 год: «В нашей группе было тридцать парней. Страна переживала второй год страшной войны. Нас, сокурсников, называли “краснознаменной группой”, потому что нам предстояло вскоре стать солдатами. Занятия только начались. В группе и потоке определились лидеры, избрали группоргов...

Анатомия считалась у нас труднейшей дисциплиной. Получилось так, что мы с Зарифой попали в одну группу. По вечерам мы нередко навещали дом семьи Алиевых на тогдашней улице Зевина. Семья у Азиз муаллима была гостеприимная. Старший сын Тамерлан учился курсом выше, при случае помогал нам. Нас всегда радушно приветчала Лейла ханум, миловидная, щедрая душой, представительная женщина. Была скудная военная пора, и мы частенько не могли отвести взгляда от казана. И она никогда не отпускала нас, не покормив. А с продуктами было туго. Много позднее после войны мы с Тамерланом вспоминали былое. Мне вспомнилось, как однажды Лейла ханум угостила нас, изголодавшихся студентов, шпротами, считавшимися “военным довольствием”. Тамерлан, выслушав мои слова, уставил взор куда-то вдаль и после долгого молчания проговорил: “А знаешь, в тот день, когда все разошлись, мама, уйдя в укромный уголок, ела хлеб, макая его в масло от шпрот.”

Какое же сердце было у этой женщины, у этой матери! Читая “Книгу Деде Горгуда”^[12], вновь убеждаешься, какой высокой душевной силой обладает любящая мать. Именно такой я помню Лейлу ханум, вырастившую шестерых прекрасных детей.

Наконец мы сдали первые экзамены. Уже можно было подводить и первые итоги. Удача сопутствовала нам не только в учебе, нам повезло и со старостой группы. В труднейших случаях мы обращались именно к Зарифе. Помню такой эпизод: некоторые ребята из нашей группы часто нарушали дисциплину, пропускали занятия, опаздывали на лекции. Мы собирались сами принять меры, но кто-то уже успел “настучать” в деканат. После внимательного разбирательства мы вычислили информатора и решили проучить его по-мужски. Но сначала посоветовались с Зарифой. Она сказала, что сама переговорит с парнем. До сих пор для нас остается тайной, что сказала ему Зарифа, но вскоре тот парень ушел из нашей группы. Из года в год рос авторитет Зарифы, вначале в группе, а вскоре во всем институте. А мы, парни, считали ее своей сестрой, готовой помочь в

трудную минуту.

Наконец настала пора расставания с институтом, товарищами, преподавателями. Выпускники нашего потока рассеялись по всей стране. Судьба вновь свела меня с Азиз муаллимом. Он возглавлял Институт травматологии, ортопедии и восстановительной хирургии. Моя кандидатская диссертация, посвященная лечению от интоксикации змеиным ядом, с положительным отзывом и добрым напутствием Азиз муаллима была допущена к защите.

Диссертация была разработана на основе материалов Шемахинской районной больницы. Замечания Зарифы, работавшей в столичной клинике, были весьма полезными и помогли мне прояснить некоторые вопросы. Вскоре в клинику, где я работал, поступила на лечение завкафедрой офтальмологии мединститута Умниса ханум Мусабекова. После дежурства в свободное время мы частенько беседовали с ней. Она рассказывала мне о своих воспитанниках и всегда заводила речь о Зарифе ханум. Профессор Мусабекова отзывалась о ней как о талантливом ученом и враче, чутком товарище и трудолюбивом человеке. Говорила, что у Зарифы есть ценнейшее качество: она сопереживает своим пациентам; глубокое сочувствие к чужой боли постоянно проявлялось в ее общении с людьми.

Правда, характер Зарифы был не таков, чтобы она любила всех без разбору. Она знала толк в людях, четко и верно различала грань между добрыми делами и неблагоприятными поступками.

У нее не было личных врагов, потому что она умела находить путь к сердцу каждого, с кем общалась, кто нуждался в ее помощи и поддержке. Благодаря своему характеру и силе морального воздействия на окружающих она снискала большой авторитет. Но никогда не злоупотребляла этим, не любила выпячивать себя, не кичилась знаниями, не навязывала другим своего мнения. Можно смело сказать, что ее главным врагом были равнодушие, лень души. Зарифа неустанно боролась против этого.

Однажды мне пациентка передала такую ее записку: “Если у этой женщины нет необходимости в твоём хирургическом вмешательстве, обязательно проведи консилиум, и пусть ее лечением займутся другие специалисты. Но до конца держи ее в поле зрения.”

Зарифа ханум нередко говорила: когда больные идут к врачу с надеждой, уповают на его помощь, понимаешь, насколько ты нужен людям.

Таким внимательным и чутким врачом я знал и саму Зарифу Алиеву».

Глава седьмая

УМЕЮЩАЯ ТВОРИТЬ ДОБРО

Чтобы быть истинно добрым, надо быть чуть добрее незаурядной доброты.

Академик Е. В. Тарле

Азербайджанские эпосы и дастаны сообщают нам о доблести, трудолюбии и патриотизме наших предков, в том числе и наших отважных прабабушек, ничуть не отстававших от мужчин в суровые времена, при отражении нашествий чужеземных захватчиков.

Когда в 65 году до новой эры в Азербайджан вторглись легионы знаменитого Помпея, в героическом сопротивлении его воинству участвовали с оружием в руках и женщины. Древнеримский историк Аппиан свидетельствовал: «Среди раненых воинов были и женщины».

В становлении нашей нации, в формировании нашей государственности есть славные страницы, связанные с именами выдающихся соотечественниц, — легендарной правительницы Томирис, упоминаемой Геродотом, доблестной и гордой Бурла-хатун, сподвижницей и супругой Газан хана из эпоса о Вещем Горгуде, Нушабой и Ширин, воспетых в поэмах Низами, очаровательной Лейли, увековеченной в творениях «гянджинского мудреца» и Мухаммеда Физули, воплощением нежнейших и высоких чувств любви... В истории Азербайджана немало таких имен: соратница и спутница жизни легендарного Кероглу Нигяр, сподвижница и жена народного героя Гачага Наби Хаджар, которая плечом к плечу с ним боролась с произволом власть имущих. Сара-хатун, мать правителя средневекового Азербайджана Узун Гасана и бабушка шаха Исмаила Хатаи, которая преуспела на дипломатическом поприще и изумляла посланцев просвещенной Европы. Натаван, легендарная правительница Карабаха.

История и искусство России также знают немало примеров женской самоотверженности, героизма, верности, государственной мудрости. Достаточно вспомнить жен декабристов, сосланных в Сибирь: Волконскую, Муравьеву и других женщин, воспетых Н. Некрасовым, пушкинскую

Татьяну, тургеневских героинь.

В священном Коране говорится: «Те среди вас, умеющие творить добро, совершающие благие дела и далекие от лиходейства, — воистину люди, обретшие спасение».

Читая эти высокие слова, мы неизменно возвращаемся мыслью к героине нашего повествования. В жизни ее и поступках нравственные устои нашей традиционной религии полностью совпадают с ценностями общечеловеческой морали, с понятиями о достойном гражданине, радетеle за людей и общество.

В одном из хадисов святого пророка Мухаммеда сказано: «Можно завидовать двум лицам: одному из них Аллах дарует богатства и делает его господином смерти своей, а второго наделяет мудростью, и тем самым он становится хозяином жизни своей». Суть этой глубокой мысли в том, что божественное предпочтение отдается не обладателям суетных земных благ (казалось бы, «достойных зависти»), а носителям мудрости, которая и есть истинное сокровище личности на ее земном пути.

На примере человеческого, профессионального восхождения Зарифы Алиевой мы убеждаемся в непреходящей ценности общественно значимого служения, труда во имя здоровья людей, во имя интеллектуального прогресса.

Профессор Захра Кулиева, долгие годы близко общавшаяся с Зарифой ханум, вспоминает, что она была неповторима во всем, незаурядна как личность, как супруга, мать, врач, ученый. «Знаете, можно быть хорошим врачом, но вместе с тем быть и хорошим человеком — это имеет особый смысл. Знавшие ее, обращавшиеся к ней пациенты могут подтвердить, какое у нее было большое сердце, каким простым человеком являлась она. Наверное, многие больные и не знали, что она — супруга руководителя республики Гейдара Алиева. Да и сама она не испытывала никакого желания афишировать это. Все больные любили и почитали ее прежде всего как личность. Поверьте, она была, может, самым скромным человеком на свете...»

Рассказывает **Алима Алиева**: «Зарифа ханум была на удивление великодушным человеком. Решительно не любила дифирамбов, всячески отметала любые славословия. Была предельно деликатна, ни разу я не видела, чтобы она на кого-то повысила голос. Тактичная, улыбчивая, с открытой душой, простая и обходительная. Даже с теми, кто был ей неприятен, она держалась сдержанно, не выказывая своей неприязни, вела себя с подобными людьми учтиво. Советовала и мне быть такой в обхождении. Стоило ей почувствовать, что кто-то нуждается в помощи,

спешила помочь и словом, и делом. Ее рабочий кабинет никогда не пустовал. Никого из просителей не отпускала без содействия и надежды, не признавала между людьми никаких различий. Она была наделена великой любовью к людям. Это происходило от широты души, от щедрости, от мудрости.

...От природы будучи скромной, никогда не давала понять и почувствовать, что является “первой леди” республики. Ей претили напыщенность, самореклама, любая помпезность. Я неоднократно была свидетелем того, как она отказывала корреспондентам, пожелавшим написать о ней.

... Окончив успешно школу, я подала документы в Институт нефти и химии. Моей мечтой было работать на общественном поприще и государственной службе. Этим и объяснялся мой выбор: многие из воспитанников этого вуза работали в сфере, о которой я мечтала.

В ту пору наша семья отдыхала в Кисловодске, а я на все лето осталась в Баку для подготовки к экзаменам. Узнав о моем намерении, Зарифа ханум побеседовала со мной и посоветовала учиться на врача: “Я бы хотела видеть тебя в белом халате. Тебе обязательно надо поступать в мединститут. Врач — прекрасная и благородная профессия, доченька. Ты выросла в такой семье, что, я уверена, будешь верна врачебной клятве.”

Мое уважение к ней было столь велико, что я не могла ослушаться, и, изменив свои планы, в 1954 году поступила на лечебно-профилактический факультет медицинского института.

Зарифа ханум мечтала, чтобы я построила семью с кем-нибудь из ее молодых родственников, но судьба распорядилась так, что я вышла замуж за сына моей тети по отцу. Зарифа ханум хорошо знала его и относилась к нему с уважением. И супруг мой почитал ее.

Когда скончалась Лейла ханум, мать Зарифы Азизовны, мы со своей сестрой Ягут ханум пришли на траурную церемонию. До сих пор помню, как Зарифа ханум встречала нас: с трудом сдерживая слезы, усадила меня рядом, взяла мои руки в свои, гладит, целует в щеку. Присутствовавшие при этом дамы перешептывались, желая узнать, кто мы такие. Наконец Кюбра ханум Фараджева, тогда занимавшая пост министра, спросила у Зарифы ханум про нас, и та, подробно представив, добавила: “Ягут — моя сестра, а Алимочка (так она всегда звала меня) — моя любимая доченька.”

О любви Гейдара Алиева и Зарифы ханум скажу: это было светлое, чистое и святое чувство. Я была тому свидетелем. Когда они поженились, я и радовалась, и расстроилась: думала, ну вот, мою Зарифу отняли у меня, впредь с нею видеться не смогу. Но случилось обратное. Мы нередко

встречались в Баку, в доме у Азиза Алиева. Собирались у них, как говорится, и в радости, и в горе, по праздникам, на именинах... Дружба наша продолжалась. В 1955 году у Зарифы ханум родилась дочь Севиль, через шесть лет сын Ильхам появился на свет. Зарифа Алиева оказалась чудесной мамой. Детей любила несравненной, божественной любовью, ради них была готова душу отдать. Особенно переживала, когда, случалось, дети заболели. Ее материнская любовь могла бы служить примером для многих. Частенько мы с Севиль и Ильхамом выходили прогуляться в Приморский парк, бродили вокруг нынешнего Театра кукол. И они прикипели сердцем ко мне. Ильхам был простым, общительным мальчиком, вел себя разумно и рассудительно, не любил озорничать, чем-либо досаждал окружающим. От прогулок на свежем морском воздухе у детей, известно, разыгрывается аппетит. Мы угощали их прихваченной из дома снедью, фруктами. Дети росли у нас на глазах. Зарифа ханум мечтала, чтобы Севиль стала врачом».

В этих воспоминаниях, в частности, обращает на себя внимание момент, когда Зарифа Алиева советует своей молодой подруге изменить решение о выборе будущей профессии. И подобное, как мы помним, уже случалось, когда она порекомендовала Пюстаханум Азизбековой поступать на исторический факультет, изменив, в сущности, планы девушки. И ни одна из них впоследствии не пожалела об этом. Все эти факты отнюдь не свидетельствуют об авторитаризме или желании Зарифы Азизовны как-то по-своему устраивать чужие судьбы. Зарифа ханум, кроме прочего, отличалась огромной проницательностью, была прекрасным психологом и могла разглядеть в человеке многое такое, о чем он и сам не подозревал. Как высказался один из ее коллег, «в подборе кадров она была незаменима».

Шли годы... Скоропостижная кончина Азиза Алиева 27 июля 1962 года болью отозвалась в сердце азербайджанского народа. На траурную церемонию прибыло много людей и из Дагестана: коллеги, представители интеллигенции, партийные, государственные деятели, творцы культуры и искусства, простые люди.

Старейший журналист **Айдын Велиханов** вспоминает обстоятельства смерти Азиза Алиева:

«Была у Азиза дайи в семье домработница. Одинокая русская женщина. Если не ошибаюсь, ее звали Нина. Сложилось так, что ей надо было срочно уехать к родне, в Россию. Азиз дайи сам отправился ее провожать. Конечно, он мог бы поручить это кому-нибудь, однако на вокзал

отправился сам, присущее ему великодушие и уважение к человеку не позволили перепоручить заботу о пожилой женщине. Была у него персональная «Волга» с очень услужливым шофером, а он вещи домработницы собственноручно потащил к вагону. Времени было в обрез, спешка, жара, тяжелая ноша, которую он поднимал в вагон, вызвали у него перенапряжение, одышку... Поезд тронулся. Азиз дайи, подняв руку, помахал вслед на прощание. И тут боль пронзила сердце. Ухватившись за грудь, он медленно осел на перрон. Нина из окна вагона видит эту картину и понимает, что с Азизом Мамедкеримовичем произошло что-то неладное. Представляете себе преданность этой женщины: заподозрив беду, она в Баладжарах сходит с поезда, едет назад. И, вернувшись, застаёт бездыханное тело Азиза дайи...»

Когда решали вопрос о похоронах, какие-то чинуши отказывались предоставить место в Аллее почетного захоронения, полагающееся покойному по масштабу его выдающихся заслуг перед страной, перед народом. Первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Вели Юсуфович Ахундов, находившийся на лечении в Трускавце, узнав об этом из телефонного разговора с Баку, дал указание, чтобы Азиз Алиев обрел последний приют в Первой аллее почетного захоронения. Церемония проводов замечательного сына Азербайджана, яркого деятеля науки и государства прошла при огромном стечении народа.

27 сентября 1962 года, спустя два месяца после кончины Азиза Алиева, решением правительства республики Институту усовершенствования врачей было присвоено его имя.

Пройдут три с лишним десятилетия, и имя его дочери, Зарифы Алиевой, будет носить Институт офтальмологии, где она трудилась многие годы. Позже ее именем назовут проспект в центре столицы независимого Азербайджана...

А пока вернемся в семидесятые и восьмидесятые годы, посмотрим в нашу героиню глазами близко знавших ее людей, послушаем вновь «Алимочку» — **Алиму Алиеву**: «Я жила в Физулинском районе. Узнавая о моих приездах в Баку, Зарифа ханум сразу присылала за мной “Волгу”, и, встретившись в ее доме, мы часами беседовали. Не было такого значимого культурного мероприятия, на которое она не посылала бы мне пригласительный билет. Во время каких-либо торжеств во дворце “Республика”, отделившись от окружавших ее гостей, она с таким пылом и сердечностью обнимала и целовала меня, что все невольно обращали на нас внимание и дивились: с кем это так тепло общается Зарифа Азизовна?»

Ее дружба с четой Добромысловых, питерских коллег, проливает свет на примечательные и поучительные подробности, на широкий спектр культурных интересов и ответственное отношение Зарифы Алиевой к нравственным ценностям, к воспитанию, к устоям семьи. Со слов профессора О. Добромысловой мы узнаем об их доверительных отношениях и тесном общении, беседах о науке, работе, музыке. Случилось так, что у обеих дети одновременно покинули родительское гнездо: вышли замуж Севиль и дочь Добромысловых, последняя — вопреки несогласию родителей с ее выбором.

Зарифа ханум делится с Добромысловой самыми сокровенными чувствами и волнениями по поводу молодой семьи. Она оказалась прочной и счастливой. Когда родится внучка, ее нарекут именем любимой бабушки: Зарифа. Не так сложилось у Добромысловых: несмотря на уверения дочери во взаимной большой любви с ее избранником, этот брак распался. Зарифа ханум сочувствует в письме: «... Понимаю чувство Вашего горького разочарования из-за дочери. По-моему, она поступила правильно. Она обязательно должна построить новую семейную жизнь, не спешить с выбором спутника жизни. Взвесить все, хорошо узнать его, чтобы впредь не допустить ошибки». Через несколько лет, узнав о втором браке дочери своей коллеги, Зарифа ханум напишет: «.Очень рада за Вашу дочь. От всей души желаю ей счастья». Позднее **профессор А. Добромыслов, завкафедрой глазных болезней Ленинградского института гигиены**, вспомнит о педагогических убеждениях и позиции Зарифы Алиевой: «Я был свидетелем того, что в дискуссии, связанной с воспитанием детей, Зарифа Азизовна не шла ни на какие уступки... Но ее бескомпромиссность не носила категоричного характера, как у иных матерей, она позволяла и собеседнику высказать свое мнение».

Доктор медицинских наук, профессор З. Скрипченко, характеризуя нашу героиню, пишет: «Семейный врач, любимая женщина, заботливая мать! Такой я видел Зарифу Азизовну». Скрипченко рассказывает о том, как они вместе гостили у одного из коллег, и Зарифа ханум в кругу этой высокоинтеллектуальной компании выделялась своей подкупающей простотой, жизнелюбием: играла на фортепиано, исполняя популярные мелодии, танцевальную музыку, задавая теплый и веселый тон. А возвращаясь домой, сетовала, что семейные и служебные заботы, повседневная рутина оставляют мало времени для музыки.

Пюстаханум Азизбекова (Зиночка), которую некогда Зарифа с отцом спасли от негодующего охранника ведомственного санатория, стала выдающимся ученым и общественным деятелем. Дружба, начавшаяся в

детстве, продолжалась. И вот однажды профессор Азизбекова, направляясь пешком по делам, останавливается у уличного светофора на перекрестке. Рядом с ней тормозит машина. Зарифа! Выйдя из машины, она приветствует подругу. Накануне с одной из активисток женского движения в республике случилось несчастье, ей оказали всемерную помощь. Зина интересуется: не Зарифа ли инициатор этого благого дела? Хотя та уклоняется от прямого ответа, у П. Азизбековой не остается сомнений, кто и на этот раз выступил «ангелом-хранителем».

Как-то Зарифа ханум узнает от давней подруги, что ее мать, страдающая диабетом, теряет зрение. Через два-три дня у Пюстаханум раздается звонок в дверь. На пороге — Зарифа ханум. Она говорит: «Шла на работу и вдруг вспомнила то, что ты мне сообщила о здоровье мамы. Извини, хотя времени мало, хочу сама обследовать глаза Иззет ханум». А та уже несколько лет не видела Зарифу. Но по голосу узнала. Когда гостья еще находилась в прихожей, окликнула: «Доченька, какими судьбами?» Иззет хала вообще-то не охотница была обращаться к врачам, но, когда Зарифа сообщила о своем намерении, охотно ответила на ее вопросы, перемежая ответы вздохами, воспоминаниями о былых днях, об ушедших из жизни близких людях.

Прощаясь, Зарифа, обняв подругу, с горечью сказала: «Что поделаешь, Зинуля, ты человек крепкий, надо держаться. Плохо дело, я ничем не смогу помочь Иззет хале. Идет необратимый процесс на почве диабета».

Когда Иззет хала покинула этот мир, Зарифа ханум со своим братом Тамерланом посетила дом Азизбековой. Народу было много, Зарифа ханум незаметно присела у дверей на диване, а люди, узнав ее, начали приглашать во главу стола, но она вежливо благодарила и оставалась на том же месте. Тогда Зина присаживается рядом, и они как будто уходят в свой мир, вспоминая родителей, далекое детство, согретое лаской и любовью...

Профессор Т. Гусейнова в своих воспоминаниях подчеркивает особую музыкальность выдающегося офтальмолога (кто знает, быть может, целительные руки Зарифы Алиевой снискали бы ей славу знаменитой пианистки?):

«Она получила музыкальное образование по классу фортепиано. Я с удовольствием слушала в ее исполнении и классическую, и популярную современную музыку. Игрой на рояле Зарифа ханум выражала самые сокровенные чувства, умела донести до слушателя сущность произведения. Ее исполнение отличалось эмоциональностью, она как будто пропускала замысел музыкального сочинения через собственные переживания. Замечательно не только то, как она играла сама, но и то, как слушала

музыку. Казалось, исполняемое произведение отражается в ее одухотворенном, излучавшем свет облике. А во время концерта достаточно было взглянуть на ее лицо, чтобы понять, нравится или не нравится ей игра пианиста... Ее глаза восхищались, соглашались, улыбались, а порой недоумевали, выражали недовольство или решительное неприятие. Но никогда не оставались равнодушными. У нее были “говорящие” глаза. Как-то мы были на эстрадном концерте. Чувствовалось, что ни лихое “наяривание” современного ансамбля, сопровождаемое шумной реакцией зала, ни громкое пение солиста ей не по душе. Однако природная сдержанность не позволила ей резко отозваться о музыке и исполнении. Она ограничилась замечанием о различии вкусов и о том, что, возможно, кому-то нравится и такая музыка».

Доброта, гуманность, интеллигентность Зарифы ханум обрастали легендами.

Она оставила фундаментальные труды как ученый. Ее наследие, научные достижения, педагогический опыт стали объектом постоянного изучения.

Говорит **профессор кафедры офтальмологии Центрального института усовершенствования врачей, лауреат премии имени академика Филатова В. Шмелёва:** «Мне повезло в жизни. Судьба дала мне возможность общаться с незаурядным человеком. До последних дней Зарифа Азизовна останется в моей памяти именно такой, какой и была в жизни, — личностью необыкновенной. Прежде всего ее отличало жизнелюбие и широкий круг интересов. Она была влюблена в профессию офтальмолога и посвящала много времени научным изысканиям. Она исследовала новую, трудную и малоизученную область в офтальмологии, внесла большой вклад в профилактику и лечение заболеваний такого типа. Как в жизни, так и в науке Зарифа Азизовна не выбирала проторенных путей.

Заведая кафедрой в Институте усовершенствования врачей, она активно готовила молодых специалистов-офтальмологов, с любовью посвящала своих питомцев в тайны профессии и вложила в это много труда. Я неоднократно слышала от ее студентов о том, с каким бережным вниманием и заботливостью, но одновременно требовательно Зарифа Азизовна относится к ним, всегда помогает, оказывает поддержку. Она побуждала их быть честными и в науке, и в жизни. Питомцы между собой звали ее «наша мама».

Доброту Зарифы Азизовны лучше знают те, кому выпало счастье часто встречаться с ней. Я же считаю своим долгом отметить, что среди людей, с

которыми мне довелось общаться в жизни, я не видела другого человека, который бы проявлял такое внимание и доброту к каждому, с кем ему приходилось соприкасаться.

Ее простота неподражаема. При всем том, что Зарифа ханум являлась академиком, заслуженным деятелем науки, лауреатом различных премий, к ней мог обратиться любой человек и, даже будучи серьезно занятой, она протягивала руку помощи.

В личном общении с дорогой и незабвенной Зарифой Азизовной мы затрагивали разные вопросы, связанные и с нашей специальностью, и с повседневной жизнью, и она горячо интересовалась всем. В семье она была верной спутницей, заботливой мамой, любимой бабушкой. И на всё и всех у нее хватало времени...

Зарифа Азизовна строго и ответственно подходила к своим обязанностям. Мы с ней сотрудничали в редакции журнала “Известия офтальмологии”, и могу прямо сказать: не было еще столь серьезного и обязательного члена редколлегии — специалиста. Все заказы, рецензии и другие поручения Зарифа Азизовна неизменно выполняла на высоком уровне и оперативно. Никогда не проявляла высокомерия. Исполнение служебного долга было одним из главных ее приоритетов. Казалось, дел по горло и у нее нет ни секунды свободной, но она находила время — позвонить подругам, справиться о самочувствии, о детях, иногда и повидаться, поговорить. Подобные встречи всегда создавали праздничное настроение.

Если перечислять главные качества Зарифы Азизовны, я бы выделила следующее: ей были присущи все достоинства настоящего человека. Простота, добронравие, трудолюбие, заботливость, терпение и особенно проявлявшаяся в последние месяцы жизни — необыкновенная сила воли... Никогда, никого, даже родных людей она не хотела обременять своими горестями. Она пеклась только об окружающих... О себе забывала».

Думается, сила личности Зарифы Алиевой заключалась именно в этой постоянной обращенности к людям, к их заботам и тревогам, думам и чаяниям, в самозабвенной и самоотверженной любви к человеку.

Удивительно, что при всей занятости, обремененности важными обязанностями — служебными, научными, семейными, — она умела радоваться вещам, которые казались незначительными. Она обладала способностью, как дитя, черпать удовольствие в обыкновенных радостях бытия, воспринимать жизнь во всей ее полноте. Пение птиц, цвет моря, цветок на обочине дороги, чья-то случайная улыбка на улице — все это питало ее неукротимое жизнелюбие, ее восхищение бесценным даром —

жизнью.

Захра Кулиева, Фарида Насруллаева и Пюста Меликасланова с воодушевлением вспоминают «девичники», которые устраивались по инициативе Зарифы ханум. Обычно бросали жребий — у кого дома собираться. Если на этих встречах Зарифа ханум отсутствовала, все теряло смысл, потому что душой этой компании была именно она, неистощимая на выдумки: и играла, и пела, и читала стихи. Знала и русские песни, и татарские, и узбекские, и лезгинские, и аварские. Наверное, это было результатом служебной биографии отца, связанной с переездами семьи из края в край, с прикосновением к миру культуры разных народов. Но при всем том основу ее духовного «космоса» составляла родная азербайджанская культура, музыка, литература.

В нравственном становлении, формировании личности нашей героини наряду и наравне с живым примером отца неocenимую роль сыграла и мать — Лейла ханум, о которой мы вели речь в предыдущих главах книги. Добавим к сказанному, что Лейла ханум отличалась чрезвычайной скромностью в отношении быта, одежды, естественных для женщины украшений. Была у нее одна реликвия, свадебный подарок — серьги и перстень. По традиционным восточным меркам — более чем «спартанская» непритязательность.

Ее кулинарное искусство передалось Зарифе, как и строгое отношение к нарядам, усидчивость, прилежание, методичность в работе, умение дорожить временем. Вместе с тем способность жить полной жизнью, умение восхищаться миром прекрасного, вкус к слову, поэзии, музыке, красоте... — все это взросло в благотворном климате ее семьи, под воздействием уклада и атмосферы, которые создавали родители.

Говорят, глаза — это зеркало души. В профессиональном выборе офтальмолога Зарифы Алиевой, наверное, сказалось и понимание роли зрения в жизни человека, незаменимости глаз в познании бесконечного многообразия окружающего мира и вместе с тем способности отражать не менее многообразный внутренний мир личности.

Богатый интеллектуальный, духовный потенциал нашей героини позволяет предположить, что ее общественная и трудовая деятельность могли бы не ограничиваться сугубо профессиональной медицинской, научной сферой и принести плоды на более масштабном государственном и культурном поприще. Однако судьба распорядилась так, что она встретила человека, которому предназначалась великая миссия лидера нации, могучего государственника, преобразователя общества. И став любимой и любящей спутницей жизни этого человека, осознавая масштабы его

предназначения, она увидела свой долг в подвижничестве своему избраннику, а ее незаурядные качества, ее самореализация, личностная и творческая, свершилась в рамках научной деятельности и семьи.

Есть еще один важный аспект, на который необходимо обратить внимание читателя, рассказывая о Зарифе Алиевой. Зададимся вопросом: много ли мы знаем о профессиональной деятельности спутниц жизни мужчин, занимающих высокое положение во власти? Подавляющее большинство жен государственных деятелей, и не только в Советском Союзе, но и сегодня почти везде (не говоря уж о странах Востока, где женщины традиционно замкнуты в кругу семьи), появляются на публике лишь в связи с выборами, благотворительными акциями или же выполняют представительские функции, связанные с государственными обязанностями своих супругов. В Советском Союзе жены высших руководителей, секретарей ЦК, включая Генерального секретаря и партийных секретарей союзных республик, министров и даже чиновников ниже рангом, держались за кадром общественной жизни и, как правило, вообще нигде не работали. В этом плане Зарифа Алиева является выдающимся исключением. Она естественно сочетала беззаветное служение спутнику жизни, семье и в то же время — служение долгу врача, медицинской науке. Она не оставила свою работу даже тогда, когда Гейдар Алиев возглавил республику, а затем стал одним из руководителей всего Советского государства. Именно в этом воплощалась ее гражданская позиция, выражалась ее любовь к отечеству, к родной земле, ее мечты о том, чтобы окружающая ее жизнь стала лучше, краше, достойнее... В свершениях человека, с которым она поделила свою яркую судьбу, была частица и ее труда, ее таланта, тепла ее души.

Материнству посвящены величайшие творения мирового искусства. Жизнь Зарифы Алиевой представляется гимном этому святому чувству. Она воспринимала детей как божий дар, как небесный свет, как чудесное продолжение бессмертного торжества жизни.

Доктор медицинских наук, профессор Офелия Гусейнова училась вместе с братом нашей героини, профессором Джамилем Алиевым, позднее они писали докторские работы в одном институте. Офелия ханум, хорошо знакомая и с другими членами этой семьи, охотно вспоминает разные эпизоды и детали из их жизни. В частности, курьезный случай, свидетелем которого она стала на юбилее Института усовершенствования врачей в гостинице «Интурист», где оказалась за одним столом с Зарифой Азизовой, к которой кое-кто из участников торжества проявлял особое внимание. В частности, это выражалось в обилии фруктов в вазах, то и

дело пододвигаемых к ней поближе, однако объект этого заслуженного, но несколько навязчивого внимания всячески «приземляла» пафос пиетета, всякий раз передавая угощения другим гостям...

Как-то Офелии Гусейновой довелось встретиться с Зарифой ханум в Москве на заседании Академии медицинских наук, где им предстояло выступать с докладами перед солидной и ответственной аудиторией, прославленными светилами науки. Офелия ханум сильно волновалась, и Зарифа ханум, заметившая ее состояние, нашла слова ободрения, обещала помочь в случае непредвиденных осложнений... Аудитория восприняла доклад тепло. Офелия ханум отмечает, что Зарифа Алиева оказывала всевозможную поддержку не только ей, но и всем коллегам-землякам, проживающим в Москве.

Еще Наполеон отмечал: «Из всех пороков худший — неблагодарность». **Профессор А. Наджафов** пишет в статье, посвященной нашей героине:

«Хотел бы особо отметить чувство благодарности как органичную часть характера Зарифы ханум. Это чувство без преувеличения можно назвать барометром человеческой души. А еще чувство юмора, непоказная скромность и богатая фантазия составляли сущность ее личности.

Она была из тех профессоров, которые не только учили, но и были живым примером профессионализма и мудрости. Беседуя со студентами, молодыми врачами, Зарифа ханум относилась к ним с чутким вниманием. Для них это были уроки гражданской зрелости. Я неоднократно слышал ее выступления. Она всегда говорила логично и одновременно искренне, отличалась высокой речевой культурой и порождала энтузиазм у слушателей.

...Своим небанальным складом мышления она восхищала собеседника, умела зажечь свет новизны и гуманности в обыкновеннейших житейских истинах».

Думаю, в ней жила внутренняя гармония, заставляющая вспомнить идеалы эпохи Возрождения о совершенной личности, о духовной красоте.

Из седой старины Джалаледдин Руми завещал: «Будь таким, каким предстаешь, и представай таким, каков есть». А Фазлуллах Наими, наставник великого гуманиста, поэта Насими, писал, что совершенный человек — грандиознее солнца, луны, звезд, все сущее — в человеке...

«Я знала Зарифу ханум с молодых лет. Мы с ее покойной матерью проходили лечение в 1-й больнице и находились в соседних палатах. Я часто навещала ее матушку, беседовала с ней. И за нею постоянно ухаживала прелестная дочь Зарифа.

Однажды туда пришел красивый молодой человек. Мать Зарифы представила его: “Супруг Зарифы”. Это был Гейдар Алиев.

...Бывает, в народе о ком-то говорят: хороший человек. Это не единичный чей-то отзыв, а сложившееся мнение многих, может быть, сотен, тысяч знакомых этого человека.

О Зарифе ханум я всегда слышала от молодежи: “Она печется о нас, как мать”. Один из ее питомцев мне говорил, что она необыкновенный человек, что она не просто необыкновенная женщина, она — ангел». Такой вспоминает нашу героиню народный поэт Азербайджана **Мирварид Дильбази**.

Зарифе Алиевой посвятила статью и взволнованные стихи ее коллега, **завкафедрой Центрального института усовершенствования врачей, заслуженный деятель науки Н. Шульпина**. Она пишет, что Зарифа Азизовна обладала замечательной речевой культурой. И ее разговорная речь на азербайджанском и русском языках, и выступления, звучавшие с научных трибун, приковывали внимание всех коллег четкостью и ясностью. Как правило, она выступала, не заглядывая в текст, полагаясь на свою крепкую память, раскрывая тему тщательно подготовленными цветными слайдами и таблицами.

Н. Шульпина вспоминает о завидной эрудиции и компетентности своей коллеги не только в области медицины, но и в вопросах культуры, искусства, политики. Им довелось вместе во время Декады украинского искусства совершить поездку на легендарные Нефтяные Камни, и там Зарифа ханум блестяще выступила в Доме культуры морских нефтяников, затем, обратившись к подруге, тихо спросила, желая узнать реакцию слушателей: «Ну, как получилось?» Н. Шульпина с повлажневшими глазами, растроганная, не находит слов, чтобы выразить свой восторг и гордость за коллегу и подругу. Зарифа ханум садится за рояль. Звучит музыка, сливаясь с мерным плеском волн под сваями рукотворного острова на Каспии. Н. Шульпина подсказывает: тогда звучали мелодии песен Дунаевского к фильмам, любимым миллионами:

*Сердце, тебе не хочется покоя,
Сердце, как хорошо на свет жить.
Сердце, как хорошо, что ты такое,
Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить...*

Зарифа ханум приглашает и коллегу на сцену. Они поют дуэтом.

Можно представить восторженную реакцию зала. И так бывало не раз.

На V съезде офтальмологов, проходившем в Самарканде, после серьезных докладов и выступлений Зарифа ханум вновь приятно удивляет делегатов своим музыкальным талантом, о котором высоко отзываются даже строгие профессионалы.

Шульпина также отмечает заботливость и любовь нашей героини в отношении к семье, детям, внукам. Когда случалось кому-то приболеть, она как врач участвует в консилиумах, следит за соблюдением режима, правильным питанием. Да мало ли эпизодов, когда требуется умное, проницательное и доброе вмешательство матери и бабушки!

«Не ошибусь, если назову Зарифу Азизовну добрым гением своей семьи, — пишет Шульпина. — Судьба сводила меня с людьми разных профессий. Я видела и внутрисемейные раздоры. Но со всей искренностью могу сказать, что не помню другого человека, который бы, как Зарифа Азизовна, всецело, всем своим существом посвятил себя своей семье, жил бы ее заботами.

Зарифа ханум была человеком, стремившимся помочь каждому в трудную минуту жизни. Это проявлялось и в отношении очень далеких от нее людей. В такие моменты она использовала все доступные ей возможности. Естественно, это превращало ее во всеобщую любимицу».

Снискать народную любовь при жизни, а после ухода оставить свое славное имя в истории — может ли быть для человека счастье выше этого!

Глава восьмая

КОРНИ

Иные неписанные законы сильнее писаных.

Квинт Гораций Флакк

Нахчыванская земля... **Ректор Нахчыванского госуниверситета, академик Иса Габиббейли** в книге «Свет науки» проникновенно пишет о духовной и культурной ауре нахчыванского края, славного своими просветительскими традициями, взрастившего немало выдающихся деятелей национальной культуры и науки. Через село Шахтахты на берегу Аракса, где родилась Зарифа Алиева, издревле проходили караванные пути, соединявшие юг и север, запад и восток. Великий Джалил Мамедкулизаде называл это село «родиной выдающихся интеллигентов».

Естественно, энтузиазм подвижников, живая историческая память, патриотизм, живший в сердцах передовой молодежи Отечества, борьба с косностью и предрассудками, любительские спектакли, первые ласточки национальной оперы, набиравшая силу гражданственная публицистика (ярким представителем которой был, в частности, Мамедага Шахтахтинский), сатирический смех Мирзы Алекпера Сабира, блистательный журнал «Молла Насреддин», распространявшийся по всему мусульманскому Востоку (создателем его являлся Джалил Мамедкулизаде), — все это было недавним прошлым, высокой духовной планкой, эталоном служения народу.

Эта аура сыграла свою роль в гражданском становлении и Азиза Алиева, по высоким мерилам нравственности строилась жизнь его семьи, что не могло не повлиять на формирование его детей — достойных продолжателей и наследников замечательных традиций.

Отсюда берут начало неумная энергия, нравственное кредо Зарифы Алиевой, здесь исток ее пути в большую науку, исток педагогического и врачебного служения, ее материнского подвига и сподвижничества великому преобразователю советского Азербайджана и строителю нового, независимого Отечества.

Преподаватель кафедры русского языка Бакинского

государственного университета Эльмира Гаджиева:

«Может быть, это счастливое стечение обстоятельств, что моя мать Лейла ханум Газиева родилась на древней Эриванской земле. Мать доводилась двоюродной сестрой академику Азизу Алиеву. Она часто заводила разговор о нем, о его дочери Зарифе, рассказывала интересные эпизоды из жизни. Как-то мама серьезно заболела. Я обратилась к профессору Тамерлану Алиеву, заведовавшему отделением в больнице. Тамерлан, проявив большое участие, поместил туда маму, провел обследование, сам занялся лечением. На четвертом этаже этой клиники находилось отделение глазных болезней, и там работала Зарифа ханум. Узнав, что моя мама жалуется на зрение, она тоже включилась в заботы о больной и стала ежедневно осуществлять контроль. Тогда и началось наше тесное общение. О человечности, доброте ее можно говорить бесконечно. Такие люди являются, наверное, раз в столетие.

Высокоинтеллигентная, толерантная, она любила людей, получала удовольствие от общения. Всегда одевалась аккуратно и скромно, но изысканно. Иногда, обратив внимание на мой туалет, она хвалила: «Прекрасно выглядишь, своей одеждой ты являешь пример нашим воспитанникам». Она могла обратить внимание на незначительную вещь и придать этому особый смысл. Не помню, в какой-то из праздников я принесла ей большой букет цветов. Она раздала все цветы врачам и ассистентам, оставив себе лишь нарцисс, который я привезла с маминой дачи: «Этот цветок отличается родным теплом»...»

Доцент кафедры офтальмологии Азгосмедуниверситета Рафига Ахундова знала нашу героиню с 1955 года, когда училась в ординатуре кафедры.

Заведовавшая тогда кафедрой член-корреспондент АН **профессор Умниса Мусабекова**, представляя ее коллегам, сказала, что она будет заниматься под руководством доцента Лязифы Алиевой (старшей сестры Зарифы ханум). К ним подошла красивая женщина с теплыми улыбчивыми глазами и поздравила их. Это была Зарифа ханум, научный сотрудник НИИ офтальмологии; в ту пору она занималась актуальной для республики проблемой борьбы с трахомой.

В 1961 году Рафиге Ахундовой, уже аспирантке НИИ, предложили заняться трудноизлечимыми формами трахомы, она встречается с Зарифой Алиевой и получает такое ее напутствие: «Ты сослужишь народу большую службу».

Офтальмолог-хирург Антига Алекперова вспоминает:

«Вначале мы сотрудничали со старшей сестрой Зарифы — Лязифой.

Окончив в Москве курсы в Институте усовершенствования врачей, в наш НИИ пришла Зарифа, еще незамужняя, хотя женихов хватало. Общительная, обходительная, она быстро вписалась в коллектив. Через некоторое время мы услышали, что на днях состоится ее свадьба. Из коллег она пригласила Умнису ханум, Захру ханум и меня. Торжество справляли у нее дома, в узком кругу. Музыкальную часть взяла на себя Гюлара ханум. А порой и невеста присоединялась к ней и они играли в четыре руки.

Зарифа ханум была истинной хранительницей очага. Душу готова была отдать ради детей и мужа.

Стоило ей появиться в компании, как тут же начиналось оживление и все переставали скучать. Она любила шутку. Мы договорились: раз в месяц собираться у кого-то из нас. Заранее «заказывали» меню. Зарифа ханум ни разу не уклонилась от этих «девичников». Умниса ханум даже шутливо предупреждала: обижусь, если без меня соберетесь. Если встречались у меня дома, мой муж деликатно уходил, чтобы не стеснять прекрасный пол. Так же деликатничали и другие мужья. Душой этих вечеринок была Зарифа. С ней не соскучишься...

Она пеклась обо всех. На первом этаже дома, где она жила, был хозяйственный магазин. Так она запоминала, кому из нас что нужно по хозяйству, и, как только необходимый товар поступал в магазин, — сама купит и принесет.

...Как-то утром звонит мне домой: “Антига, у тебя осталось малиновое варенье? Дети мои простыли.” Я сказала: да, привезу на работу. Принесла, вручаю, она и тут не удержалась от шутки: “Девочки, если у Антиги просите что-нибудь, лучше с утра. По утрам она такая добрая!”

Она преданно любила свою профессию. В те времена в Азербайджане разгулялась опасная трахома. И в поселке Маштага она искоренила эту заразу.

Простая, непритязательная женщина. Это выглядело необычно — быть из такой именитой семьи, спутницей жизни выдающейся личности — и оставаться настолько скромной!

Мы не прерывали связи и после ее перехода в Институт усовершенствования врачей. Как-то она позвонила: день рождения сына, испеки торт, приходи. Я испекла, пошла к ним. К тому времени Гейдар Алиев только что возглавил КГБ. Зарифа ханум вдруг обратилась к нему: “Я хотела бы, чтобы Антига работала вместе со мной. Без нее у меня дело не клеится. Может, ты посодействуешь?..” Я смутилась: “Ну что вы, Гейдар гардаш, не стоит беспокоиться! Я довольна своей работой и мне бы не хотелось утруждать вас заботами”.

На службе никто из нас не ощущал, что работает рядом с женой высокопоставленного лица. Там она была не “первой леди”, а прежде всего врачом. Приходила на работу, как все, вовремя, трудилась до конца рабочего дня. Ближайшими коллегами ее были Умниса Мусабекова, Захра ханум и я. Со всеми она обходилась по-дружески, ни на кого не смотрела свысока. За всю жизнь ни разу не пожертвовала профессиональным долгом ради семьи и не поступилась интересами семьи во имя службы».

Добрым словом и с чувством благодарности вспоминают ее и коллеги, ученые, специалисты, и рядовые труженики. **Малейка Садыхова**, долгие годы проработавшая уборщицей в Республиканской клинической больнице имени академика Миркасилова, рассказывает:

«Судьба подвергала меня многим испытаниям. Мой муж был военным, в тридцать семь лет покинул этот мир. Я мать семерых детей. Верно, Аллах не оставляет без милости свои создания. Но. дети росли. Что скрывать, трудно было сводить концы с концами. И в ту пору Господь ниспослал мне в помощь Зарифу ханум. Кто я такая была? Обыкновенная уборщица. А она — именитая, ученая женщина, врач. Но мне повезло. Она тогда только-только пришла в нашу больницу. Как-то у меня подруга спрашивает: “Ты хоть знаешь, в чьем кабинете подметаешь-прибираешь?” Я пожала плечами, где мне знать? Зарифа ханум оказалась очень сердобольным человеком. Как-то позвала меня к себе, усадила. Некоторое время помолчала. Чувствую, не сводит с меня глаз. Сажу как на иголках. Наконец она нарушила молчание:

— Спасибо, сестрица моя, за уборку, за усердие. Ты человек аккуратный. — Опять замолкла, задумалась. И мягко, ласково так говорит: — Как житье-бытье? Слышала, у тебя семеро детей.

У меня будто язык отнялся, ни слова не могу вымолвить. Она сделала вид, что углубилась в бумаги на столе. Но, клянусь, все внимание ее было на мне. Я только искоса поглядывала на нее.

— Малейка баджи, — проговорила она. — Я сказала в бухгалтерии кассиру, чтобы мою зарплату за этот месяц передали вам.

Я действительно нуждалась. Дети мал мала меньше. А получка мизерная, не хватало.

Она выслушивала всех, обратившихся к ней, как родных, обследовала, выписывала рецепты. Знали бы вы, как благодарили ее больные! Валлах, она была святой... Никого никогда не обидит, не разочарует. Никому не откажет в помощи. Сердцем наградила ее Господь великим. Как-то опять вызывает меня. Справились о делах, о том, как живется-может. Потом вручила мне новенький, вытуженный халат: “Мне тесноват. Дарю тебе”.

Прошло время. Снова пригласила в кабинет. Выложила на стол в трех свертках разного цвета ткани: “Это я купила для твоих дочурок. Получу зарплату — дам тебе и на шитье. Пусть крохи твои приоденутся”. В жизни я не видела такого доброго человека. Зная мою горькую судьбу, трудную жизнь, хотела облегчить мою ношу. Щедрая душа. Я молилась Творцу на небе, а Зарифе ханум — на земле. Мои дети не раз видели ее заботу. После дочь моя, врач, переехала в Хачмаз. Сколько она помогала ее мужу, знаете? Другая дочь уехала в Ярдымлы, у зятя была тесная квартира. Я обратилась к Зарифе ханум. И благодаря ее содействию в райцентре им дали жилье в здании городского типа. Всех ее добрых дел и не перечислить... Зарифа ханум не забывала нас и тогда, когда переехала с семьей в Москву».

Характерно, что наша героиня с ее беспокойным и участливым характером не осталась равнодушной и к истории, совершенно далекой от офтальмологии. Эта история связана с кинематографом, с судьбой фильма на историкогероическую тему. «Бабек^[13], двухсерийный фильм с массовыми батальными сценами и натурными съемками, требовал больших затрат и технических средств. Решено было снимать картину на киностудии «Азербайджанфильм» совместно с «Мосфильмом». Режиссером-постановщиком был Эльдар Кулиев, уже снискавший известность и успех фильмом «В одном южном городе» по сценарию Рустама Ибрагимбекова.

Для решения технических, финансовых, транспортных вопросов был назначен куратор из высокопоставленных чиновников — человек добросовестный, искренне заинтересованный в деле, но порой позволявший себе вмешиваться и в сугубо творческие, профессиональные вопросы, отчего возникали трения и споры со съемочной группой.

Спустя несколько лет в Москве состоялся просмотр последнего варианта фильма. Затем гендиректор «Мосфильма» Н. Сизов, Эльдар Кулиев и Азад Шарифов (завотделом культуры ЦК компартии Азербайджана) решили показать фильм Гейдару Алиеву. И тут отношения с куратором достигли критической точки. Естественно, в Баку киношники отправились далеко не в радужном настроении. Однако случилось так, что Азад Шарифов летел из Москвы одним рейсом с Зарифой Азизовной. По пути у них завязалась беседа, и Зарифа ханум, выслушав подробный рассказ о фильме, изъявила желание посмотреть его, а затем неожиданно спросила: «Фильм готов, но почему-то настроение у вас нерадостное. Есть проблемы?»

Азад Шарифов, давно знакомый с ней, выложил все как есть. Улыбнувшись, она успокоила его: «Все образуется. Гейдар Алиев знает профессиональный уровень Эльдара Кулиева как режиссера и вас как

своего опытного сотрудника».

Наутро прибыл и гендиректор «Мосфильма». Вечером — просмотр в зале «Госкино». Гейдар Алиев тепло встретил Сизова, поблагодарил за участие в работе над картиной. Сразу после показа на обсуждении слово взял «куратор» и посетовал, что при съемках не были учтены его предложения и замечания. Не комментируя кураторские «переживания», Гейдар Алиевич выслушал мнения других участников просмотра, затем, подводя итог, выразил признательность режиссеру за удачную работу и вновь поблагодарил гендиректора «Мосфильма», выразив надежду на продолжение сотрудничества...

Покидая зал и проходя мимо Азада и Эльдара, Зарифа Азизовна на мгновение задержалась, улыбнувшись им, дала понять: «Ну вот, а вы боялись...»

Отметим, что «Бабек» был лучшим историческим фильмом, снятым в Азербайджане, и отличался хорошими показателями во всесоюзном прокате.

Завкафедрой офтальмологии Азербайджанского государственного медуниверситета профессор Паша Гяльбинур, заводя речь о Зарифе Алиевой, вспоминает слова, сказанные о ней двумя его дорогими преподавателями — профессором Захрой Кулиевой и доцентом Лязифой Алиевой. Они отмечали, что Зарифа ханум была матерью, фанатично любившей своих детей, находясь на работе, она никогда не забывала позвонить домой, справиться об их занятиях и самочувствии.

Паше довелось быть на именинах маленького внука Лязифы Азизовны. Когда речь за столом зашла о большом выступлении Гейдара Алиева, прозвучавшем накануне и передававшемся по телевидению, внимание всех привлекла взволнованная реакция Зарифы ханум. «Я слушала затаив дыхание, и восхищалась», — смущенно призналась она.

Еще один любопытный эпизод, косвенно характеризующий уже масштабы личности отца Зарифы ханум — Азиза Мамедкеримовича Алиева. Об этом эпизоде, возможно, следовало бы сказать раньше в нашем повествовании, когда шла речь о ревнивой немилости республиканского «самодержца» Мир Джафара Багирова к Азизу Алиеву. Так вот, в дни, когда Азиз Алиев оказался надолго оторванным от бакинского семейного гнезда в связи с государственной службой, его супруга Лейла ханум (по ее рассказу), взяв старшую из дочерей Лязифу за руку, явилась на прием к М. Дж. Багирову с просьбой: пусть первый секретарь ЦК вернет Азиза в Азербайджан, неважно, на какую работу, хоть на самую обычную должность. А «первый» отвечал: «Лейла ханум, если Азиз вернется в

Азербайджан, никакая работа ему не подойдет. Достойный его единственный пост — это моя должность. А ее занимаю я». И замолчал. От такого неожиданного и в чем-то страшного ответа Лейла ханум оторопела и, не найдя, что сказать, поспешила распрощаться...

Паша Гяльбинур вспоминает о давнем разговоре своей матери Ильдуз ханум с Зарифой Азизовной. Зарифа ханум, говоря о детях, приводила такую, казалось бы, незначительную, но символическую деталь, связанную с дочерью Севиль: та с малых лет бережно относилась к хлебу (не отзвук ли народной традиции, освящающей хлеб?), никогда не выбросит недоеденный кусок: «Потом доем...» Такое почтительное отношение к хлебу не часто встретишь даже у взрослых...

Однажды Зарифа Азизовна порадовала молодого коллегу Пашу Гяльбинура, сообщив, что Гейдар Алиевич следит за его научными успехами, и спустя какое-то время тот был удостоен премии Всесоюзного комсомола в области науки по представлению НИИ офтальмологии.

Из Москвы по телефону его поздравил Гейдар Алиев. Впоследствии, когда Г. Алиев вернулся в Баку, Паша, встретившись с ним на одном из мероприятий, с благодарностью напомнил об этом телефонном поздравлении. «Вы поздравили меня из Москвы, а здесь вроде как не было Кямрана Багирова» (тогдашнего первого секретаря ЦК. — Г. М.). Г. Алиев усмехнулся в ответ: «Не бери в голову, ведь не все одинаковые...»

Наверное, читателю будут интересны и воспоминания **врача отделения детской офтальмологии НИИ глазных болезней Хейт Эфендиевой:**

«Мы работали с Зарифой Алиевой вместе двадцать лет. Она добилась больших успехов во врачевании, на научном поприще. А впервые мы встретились в 1964 году. Я заканчивала ординатуру, Зарифа ханум проявляла большую заботу обо мне. Помню, сказала как-то, что человек, избравший эту стезю, должен быть чутким, внимательным, ответственным. Малейшая неосторожность способна навсегда лишить больного надежды. Она сама руководила лабораторными опытами. Сама же мыла стеклянные пробирки, хотя технического персонала и медсестер было достаточно. Может, таких скромных людей на свете больше и не было...»

Вспоминает Х. Эфендиева и времена, когда НИИ возглавлял ее супруг Назим Эфендиев: «Именно благодаря инициативности Зарифы Азизовны с нашим институтом сотрудничали самые признанные офтальмологи Союза. С их участием в Баку проводились всесоюзные и международные симпозиумы, научные диспуты. Во время одного из таких форумов мы пригласили гостей в институт на застолье с угощениями нашей

национальной кухни.

Назим муаллим предоставил нам, в большинстве своем представительницам прекрасного пола, свободный “регламент”. Все ощущали себя одной семьей. А Зарифа Азизовна, как радушная хозяйка, предлагала отведать наши яства, расхваливая их достоинства. К примеру, говоря о домашнем хлебе — лаваше, сыре из овечьего молока, тархуне, доставленных из Нахчывана, заявила, что больше нигде в мире таких вкусов не сыщешь, и в шутку добавила, что обожает эти блага потому, что земля, взрастившая их, подарила ей такого верного и заботливого спутника жизни и любящего отца ее детей — Гейдара.

Очередная подобная встреча произошла в Одессе после официальной части юбилейных торжеств, посвященных 80-летию академика Пучковской. Собрались старые знакомые, вспоминали былые деньки, говорили о своих научных делах и проблемах. В ходе застолья я сказала Зарифе ханум: “Может, мы покажем гостям красоту нашей азербайджанской музыки?” Она без уговоров прошла к фортепьяно, сначала сыграла что-то из классики, потом перешла к зажигательной танцевальной мелодии. Уверяю, не было никого, кого бы не увлекла, не “завела” стихия танца, зал плясал, захваченный ритмом музыки. Буквально все, безотносительно к национальному происхождению, подпали под чары азербайджанской музыки. И больше всех радовалась этой зажигательной пляске Зарифа ханум».

Она была чудо как хороша собой. **Н. Шульпина** отмечает, что природа одарила Зарифу Алиеву редкой женской привлекательностью. Ее нежная кожа, овал лица, открытый лоб, бездонные черные лучистые глаза не могли не вызывать восхищения. Вся ее сущность прочитывалась в движениях, жестах, в мимике. «Я не видела ее нервной, разгневанной. Всегда улыбка, мягкая. Особенно пленительны были руки. Руки этой маленькой женщины, руки хирурга, сообщали тепло всему, к чему прикасались, в то же время на этих руках можно было заметить следы семейных забот, женского труда. Несмотря на принадлежность к элитному сословию, она не чуралась домашних дел. Образ именно такой женщины воспел Пушкин в своих стихах: “Чистейшей прелести чистейший образец...”».

Как всякая женщина, она не оставалась безучастной к законам и велениям моды. Вместе с тем, обладая хорошим вкусом, всему знала меру и место. В ее гардеробе нельзя было увидеть ничего, как говорится, вызывающего, умопомрачительного. Как правило, она предпочитала современную, удобного покроя одежду. Умеренно пользовалась

косметикой, серьги с бриллиантами, перстень, сумочка под цвет платья — вот, пожалуй, и все. По ее убеждениям, внешняя и внутренняя красота человека не нуждалась в дополнительных украшениях.

Она была человеком, однажды пообщавшись с которым, его невозможно было забыть...

Гейдар Алиев рассказывал, что во времена острого дефицита импортных товаров в Азербайджане и вообще в Союзе ему позвонили: в республику поступило ограниченное количество французских духов, сколько вам нужно, скажите, выделим. Алиев, позвонив супруге, посоветовался с ней; они решили взять два флакона. «Когда я сообщил об этом распределителю, тот ахнул: все заказывают эти духи по десять-пятнадцать флаконов!».

Известный азербайджанский модельер **Фахрия Халафова** говорит:

«Зарифа ханум осталась в моей памяти как идеал азербайджанской женщины, матери. Она умела одновременно справляться с несколькими делами, постоянно находилась в движении. На ее долю выпала огромная ответственность. Во-первых, семья, во-вторых, руководимый ею большой коллектив, ряд общественных обязанностей. Помимо того, забота о родных, близких, даже о незнакомых людях, которые часто обращались к ней с уверенностью, что не останутся без поддержки и помощи.

Жизненный путь Зарифы ханум — своего рода вклад в дело формирования зрелого и совершенного облика и самореализации современной женщины. В ее работе проявлялись глубокая индивидуальность и высокий профессионализм. А деловые качества гармонично сочетались с ее личным обаянием. Внутренняя гармония, одухотворенность, профессиональная культура проявлялись во всем — в поведении, в общении, в одежде».

Асметханум Мамедова, преподаватель восточного факультета Бакинского государственного университета, в числе студенток которой была и Севиль Гейдаровна Алиева, вспоминает:

«Севиль ханум училась на отделении арабского языка. Она одевалась просто и со вкусом, в учебе служила примером. Со всеми сокурсниками у нее сложились добрые, искренние отношения, к педагогам она питала особое уважение, никогда ничем не выказывала того, что она дочь высокопоставленного человека.

В том, что она и ее брат Ильхам сформировались как личности с широким кругозором, смогли реализовать свои таланты, деловые качества и деятельную энергию, безусловно, во многом сказалась атмосфера семьи и воспитание Зарифы ханум».

В чем же все-таки секрет Зарифы Алиевой?.. А ведь он есть, и до сих пор до конца не раскрыт нами... В этой женщине я вижу внутреннюю одержимость, желание жить на пределе человеческих возможностей, стремление к совершенству и в работе, и в жизни, и в быту, словом — во всем, за что бы она ни бралась.

Глава девятая

КОНДИЦИОНЕРЫ И ОФТАЛЬМОСКОП

Позволим себе небольшое отступление от темы и расскажем об истории строительства завода бытовых кондиционеров в Баку, который станет потом объектом внимания офтальмолога Зарифы Алиевой.

1972 год. Всесоюзное совещание хлопкоробов в Ташкенте с участием первых лиц республики и самого генсека СССР.

Утром в ташкентском аэропорту встречают Леонида Ильича Брежнева, и в отведенной резиденции завязывается беседа между руководителями. Брежнев сидит в кресле возле Шарафа Рашидова. Позже генсек с юмором вспоминал: «Шараф Рашидович привез меня в резиденцию, разместил как положено, а у меня нет сил, жара невыносимая. Вижу: в комнате кондиционер. На радостях включил. А тут вместо прохлады — горячий воздух заполнил комнату. И вместе с теплом — пыль. Спрашиваю, что же это такое, как вы встречаете гостей, Шараф Рашидович?..»

Далее, по рассказу, узбекский «первый» показывает на азербайджанского коллегу:

— Эти кондиционеры делают в Баку, моей вины тут нет. Пусть Алиев сам ответит.

— Ага, — смеется Брежнев, — значит, вся вина на Алиеве...

Гейдару Алиеву приходится объяснять: есть в Бузовнах завод авиапромышленности, в начале 1970-х годов там было начато производство бытовых кондиционеров кустарным способом. Пользовались ими преимущественно в республике, но каким-то образом кто-то переправил их в Узбекистан.

Брежнев отвечает:

— Что ж, товарищи, почему бы нам не наладить производство бытовых кондиционеров в нашей стране, где половина населения проживает в южных республиках?

Идею все поддержали.

— Вернувшись в Москву, обязательно дам указание приступить к строительству завода, — обещает генсек.

И Гейдар Алиев просит дать разрешение на строительство завода кондиционеров в Азербайджане: «Даю слово, что сдадим объект в сжатые сроки».

— Ладно, это обсудим позже, — заключает генсек.

Вскоре Брежнев выносит вопрос о заводе на Политбюро. Думают, какому министерству поручить дело — прецедентов не было, технологии никто не знает. Министерства одно за другим открещаются от «неподходящего» заказа. Узнав о волоките, генсек поручает строительство Министерству электротехнической промышленности. «Электротехнические» чиновники, пораскинув умом, видят, что своими силами им не справиться, необходимо привлечь зарубежные технологии. «Сколько вам нужно средств?» — спрашивают из ЦК. «Двадцать пять миллионов долларов». Принимается решение об ассигновании этой суммы. Но министр Антонов решает строить завод в Днепропетровске. Узнав об этом, Гейдар Алиев летит в Москву, приходит к Антонову, затем к зампреду Косыгина Новикову, пытаюсь выяснить, в чем причина такого выбора. Мотивы, услышанные им: отсутствие соответствующих квалифицированных инженерно-технических кадров в Баку, намеки на нелестную строительную репутацию. А генсек велел: в короткие сроки...

Алиев усмотрел в этих отговорках простое желание натянуть одеяло на себя, подальше от «окраинных» республик.

Обращение к Косыгину не обнадеживает. Остается — Брежнев. А генсек и не ведал об этой «переадресовке». При встрече спросил: «Ну как, Гейдар, дела с твоим заводом, продвигаются?» Алиев развел руками. «В чем дело?» — «Ваши министры переиграли нас и решили строить завод в Днепропетровске». — «Как так?». Генсек берет трубку, звонит Новикову, пеняет за самоуправство. Тот кивает на министра Антонова. Министру тоже досталось на орехи, хотя тот пытается сослаться на сложности процесса и якобы техническую несостоятельность южной республики. А Брежнев говорит: «Я сам работал в Запорожье, знаю: этот регион напичкан заводами, нет необходимости строить там новый завод. Во-вторых, в кондиционерах более всего нуждаются южные республики. Зачем же нам возить кондиционеры из Запорожья в Баку, Тбилиси или Ашхабад? Из Баку это обойдется дешевле».

Проходит месяц, другой, Москва молчит. Г. Алиев вновь летит в столицу. Оказывается, представители Минэлектропрома вели переговоры с американцами, итальянцами, немцами, которые запросили за сотрудничество высокую цену: порядка ста двадцати — ста пятидесяти миллионов долларов. А министерству выделили всего двадцать пять миллионов. Наконец японская фирма «Toshiba» соглашается выполнить заказ за девяносто миллионов долларов, причем японцы работают ничуть не хуже, а даже лучше европейских и американских коллег. Остается

«пробить» эту сумму через Политбюро, но ни одно из ведомств не решается на это. Байбаков обращается к Косыгину, но премьер возражает: «Больше валюты нет». Г. Алиев вновь апеллирует к генсеку. Тот, узнав, что воз и ныне там, приходит в раздражение и высказывает недовольство в адрес высокопоставленных крючкотворов. «Сегодня же дайте предложения, — велит он по телефону, — вынесем решение». Короче, девяносто миллионов удастся получить...

Во второй половине 1973 года в Азербайджане начинается строительство завода бытовых кондиционеров. В декабре 1975 года завод был сдан в эксплуатацию, одновременно триста человек проходят практику в Японии — инженеры, техники, рабочие; пятьсот человек повышают квалификацию на электротехнических предприятиях Москвы, Ленинграда, Украины.

Гейдар Алиев выступает на митинге по случаю открытия уникального предприятия.

Брежнев телеграммой поздравляет строителей. Через несколько лет Гейдар Алиев видит бакинские кондиционеры во время визита в Мозамбик, позже — в Корею, Вьетнаме, Анголе.

Можно представить гордость лидера Азербайджана!

Захра Кулиева вспоминает, что пуск завода бытовых кондиционеров вылился в праздник всего Баку.

— Как офтальмолог бывая в разных городах Союза и видя на конференциях, съездах, в больницах, операционных бакинские кондиционеры, я испытывала большую радость. Меня не раз просили передать признательность нашим заводчанам.

Теперь нам пора перебросить мостик от заводского сюжета к основной теме повествования. Дело в том, что научная деятельность нашей героини оказалась в дальнейшем напрямую связана со здоровьем работников этого гигантского предприятия с многотысячным коллективом, занимающего площадь в сто пятьдесят пять тысяч квадратных метров. Если на первом этапе своей медицинской деятельности Зарифе Алиевой пришлось непосредственно участвовать в борьбе за искоренение трахомы и в выработке профилактических мер (это послужило темой ее научных статей и кандидатской диссертации), то теперь возникла новая задача, имеющая общегосударственное и социальное значение. Баку — город промышленный, и профессиональные болезни для таких мегаполисов — явление характерное. Поэтому в начале семидесятых годов путь Зарифы ханум лежал не в Институт усовершенствования врачей, а на химические предприятия столицы республики. Среди работников этих предприятий она

провела месяцы, годы. Гигантская новостройка — Бакинский завод бытовых кондиционеров — станет вскоре «полигоном» ее новых научных изысканий и практического участия в обеспечении здоровья сограждан.

Надо сказать, что рабочие люди, особенно молодежь, не всегда ответственно и всерьез воспринимали профилактические меры, обследования, рекомендации — в силу обычной человеческой инертности и беспечного отношения к офтальмоскопам, фонендоскопам и прочей медицинской премудрости. Стало быть, речь шла и о медицинском просвещении, пропаганде необходимых знаний, гигиены труда и т. д. Природная скромность лектора в белом халате, невысокой, приветливой, простой в обхождении женщины, не позволяла заподозрить в ней представительницу именитой фамилии, супругу первого лица республики. Некоторые даже не верили, что человек с таким статусом станет ходить в гроыхающие цеха и заниматься изучением зрительных способностей тысяч людей.

А она ходила на химзаводы, неоднократно бывала на шинном заводе с его уникальной технологией выработки синтетического каучука, на алюминиевом заводе в Сумгайите, там же — на «Нефтехимавтомате», суперфосфатном заводе...

На эту деятельность ушло у Зарифы Азизовны лет шесть-семь. Родилась монография, ставшая сенсацией в офтальмологии, — «Состояние органа зрения на некоторых химических предприятиях Азербайджана». Весной 1977 года в Московском НИИ глазных болезней эта уникальная работа прошла обсуждение. И была признана равноценной докторской диссертации.

Зарифа ханум принимала заслуженные поздравления.

— Это мой первый шаг в национальном здравоохранении. Главная дорога — впереди.

Она хорошо понимала, что стремительное развитие нефтехимической промышленности изо дня в день увеличивает актуальность занимающей ее проблемы, и продолжала поиски, исследования, публиковала статьи в Союзе, в международных изданиях, результаты исследований становились страницами новых монографий.

По ее инициативе на Бакинском заводе бытовых кондиционеров создается специальная научная лаборатория. На основе анализа воздействия производственной среды на органы зрения в этой лаборатории накапливался уникальный материал, позволявший осуществлять действенные профилактические меры.

Таким образом, монография, снискавшая Зарифе ханум степень

доктора наук, стала плацдармом для новых научных открытий, обозначивших прогресс национальной медицины в этой области.

Сама она считала свои труды «продолжением жизни отца».

Символично, что завод, которому дал жизнь Гейдар Алиев, стал важной вехой и в деятельности его спутницы жизни. Лаборатория, где занималась научными изысканиями Зарифа ханум, оставила неизгладимый след в ее судьбе.

Работавший в те годы **заместителем директора этого завода по производству Магеррам Бахшалиев** вспоминал:

«Директор завода Санан Ахундов был в Москве. Из ЦК КП Азербайджана мне позвонил Гасан Сеидов и сказал, что докторская диссертация Зарифы Азизовны, посвященная профилактике глазных болезней в производственной сфере, вызвала резонанс союзного масштаба, и она намерена продолжать изыскания в лаборатории, которая будет открыта на заводе.

Наутро в 8. 45 перед заводом остановилась машина: приехала Зарифа ханум. Подойдя ко мне, мягко спросила:

— Вы товарищ Бахшалиев?

— Да, Зарифа ханум.

— Какие комнаты можно отвести под лабораторию, на каком этаже?

Три этажа занимало заводоуправление. Осмотрели четвертый, пятый, шестой. Она остановила свой выбор на шестом. Показала три-четыре комнаты, высказала предложения. Добавила: «Завтра придут и скажут вам, какую комнату в какой цвет покрасить. Но я прошу вас, пусть не затевают роскошный ремонт. Нет нужды транжирить средства на это».

Признаться, ожидая услышать от супруги деятеля такого масштаба, как Алиев, категорические указания, мы были очарованы ее простым, приветливым обращением, непритязательностью человека, который ко всему относился без амбициозных претензий. И поняли, что сподвижница Гейдара Алиевича, его верная спутница жизни такой и должна быть.

Я позаботился об обеспечении условий для нормальной работы лаборатории. Подумал, что на заводе 8500 работников, среди них есть люди всевозможных характеров. Основные входы и коридоры часто заполнены массой народа, и за всеми не уследишь, поэтому счел более целесообразным все-таки отдать под лабораторию комнаты на первом этаже, имеющие отдельный вход. Сообщил свои соображения в ЦК, потом позвонил в Москву, Санану Ахундову — он поручил мне оставить все прочие дела и сосредоточить все внимание на лаборатории.

Сообщили о моем варианте Зарифе Азизовне, и она вновь посетила

завод со своим братом Тамерланом Алиевым. Осмотрела помещения, обстановку, и ей все очень понравилось. После легкого косметического ремонта лаборатория начала свою деятельность».

Из воспоминаний доктора медицинских наук, профессора Назима Тагизаде:

«В моей судьбе Зарифа Алиева сыграла большую роль. Знакомство наше произошло в 1978 году, после окончания интернатуры я работал в реанимационном отделении Республиканской клинической больницы. Как-то вызывает меня завотделением: “Завкафедрой глазных болезней профессор Зарифа ханум хочет побеседовать с вами”. Наутро в назначенное время я пришел к директору Института усовершенствования врачей академику М. Джавадзаде. Прохожу в кабинет. Ректор представляет меня Зарифе ханум. Она говорит, что организует научно-исследовательскую лабораторию по глазным болезням и приглашает меня туда работать. Предложение было неожиданным. Я представлял свою будущую профессию как реаниматолога. Однако Зарифа ханум сообщила, что вот уже больше года следит за моей работой и считает, что я тяготею к научно-исследовательской деятельности. Но дала мне время подумать.

Вскоре мы вновь увиделись, после раздумий я дал согласие и в октябре 1978 года был принят в лабораторию по физиологии и профессиональным болезням зрения. Итак, я приступил к работе в лаборатории при Бакинском заводе бытовых кондиционеров, являющейся отделением лаборатории Института усовершенствования врачей имени А. Алиева. Помимо меня сюда же приняли врача С. Тальшинскую.

При первом посещении завода с Зарифой Азизовной нам показали несколько пустующих комнат. И примерно за полгода лабораторию оборудовали самыми современными приборами.

З. Алиева также пригласила сюда доктора наук М. Султанова (старшим научным сотрудником) и Т. Мирзоева (младшим научным сотрудником). Помимо этого взяли еще двух лаборантов. Началась системная работа. Понятно, она координировалась Зарифой Азизовной. Помнится, многие сомневались тогда в эффективности этой деятельности. Удивлялись: какое отрицательное воздействие на здоровье работников может происходить на заводе со столь современной технологией? Однако Зарифа ханум была убеждена, что на любом предприятии с использованием химических веществ их влияние на здоровье человека неизбежно. Этот вывод опирался

на ранее проведенные ею исследования на бакинских предприятиях.

Предварительно Зарифа ханум подготовила диагностическую карту, которая начиналась с записи жалоб работников. В ней же давались все современные методы глазной диагностики и излагались научные результаты исследований специалистов.

Зарифа ханум уделяла особое внимание нашему профессиональному становлению. Мы проходили на кафедре курсы специализации. Лекции, которые она читала, отличались от многих других содержательностью и широтой подхода. И сегодня, когда я сам читаю лекции, всегда перед глазами оживает преподавательский стиль моей наставницы. В ту пору в ее лаборатории применялись самые современные методы диагностики. Зарифа ханум периодически отправляла нас в командировки в офтальмологические центры Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Одессы и других городов. Мы перенимали опыт коллег и использовали его в своей практике.

Зарифа Азизовна каждый раз анализировала проделанную работу, помогала в устранении недостатков и повышении эффективности. Со временем по ее инициативе было организовано и специальное хирургическое отделение. Здесь оказывалась лечебная помощь не только нашим заводчанам, но и работникам соседних предприятий. Больных отпускали домой после определенной адаптации в специальной комнате. Тогда организация лечения в амбулаторных условиях сама по себе была прогрессивным новшеством. Сегодня глазные болезни лечатся подобным способом.

Доктор медицинских наук, профессор Расим Гаджиев рассказывает:

«Мое знакомство с Зарифой ханум состоялось в лаборатории при заводе БК. Она интересовалась у знакомых, разузнавала через них о специалистах, работающих в этой области. Пригласила меня к себе. Собеседование, кажется, я выдержал, и она приняла меня. Через некоторое время, заметив мой интерес к научным изысканиям, предложила мне тему: “Диабетическая ретинопатия в глазном яблоке”. Тема заинтересовала меня, и Зарифа ханум стала моим научным руководителем. Тогда наша кафедра располагалась в здании 4-й городской больницы. Зарифа ханум вверила меня заботам опытных врачей, посвящавших меня в тонкости офтальмологии. А в лаборатории при заводе, продолжая диагностирование, я собирал материал для научной работы. Наконец в 1982 году в азербайджанском медицинском журнале в соавторстве с академиком Зарифой ханум Алиевой вышла моя статья «Роль стекловидного тела в замедлении развития диабетической ретинопатии при миопии». Отмечу,

что диабетическая ретинопатия — одна из основных и насущных проблем в офтальмологии. Ее признаки наблюдаются в виде нарушения в сосудах и приводят к потере зрения. Автором диссертации на названную тему была Зарифа Алиева. Этот труд — плод многочисленных опытов и изысканий. В дальнейшем мне выпала честь выступить в соавторстве с Зарифой Алиевой в московских изданиях, в “Известиях офтальмологии”, в зарубежной печати.

Умение заглядывать вперед очень помогало ей. Талантливая подвижница науки, она способствовала подготовке компетентных кадров, научной смены в республике, добивалась приобретения высокотехнологичного оборудования для обеспечения нормальной деятельности коллег.

Не раз и не два в нашу рабочую комнату приносили от нее торты, пирожные, всевозможные соки. Зарифа ханум по — матерински пеклась о нас, а мы делились с ней своими радостями и печалью. И она всегда помогала советами не только нам, но и всем, кто к ней обращался с просьбой. Делала все, что могла».

Магеррам Бахшалиев дополняет свой рассказ:

«Бывало, позвонит: “Товарищ Бахшалиев, есть ли у вас время заглянуть ко мне?” Значит, ей необходима информация о производственных процессах.

Я как-то сказал: не утруждайте себя звонками, поручите кому-нибудь из персонала, я мигом приду. Она в ответ: “У вас уйма дел, непросто работать в огромном коллективе, времени в обрез. Потому хотела бы, чтобы вы приходили в удобное для вас время”.

Однажды я услышал о курьезном случае: молодой рабочий по имени Мустафа ожидал своей очереди на прием к врачу, но как только узнал, что принимающий врач — Зарифа ханум, супруга Гейдара Алиева, оробел настолько, что его и след простыл... Случай, конечно, редкий. Но все, прошедшие диагностирование, оповещали других, что не стоит волноваться: эта ханум — душа-человек.

Некоторое время спустя, получив назначение директором на другой завод, я пришел попрощаться с ней; она по-доброму напутствовала меня, пожелала успехов, дала свои телефоны: если что понадобится, не стесняйся, звони.

Много позже мы встретились в 4-й клинике. Сразу узнала, подала руку: “Товарищ Бахшалиев, как живете?” Я поблагодарил, поговорили накоротке. Память о ней неизгладима.

Вот пример настоящей женщины, интеллигентной, великодушной,

скромной, достойной подражания».

Журналист Тельман Кафар:

«О ней я много слышал. Даже видел, как молились о Зарифе ханум люди, которым она вернула зрение. Но мне как журналисту не удавалось встретиться и побеседовать с ней. Наконец в 1979 году мне выпал такой шанс. Я работал в новостной программе АзТВ. Однажды услышал о новооткрытой Зарифой ханум Алиевой лаборатории на БЗБК — по изучению профессиональной патологии зрения. Это была первая в Союзе лаборатория такого типа. Побывали с кинооператором на заводе, видим: наряду с научными изысканиями тут и лечат больных, жалующихся на зрение. Даже операции проводят. Руководитель лаборатории Зарифа Алиева приняла нас настолько приветливо, как если бы встречала родная мать или сестра. Мы сообщили о цели визита: взять интервью об этом новшестве. Она улыбнулась: “Полдень, сначала пообедайте, а о лаборатории после поговорим”. Подозвала кого-то из персонала, и тот отвел нас в заводскую столовую. Денег с нас не взяли, заведующий столовой дважды подходил к нам, спрашивая, не надо ли чего... Вернулись назад.

“Мы готовы взять интервью”, — говорим. Но у Зарифы ханум возникли неотложные дела: “На сей раз отложим интервью. В следующий раз, быть может.” Мы настаивали, но, увы, безрезультатно. Тогда я прибегнул к последнему, несколько сентиментальному доводу: “Зарифа ханум, ваш дед Мамедкерим киши был соседом с моим дедом в квартале Далма, в старой Эривани. Может.” Она перебила: “Нет, посмотрим. в другой раз.” Обескураженный своим фиаско, я понадеялся на будущее. Вскоре в Баку состоялась Международная конференция по офтальмологии. Снова попытался. Увы, вновь не удалось взять интервью, и не только мне, но и корреспондентам центрального ТВ. Несмотря на сверхделикатное отношение к работникам телевидения, она не хотела фигурировать на экране ...»

Известный журналист Светлана Наджафова в статье «Трогательное воспоминание» пишет:

«Я готовила материалы в очередной номер. Телефонный звонок оторвал меня от дела. Подняв трубку, сразу узнала ее голос.

— Как ваше самочувствие? — опередила я ее. — Как Севиль, Ильхам?

— Спасибо большое, — ласково отозвалась она. — А как ваши дочки?

И после паузы:

— Хочу попросить об одном. Если можно, не захваливайте меня. И впредь не давайте мое фото на обложке журнала. К чему это?

Я возразила, что ее заслуги в развитии офтальмологии общеизвестны, а что касается снимка на обложке, тоже не зазорно, это давняя традиция журнала — публиковать фотопортреты известных и прославленных женщин нашей республики.

Долгая пауза. Мне показалось, что я смогла переубедить ее. Но я ошиблась. Очень мягко она настояла на своем:

— Вы послушайте меня. Так надо. — Потом добавила: — Давайте, когда у вас выпадет время, встретимся и фотоснимки вместе выберем.

В тот же день прислала за мной машину. Встретились у нее дома. Из снимков, снятых нашим фотокорреспондентом, одобренных редакцией и подготовленных к печати, она согласилась на публикацию только лишь двух. Из фотографий, где мы снялись с работниками отдела, отобрала несколько и отдала мне на память.

...Это была моя третья и последняя встреча с профессором Зарифой Азизовой Алиевой.

Первая встреча состоялась чуть раньше, в глазном отделении 4-й клиники.

О месте и времени с ней договорилась Халида Г асилова, главный редактор журнала “Азербайджан гадыны”, где я тогда работала. Знаю, что согласие было получено с большим трудом.

...Я не знала, как начать. Почувствовав мое волнение, она пришла на помощь и сама задала первый вопрос:

— Давно вы работаете в журнале?

Потом поинтересовалась, сколько у меня детей, какого возраста, спросила, кто по специальности мой муж. Я и не заметила, как между нами возник теплый, доверительный контакт. Беседа по деловым вопросам перемежалась разговорами о семейных заботах, о том, как трудно вырастить детей, словом, обо всем, о чем могут поговорить женщины. Когда я хотела сделать пару-другую записей о ее личной жизни, о трудностях и заботах первых лет, когда они строили семью, она тихонько положила свою руку на мою: “Этого не надо. У кого же не было трудностей?”

Помнится, тогда Севиль заболела и Зарифа ханум была очень обеспокоена. “Молодые не следят же за своим здоровьем”, — посетовала. Потом, извинившись, позвонила домой, справилась о состоянии Севиль и, узнав, что дело идет на поправку, немного успокоилась.

О лаборатории (при заводе. — Г. М.) говорила увлеченно. Чувствовалось, что эта лаборатория, в которую она вложила не только большой труд, но и душу, — предмет ее гордости. Посоветовала

непрерывно побывать там. Договорились через пару дней вместе отправиться на завод кондиционеров. Встретились точно в назначенное время. Фотограф сел в машину впереди, рядом с шофером, мы — на заднем сиденье. Я поинтересовалась, как здоровье Севиль. “Хорошо. Очень она напугала меня. — И улыбнулась: — Собственно говоря, ничего пугающего и не было. А я, как у них из носа потечет — трясусь.” — “Все мамы такие”. Спросила, с кем я оставляю детей, уходя на работу. “Теперь они большие, — говорю, — стало легче”.

В опрятной лаборатории, оснащенной по последнему слову науки и техники, нас встретили научные сотрудники Тахир Мирзоев, Назим Тагизаде. Пока Зарифа ханум переговорила с ними, дав некоторые поручения, младший научный сотрудник Светлана Талышинская постаралась предоставить мне информацию о работе лаборатории, единственной не только в Азербайджане, но и во всем Союзе. Сотрудники ее оказывали заводчанам систематическую медицинскую помощь. За год обследование проходили 1200 человек... Профилактика, лечение и — здесь же, в лабораторных условиях, — оперативная помощь.

Мой очерк был напечатан в журнале “Азербайджан гадыны”. Зарифа ханум позвонила и поблагодарила меня, сказала, что очерк понравился ей. Признаться, я сама как автор не была так уж довольна написанным. Очерк вопреки интересным фактам, записанным в моем блокноте, искренности и теплоте нашего общения показался мне суховатым, официальным. Вместо излучающей доброту, открытой и теплой в общении женщины, которую я знала по трем встречам, представал образ холодноватой, строгой ученой. Но что было делать? Зарифа ханум не только соизмеряла каждый свой шаг, каждое слово с высокой планкой своего достоинства, но и соотносила с высоким положением, занимаемым ее спутником жизни. Поэтому она не позволяла детализировать многие факты, значимые моменты, могущие с излишней откровенностью представить ее жизнь читателю...»

Глава десятая

ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

*Если любовь зародится в груди камней,
то камень взлелеет самоцвет.*

Низами

Любовь! Любовь! Сколько вдохновенных песен, сколько потрясающих творений искусства создано во славу ее!

Любовь — начало начал, первооснова всего живого.

Все дороги, выпавшие человеку на его веку, ведут через любовь.

Любовь — испытание, проклятие, Божья милость, озарение души, судьба...

Древнетюркский эпос, классическая поэзия связывают ее возвышающую, волшебную силу с сакральным, божественным началом, с Провидением. Вспомним: Петрарка и Лаура, Данте и Беатриче, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Лейли и Меджнун.

«Хосров и Ширин» — первая из поэм Низами, целиком посвященных вечной теме любви. Здесь поэт не только через перипетии и оттенки любовных отношений героев, но и непосредственно, прямо выражает собственное понимание любовного чувства:

*У меня нет иного призвания, кроме [воспевания] любви,
Пока я жив, да не будет мне суждено иное дело.
Без страданий любви этот мир не имеет достоинств...
Будь рабом любви — вот верная стезя.
Лишь она удел тех, кто обладает сердцем, только она!
Мир — это любовь, все остальное — лицемерие, обман.
Все игра — кроме одной любви...*

Однако в мусульманском средневековом обществе скорее царил культ чувственного удовольствия, поощрялся выгодный брак, но не любовь в том смысле, как понимал ее Низами. Герои Низами, свободные в своих чувствах, нередко вступают с обществом в конфликт. Поэт решительно

расширяет роль и значение любви. Животворящие страдания любви — главная движущая сила бытия. Любовь — это творчество жизни, она пронизывает всю природу. «Если любовь зародится в груди камней, то камень взлелеет самоцвет» — вот какой поразительно емкий по смыслу образ предлагает гениальный Низами. Любовь для него — вершина духовной жизни личности, преодоление отчуждения между людьми, путь к подлинным ценностям в человеке и в Боге, к нравственному просветлению и к... вечности.

Наше время явило еще одну историю любви, достойную стать в ряд легендарных примеров самоотверженного душевного единения, любви, которая уже нашла отклик и в искусстве.

Ранее мы говорили об обстоятельствах, сопутствовавших, вернее — препятствовавших союзу двух сердец, двух молодых людей — перспективного офицера и дочери опального политического деятеля, о грозных предостережениях начальства, которые фактически ставили молодого человека перед выбором: карьера или любовь.

Надо было обладать незаурядным мужеством — и беззаветно любить! — чтобы оставить мысли об успешном продвижении по службе, рисковать остаться за бортом, да еще заработать ярлык «неблагонадежного».

Упомянувшийся на этих страницах фильм Вагифа Мустафаева воссоздает тревожную и трагическую атмосферу той поры через главного героя, рассказы очевидцев, близко знавших семью Азиза Алиева, — народного художника Кямиля Алиева, академика Джалала Алиева (брата Гейдара Алиевича), родственницы Зарифы ханум — Соны Алескеровой.

Кямилъ Алиев:

«Люди, которые ежедневно приходили в дом, — исчезли. Сразу перестали посещать самые близкие друзья Азиза Алиева. Отвернулись даже родичи. Ибо все опасались слежки, преследования, ареста».

Документальные архивные кинокадры, запечатлевшие сталинско-бериевско-багировскую эпоху, воскрешают атмосферу массового «зомбирования» и страха перед всесильным вождем и его сатрапами. По мере перечисления тяжких проблем, с какими столкнулась семья, испытывая на себе гнев Мир Джафара Багирова, ощущаешь разрушительную и бесчеловечную суть тоталитарного режима.

О том, что и молодой Гейдар Алиев, вхожий в опальную семью, был взят под надзор, свидетельствует бывший сотрудник КГБ Кямал Алиев.

Тактично переданные эпизоды «конспиративных» свиданий влюбленной пары (вопреки указанию начальства!) волнующе оттеняет

популярное танго тех далеких лет — «Брызги шампанского». И за этим романтическим, лирическим киносказанием ощущается зловещая воля вождя, не щадившего даже своих соратников...

И в Азербайджане в тридцатые годы жертвами террора станут многие выдающиеся представители творческой интеллигенции. Великого писателя и драматурга Гусейна Джавида сгноят в иркутской ссылке, талантливейшего поэта Микаила Мушвига в расцвете сил расстреляют на острове близ Баку.

1952 год. Генерал КГБ Емельянов, убеждающий офицера Гейдара Алиева отказаться от любимой, слышит от него: «Есть работа, и есть личная жизнь. Я люблю свою работу, и вы цените меня как работника. Но другой стороной моей жизни, может быть, совершенно необходимой, является моя семья. Моя будущая семья! Мои личные чувства. Моя любовь. Я люблю эту девушку. И она любит меня. И как мне расстаться с ней?.. Что мне сказать? Это будет странно. Не только странно, но и очень тяжело сказать ей: «Я расстаюсь с тобой». Я должен объяснить причину. Не могу же я сказать, что расстаюсь с ней ради того, чтобы остаться на службе в органах безопасности?!»

Драматическая сцена, раскрывающая характер Г. Алиева, его верность высоким чувствам (верность голосу сердца, любви!) и смелость, если учесть жесткую субординацию в этом суровом ведомстве.

Но есть высшая справедливость истории, которая в конечном счете вершит свой суд. Благодаря именно такому повороту событий рассеялись тучи над зарождающимся союзом двух сердец, над семьей, которая может служить примером удивительной гармонии отношений, верности, служения народу, нации, родине.

С этой семьей связаны имена двух президентов независимого Азербайджана, имя академика-офтальмолога, имя видного востоковеда. Во главе ее стоял национальный лидер, которому принадлежит заслуга не только возвышения советского Азербайджана, но и триумфального строительства нового, независимого, суверенного Азербайджана.

Это было счастливое наложение нравственной семейной ауры двух фамилий, совпадающих даже по звучанию — Азиза Алиева и Алирзы Алиева. Мы подробно рассказывали о родителях Гейдара Алиева в посвященной ему книге^[14], об Азизе Алиеве и его семье читатель уже узнал из этого повествования, посвященного Зарифе Алиевой.

В дополнение к рассказу поведаем еще о нескольких эпизодах, связанных с этой славной семьей: поговорим о брате Зарифы ханум — докторе медицинских наук Тамерлане Азизовиче Алиеве.

Журналист Зарифа Баширгызы вспоминает:

«...Он только что встал на ноги после тяжелого недуга. Мы при каждой встрече могли побеседовать минут пять-десять. “Его нельзя слишком утомлять”, — предупреждала супруга Тамилла ханум. Действительно, я и сама чувствовала, как трудно говорить Тамерлан муаллиму.

Когда работа была готова, я зашла к ним домой, чтобы взять фотографии, связанные с его отцом. В комнате была масса цветов, на столе — большой торт. В тот день Тамерлан муаллиму исполнялось семьдесят пять лет. Поздравить его пришли коллеги по кафедре. Вернувшись в редакцию, я попросила поставить материал в завтрашний номер — это был наш подарок юбиляру. Он очень обрадовался, был тронут до слез. И тем, что речь шла о его отце, и нашим поздравлением в связи с его днем рождения».

В материале З. Баширгызы приводятся вехи биографии и научной деятельности Тамерлана Алиева. Тамерлан Азиз оглу Алиев родился в 1921 году в нахчыванском селе Шахтахты. Семья позднее переехала в Баку. Окончив Азербайджанский государственный медицинский институт, он работал в одном из научно-исследовательских институтов, затем — в родном институте, пройдя путь от клинического ординатора до профессора и заведующего кафедрой внутренних болезней.

О его плодотворной научно-педагогической деятельности говорит тот факт, что он подготовил двадцать пять кандидатов наук, пять докторов наук; как практикующий врач снискал признательность сотен пациентов; он автор более двухсот научных трудов, десятка монографий. Тамерлан Алиев был удостоен многих орденов и медалей, Государственной премии республики; в диапазон его деятельности входили обязанности председателя Ученого совета Мединститута, главного терапевта Минздрава...

Журналист З. Баширгызы отмечает прекрасные человеческие качества Тамерлана Азизовича, его педагогический талант и профессиональное умение в сочетании с требовательностью и доброй участливостью.

Коллега Т. Алиева **Алифаддин Абдуллаев** характеризует его лаконично и емко: «Тамерлан буквально не позволил бы себе наступить ногой даже на муравья, он был настоящим человеком — добрым, заботливым, бескорыстным».

В 1997 году, когда Тамерлан Алиев ушел из жизни, **президент Гейдар Алиев** в прощальном слове сказал о нем: «Кончина Тамерлана — тяжелая, большая утрата для нашей семьи, очень тяжелая утрата лично для меня. В

то же время смерть Тамерлана — большая утрата для азербайджанской медицинской науки, для высшего образования Азербайджана, для научного мира.

Долгие годы Тамерлан был моим близким другом. Я познакомился с ним пятьдесят лет назад, потом мы породнились. Все эти годы он был моим верным товарищем... Он был человеком врожденного таланта... наряду с этим очень самоотверженным, трудолюбивым, работающим человеком. Он всегда любил избранную профессию, и с этой любовью служил ей, людям и занял достойное место в обществе. Он внес свой вклад в развитие медицинской науки в Азербайджане, исцелял тысячи, десятки тысяч людей, продлил их жизни.

Тамерлан был выдающимся представителем азербайджанской интеллигенции. И — чрезвычайно скромным человеком. Он отличался большой пронизательностью, культурой, миролюбием. Постоянно стремился к установлению добрых отношений между людьми, постоянно творил добро, старался сблизить людей.

Еще одна отличительная его черта заключалась в том, что он был очень бескорыстным человеком.

Он получил высокие звания, написал много научных трудов, имел большие заслуги. Но никогда не зарился ни на какую должность, не думал о карьере. Не только не зарился, но и неоднократно отказывался от подобных предложений. Это на моей памяти. Он хотел трудиться только в своей профессии. Еще раз отмечу: ему несколько раз предлагали должность и в институте, и в сфере здравоохранения, он отказывался от всего. Не потому, что не справился бы, а потому, что любил свое дело, свою профессию и не хотел переходить на другое поприще.

Своим великодушием, высокой культурой, интеллигентностью, простотой и человеколюбием он походил на своего отца — покойного Азиза Алиева.

А для меня самым большим его достоинством была верность дружбе. Люди подвергаются испытаниям в различные моменты своей жизни. Были такие периоды испытаний и у меня за эти пятьдесят лет. Тамерлан всегда оставался мужественным, преданным другом. Я полагаю, что самое высокое качество человеческой духовности — это искренность, верность. Тамерлан был человеком, обладающим этими качествами. Могу даже сказать, что по этим качествам являлся высоким примером».

Нетрудно заметить, что во всех характеристиках и штрихах к портретам представителей двух известных семей, причастных к героине нашего повествования, присутствуют одинаковые нравственные

достоинства — человеколюбие, скромность, бескорыстие, верность. Так что, думаю, можно говорить о генетическом наследовании, преемственности высоких моральных устоев».

Но вернемся к нашей героине и обратимся к новым свидетельствам, дополняющим ее образ.

Рафик Гамбаров вспоминает о том, как профессиональная судьба свела с Зарифой ханум Алиевой его двоюродного брата Назима Тагизаде, работавшего врачом в клинике, в отделении анестезии и реанимации. Зарифа ханум пригласила молодого специалиста в созданную ею при БЗБК специальную лабораторию по изучению физиологии глаза и профессиональных болезней. Выбор основывался на оценке деятельности и исследовательских предпочтений Назима Тагизаде. И выбор этот блестяще подтвердился дальнейшими научными успехами молодого коллеги. Эти успехи были достигнуты при профессиональном содействии и человеческой заботе Зарифы ханум Алиевой. Назим Тагизаде защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации, стал профессором. К сожалению, талантливый ученый рано ушел из жизни — ему было только сорок девять лет...

Р. Гамбаров вспоминает, с каким почтением и благоговением Назим рассказывал о своей наставнице и научном руководителе, монографию «Хирургическое лечение и патологии в зрительных точках и каналах» Н. Тагизаде предварил надписью: «Посвящаю светлой памяти моей дорогой наставницы и научного руководителя Зарифы Азизовны Алиевой».

Р. Гамбаров рассказывает: «В те времена я был профессиональным кинооператором. В свободное время часто навещался в ту лабораторию (на заводе. — Г. М.), заходил к Назиму. Интересовался опытом работы, новациями. По инициативе Зарифы ханум на заводе было организовано специальное хирургическое отделение, где проводилось амбулаторное лечение заводчан, что само по себе было прогрессивным нововведением.

Мне выпала честь лично познакомиться с Зарифой Азизовной. В 1984 году режиссер Эльдар Кулиев снял фильм «Легенда серебряного озера», я был оператором-постановщиком. После просмотра фильма Эльдар муаллим познакомил меня с Зарифой Азизовной. Она была очень простым, светлым человеком, и в ее простоте ощущалась высота личности. Глаза ее излучали благородство и искренность. Она поблагодарила нас за фильм, сказала, что работа эта очень понравилась ей.

Хочу обратить внимание на одну историю, оставившую глубокий след в моей памяти. Осень 1992 года. Очень тяжелый был период. Известные общественно-политические события в новейшей истории Азербайджана

стремительно сменяли друг друга, как кадры кинохроники. Как и во всех сферах деятельности, в киноиндустрии царил застой. Однажды мой друг Тофик Исмаилов сообщил мне, что начал съемки полнометражного фильма, посвященного юбилейной дате азербайджанской энергетики по заказу ПО “Азэнерго”, и пригласил меня на съемки. Я согласился. В тот период этой отраслью руководил Муслим Иманов. В связи со съемками фильма нам часто приходилось бывать у него. Он рекомендовал нам отправиться в Нахчыван, заметив, что если есть два человека, глубоко сведущих в этой отрасли, то один из них — Гейдар Алиев. То были времена, когда Гейдар Алиев вернулся из Москвы в Нахчыван и был избран председателем Верховного меджлиса автономной республики.

Нахчыван жил в тяжелых условиях блокады. Среди населения наблюдались смятение, упадок духа, не хватало продовольствия, газа, электроэнергии... Мы разместились в гостинице “Тебриз”... С Гейдаром Алиевым удалось встретиться поздним вечером. Он принял нас очень приветливо и тепло, узнав о цели нашего приезда, поначалу заколебался. “Потом вас будут терзать”, — сказал он, не скрывая беспокойства о нашей судьбе. Но мы были настойчивы в своем намерении. Наконец он согласился. Около трех месяцев мы совершали поездки в Нахчыван. По пятнадцать дней вели съемки, затем, вернувшись в Баку, просматривали отснятый материал и — снова в Нахчыван. Замечу, что получился превосходный фильм, он сохранился до сих пор.

Однажды в перерыве между съемками я сказал герою нашего фильма: “Гейдар Алиевич, у меня был двоюродный брат, он являлся одним из лучших учеников Зарифы ханум.” Тот внимательно посмотрел на меня: “Кто?” — “Назим Тагизаде”. Алиев на несколько секунд призадумался: “Да. Зарифа ханум очень хвалила его. Их было двое, другого звали Расим. Расим Гаджиев.

Как-то она мне сказала, что у нее два аспиранта и что им не дают возможности защищаться в Москве, в Институте глазных болезней. Я позвонил ректору того института. Вопрос был сразу решен. Оба защитились”...

Я изумился его феноменальной памяти. Он так детально запомнил эпизод пятнадцатилетней давности, не забыл даже имен и фамилий молодых аспирантов, которым помог по просьбе Зарифы ханум.

Зарифа Азизовна оставила глубокий след в сердцах многих и многих людей, к одним она просто проявила участие, другим помогла в научном развитии, третьим вернула зрение, а с ним и полноценную жизнь и радость.».

Депутат Милли меджлиса, председатель Комитета по социальной политике Хади Раджабли вспоминает:

«.В Ленкорани по соседству с нами проживала семья Асаф муаллима из рода Тальшхановых. Двоюродная сестра моей матери Мирханум была супругой Асаф муаллима. В один из погожих июньских дней перед нашей парадной дверью остановились две легковые машины. Из одной вышли высокий, статный полковник и миловидная невысокая дама. Это были Гейдар Алиев, тогда работавший на ответственной должности в органах госбезопасности, и его спутница жизни Зарифа ханум. Другие гости — начальник Ленкоранского отдела КГБ Касумов и его супруга — сестра Гейдара Алиева Шафига ханум, преподававшая химию в 1-й школе Ленкорани. Мы, местные ребята, с восхищением глазели на бравого офицера.

Зарифа ханум о чем-то оживленно беседовала с супругом, любуясь и гордясь им. Доктор Мирханум вышла встретить гостей в бархатном (дорогом по тем временам) платье.

Шел 1963 год. Душевная теплота, искренность взаимоотношений этой прекрасной супружеской четы навсегда запомнились мне, тогдашнему десятикласснику, парню «из провинции», я видел в них идеал, на который хотелось равняться.

Во второй раз я увидел Зарифу ханум в Баку, в пору своей учебы в Высшей партшколе. Нас, слушателей, привели на Бакинский завод бытовых кондиционеров, чтобы ознакомить с работой заводской парторганизации. Опекал нас секретарь парткома Чингиз муаллим. В повестку дня входили и вопросы социальной защиты работников. На заводе профилактике профессиональных заболеваний придавалось приоритетное значение. Проходя мимо одного из кабинетов медобслуживания, я обратил внимание на сравнительно тихое и спокойное поведение людей. Внезапно дверь открылась, и передо мной предстала в белом халате та самая миловидная, светлолицая ханум, которую я видел четырнадцать лет назад. Это была Зарифа ханум, мне она показалась давно знакомым, родным человеком. Повинуясь безотчетному порыву, я подошел к ней и почтительно поздоровался. И в ответ услышал столь же теплое приветствие.

Позже я узнал, что супруга руководителя республики Гейдара Алиева занимается здесь, на заводе, научными изысканиями, связанными с глазными болезнями, и самоотверженно служит улучшению условий труда и сохранению здоровья заводчан. Мельком взглянув на меня, она проговорила: “Я вас где-то видела, лицо ваше кажется мне знакомым...” Я

напомнил ей их давний приезд с супругом в Ленкорань, о том, как соседски помогал хозяев дома, принимавшим гостей. Зарифа ханум вспомнила то давнее событие с доброй улыбкой.

Замечу, что уважаемый Гейдар Алиев и его семья любили ленкоранские края. Однажды глава республики посетил Ленкорань с супругой и сыном Ильхамом. Он хотел вновь, как в давние времена, еще до назначения на высший пост в республике, просто пройтись по городу, по его улицам, площадям, паркам, полюбоваться окрестными лесами и живописными уголками, насладиться чарующей природой тех мест. Особое удовольствие ему доставляла прогулка на катере по Ханбуланчайскому водохранилищу».

Ныне мы много говорим о сохранении наших национальных духовных ценностей, выискиваем модели из мирового опыта, анализируем нашу историю, обычаи и традиции, размышляем об устоях семьи. Между тем при взгляде на современную нашу жизнь, на семью Гейдара и Зарифы Алиевых, на гармонию их взаимоотношений, на их детей и близких, на их служение людям и любовь к Отечеству, осознаешь: именно такие люди, такая семья могут служить для нас ярким примером, достойным подражания.

Семья — святыня. Семья — первооснова. Семья — ячейка общества. А самая надежная опора семьи — хранительница очага, спутница жизни, такая Мать и символ любви, как Зарифа ханум.

Но она, как уже говорилось, была не только спутницей жизни, но и сподвижницей Гейдара Алиева, и вот как он сам свидетельствует об этом:

«У меня работа была трудная и беспокойная, зато личная жизнь шла очень благополучно. Моя спутница жизни была человеком высокой духовности, понимающим меня. Я очень любил ее. Как и ее отец, Зарифа Алиева выучилась на врача, стала профессором по глазным болезням. Она была самой большой, самой мудрой моей опорой в жизни. В 1985 году она скончалась в Москве. Ее смерть глубоко потрясла меня. После я перенес инфаркт и долгое время пролежал в больнице. Незадолго до смерти Зарифа очень настаивала на том, чтобы дети создали свои семьи. “Скорее бы это сбылось”, — говорила она, будто предчувствовала близкий уход. И невестку нашу сама облюбовала. Незадолго до кончины отправилась в Баку, повидалась с нынешней спутницей жизни Ильхама, свадьбу справили в Москве. Мы жили с дочерью, сыном и невесткой в сорока пяти километрах от Москвы на даче, выделенной нам Политбюро. Семья Алиевых была счастливой...»

А вот как вспоминает те времена и рассказывает о своей семье

президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев:

«Мы познакомились двадцать пять лет назад на концерте в Баку. Буквально через несколько месяцев после этого поженились. С тех пор мы вместе. У нас прекрасные дети, которыми мы гордимся, и очень дружная семья. Я считаю, что близкие отношения в семье — самая большая ценность для любого человека. Семья — это главное, семья — основа общества. Воспитание, которое дети получают в семье, не может заменить ни школа, ни институт. Когда дети видят отношения между родителями, когда они видят любовь, взаимопонимание и нежность, они растут добрыми. Я в семейном жизни очень счастливый человек, я живу с любимой женой двадцать пять лет, а кажется — будто мы поженились совсем недавно. Но когда я вижу, что моим старшим дочерям уже за двадцать, то начинаю думать, что я, наверное, уже не так молод. А когда я вижу своего десятилетнего сына, думаю: нет, я еще молодой, ведь у меня такой маленький сын! Семья — это очень личное, я обычно не слишком распространяюсь на эту тему. Когда я прихожу с работы домой и вижу улыбки, а в глазах моих близких — доброту, я забываю обо всех проблемах, обо всех неприятностях и сложностях, связанных с моей работой, и окунаюсь в мир добра и любви».

Семейные радости сына Ильхама всегда окрыляли Зарифу ханум, взаимоотношения свекрови и невестки отличала особая теплота, бережная чуткость и искренность. И молодая невестка, Мехрибан ханум, только начавшая семейную жизнь, училась у мудрой хранительницы очага, можно сказать, проходила большую школу. Полагаю, что слова из интервью Мехрибан Алиевой корреспонденту газеты «Известия» Олегу Сеганову 31 мая 2005 года представят большой интерес для читателей:

«— Вы по специальности врач-офтальмолог. Скажите, а вы не забыли свою профессию?»

— Я долгое время не работала по своей специальности, поэтому, конечно, забыла многое. Офтальмология относится к той области медицины, которая не терпит перерывов. После одного-двух месяцев бездействия она требует восполнения пропущенного.

— Что повлияло на выбор вами профессии?»

— Моя мать была ученым-востоковедом. Но она хотела стать врачом и после окончания средней школы подала документы в медицинский институт. Однако по каким-то причинам родители ее были против и сумели переубедить мою мать. Впоследствии она стала филологом. Именно эта несбывшаяся мечта матери определила мой выбор. А также при выборе будущей профессии на меня в свое время большое влияние оказала мать

Ильхама — врач-офтальмолог Зарифа ханум. К сожалению, наше общение с Зарифой ханум продолжалось недолго. Мы познакомились в 1983 году, а в 1985-м Зарифы ханум не стало. Во мне до сих пор живут воспоминания, связанные с этой талантливой и прекрасной женщиной».

Из интервью **президента Фонда Гейдара Алиева, посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО, депутата парламента Мехрибан Алиевой** газете «Панорама» 27 апреля 1996 года:

«— Расскажите немного о себе. О вашем детстве, о вашей профессии. Кто были ваши родители?»

— Родители мои — ученые. Мама была доктором филологических наук, профессором. В последние годы жизни возглавляла Институт востоковедения АН Азербайджана. Отец — физик, член-корреспондент Академии наук... Я, окончив школу с золотой медалью, поступила в Азербайджанский государственный медицинский институт. Через год, в связи с переездом в Москву, перевелась в Московский медицинский институт имени Сеченова. Окончив его, получила дипломом с отличием. Работала врачом в НИИ глазных болезней.

— Как вы познакомились с вашим мужем?»

— Во Дворце «Республика» проходили гастролы болгарской певицы Лили Ивановой. Там, на концерте, и познакомились.

— Помогает ли вам муж дома, в воспитании детей?»

— Нет, в домашних делах не помогает. Что касается воспитания детей, мы никогда специально не занимаемся их воспитанием, не даем им наставления. Мне думается, лучшее воспитание — атмосфера, царящая в семье. К счастью, у нас дети благоразумны и послушны.

— А как вы, помогаете ли мужу в работе? Делится ли он с вами своими проблемами, прислушивается ли к вашим советам?»

— Ильхам на работе очень устает, поэтому дома старается отвлечься от всех проблем. В этом я и помогаю ему.

— Как вы проводите досуг? Любите ли ходить на концерты, в гости или же предпочитаете проводить свободное время дома, в кругу семьи?»

— Люблю отдыхать вместе с семьей. Но стараюсь не пропускать интересных концертов, выставок, презентаций.

— Какие блюда предпочитает ваш муж?»

— Ильхам вообще в еде не очень привередлив, но отдает предпочтение нашим национальным блюдам. Очень любит плов.

— Каким бы вы хотели видеть будущее ваших детей?»

— Прежде всего, хочу, чтобы мои дети всегда были здоровы и жизнерадостны. Пусть в их жизни будет побольше счастливых и светлых

дней. А когда вырастут — пусть станут достойными яркими людьми».

Из рассказа **Севиля Алиевой** о своей матери:

«Знаете, она была необычайно скромной. Даже во время официальных мероприятий во Дворце имени Ленина (ныне Дворец имени Гейдара Алиева. — Г. М.) мама приходила в полупустой зал чуть ли не раньше всех, или же, когда зал был полон, мы из фойе поднимались наверх и с верхних рядов спускались к своим местам.

Она не демонстрировала себя публике, как некоторые министерши, умышленно опаздывавшие и дефилирующие снизу вверх по всему залу. Всегда просила охрану: “Предупредите телевизионщиков, чтобы нас не снимали”. А что касается посещения мероприятий моим отцом вместе с мамой, то это от его большой привязанности. Он не мог жить без нее...

Мама была очень преданна детям, семье, которая для нее всегда была на первом месте. Отец знал, что у матери моей большой научный потенциал, талант, поэтому поддерживал в ней стремление к продвижению вперед. Помнится, когда мы ночью все ложились спать, она садилась писать свои работы, статьи, монографии.

Когда мы ездили в Москву, она постоянно встречалась с коллегами-офтальмологами. Но у нее не было склонности к праздным разговорам, желания снискать известность, выделиться среди остальных. Все, чего она достигла, — результат напряженных научных исканий, большого труда. Отец, зная ее возможности, не мог допустить, чтобы этот потенциал остался нереализованным. Вот вы спрашиваете о расхождении мнений, о спорах. Их споры случались именно из-за этого: отец говорил, что нельзя останавливаться, надо продолжать исследования. Он всегда воодушевлял маму на это».

В свое время работавший референтом первого секретаря ЦК компартии Азербайджана депутат парламента республики **Михаил Забелин** рассказывал автору:

«Вообще Зарифа Азизовна была необыкновенным человеком. Я, бывало, звонил ей по пять-шесть раз в день. Гейдар Алиевич в редких случаях просил соединить его с домом, чаще звонила сама Зарифа ханум. “Пришел Гейдар Алиевич?” — “Да, — отвечал я, — пришел”. — “Как он себя чувствует?” — “Все в порядке” — “Не забудьте в одиннадцать часов дать ему лекарство и морковный сок”. — “Не забуду, Зарифа Азизовна”. Выпив стакан сока, в одиннадцать он принимал свое лекарство. Чуть позже Зарифа Азизовна звонила снова: “Пусть он не обедает там, я приготовила и посылаю паровые котлеты. Пусть поест”. Через некоторое время она вновь звонила по какому-нибудь поводу. Словом, она постоянно пеклась о нем,

беспокоилась. Большинство мужей из этого сословия это могло бы раздражать. Но Гейдара Алиевича такая забота о нем никогда не раздражала, напротив, ему это нравилось. Потому что он очень любил жену».

Лидия Расулова вспоминала удивительный случай, о котором услышала от Зарифы Алиевой во время антракта на премьере оперетты Рауфа Гаджиева «На распутье» в Театре музыкальной комедии. Оперетту пришли смотреть все члены Бюро ЦК во главе с первым секретарем. Зарифа ханум рассказала, как однажды она решила провести своих детей в Москве, а когда собиралась обратно в Баку, Цвигун предложил ей лететь на своем служебном самолете. Только набрали высоту, как выявилась неполадка: шасси заклинило, не убиралось. Командир экипажа объявил, что есть проблемы. Садиться с неизрасходованным горючим было рискованно. Сначала пассажирам ничего не сообщали. Но, посмотрев в иллюминатор, они поняли, что лайнер описывает круги. По словам Зарифы ханум, у взлетно-посадочной полосы она заметила пожарные машины, и машину «Скорой помощи». Она подумала, что каждую секунду может произойти что-то страшное. И в те мгновения ее обожгла только одна мысль: «Как об этом сообщат Гейдару Алиеву, как он переживет такую весть?..».

Лидия Расулова комментирует: «В такой тяжелой ситуации женщина думала не о себе, а о том, как ее муж переживет возможную потерю...»

Начальник охраны Гейдара Алиева Александр Иванов находился с Зарифой ханум в том злополучном самолете и с восхищением вспоминает удивительные качества этой женщины:

«Эпизод с самолетом произошел, когда Гейдар Алиевич был еще первым секретарем ЦК. Однажды утром мы из плавательного бассейна возвращались в наш коттедж. Гейдар Алиевич мне говорит: “Саша, сегодня ты полетишь в Москву, чтобы вернуться с Зарифой Азизовной”. В таких случаях надлежало провести соответствующие оперативные мероприятия: аттестацию самолета, пилотов и т. д. Я позвонил в Москву, заказал билет для себя, после обеда вылетел. В Москве меня встретил Юрий Камаев, разместил в гостинице, заказал билеты для нас через постпредство. Вечером меня разыскала Зарифа Азизовна и сообщила, что звонил “папа” (между собой мы так называли Гейдара Алиевича), сообщил, что они полетят в Баку спецрейсом вместе с Цвигуном, отправлявшимся по линии КГБ для участия в бакинском совещании. Как генерал-полковник Цвигун мог пользоваться спецрейсом. А у меня на руках два билета на обычный рейс, и лайнер имел подготовленный экипаж, прошедший аттестацию по

нашей оперативной линии.

У Гейдара Алиева своего персонального самолета не было, как не было ни у одного члена Политбюро. В ту пору существовал специальный «55-й авиаотряд», обслуживающий членов и кандидатов в члены Политбюро, глав иностранных государств.

Короче говоря, вечером “папа” позвонил, что мы должны вылететь с Цвигуном из “Внуково-1”. Зарифа Азизовна заняла место рядом с Цвигуном, я расположился чуть поодаль с двумя его телохранителями, офицерами. Всего нас в рейсе было пять человек. Поднялись в воздух, подошла стюардесса, раздала карамельки. Вдруг шасси стало издавать странные звуки. Я часто отправлялся в путь самолетом, и этот звук мне что-то не понравился, но я не выказал беспокойства, промолчал. Охранников Цвигуна я знал, но не был с ними в близких отношениях. Краем глаза взглянул в иллюминатор, вижу: летим кругами, никак не можем набрать высоту. Когда самолет сделал круг в третий раз, Цвигун велел: “Узнайте, что с самолетом?” Его охранник пошел узнавать, вернулся бледный: “Ребята, что-то произошло, стюардесса плачет, а экипаж запер дверь, не открывает”. Зарифа Азизовна, услышав это, сразу подседа ко мне, чувствуется, что встревожена. “Что случилось?” — спрашивает. “Ничего, все в порядке, сейчас поднимемся...” — отвечаю. “Куда поднимемся?” Самолет снова пошел на снижение. Пять раз лайнер поднимался и снижался. Потом мы узнали, что тем самым сжигали горючее. На втором витке к посадочной полосе уже подъехали пожарная машина, “Скорая помощь”. Зарифа Азизовна взяла меня за руку и, представьте, ни слова о себе: “Если услышат Гейдар Алиевич и Ильхам, что же будет? Как они встретят эту весть?” Зарифа Азизовна всегда меньше всего думала о себе».

Выдающийся **художник Таир Салахов** — в числе давних друзей семьи Алиевых. При встрече с ним я спросил, что бы он мог рассказать о взаимоотношениях Зарифы ханум и Гейдара Алиевича. «Они удивительным образом дополняли друг друга, — ответил Таир Геймурович. — Нас связывает много воспоминаний. Например, наши встречи, когда Гейдар Алиевич учился или проходил стажировку в Москве; Зарифа Азизовна звонила мне из Баку и говорила: “Таир, будь к нему внимателен, не оставляй одного, там он оторван от дома”. Она была очень заботливой женщиной...»

Видный **общественный деятель Светлана Касумова** рассказывала:

«Я была свидетельницей того, с каким уважением и любовью говорили о Зарифе Азизовне супруги первых секретарей ЦК Компартий союзных республик, прибывших в Баку на торжества, посвященные шестидесятой

годовщине Советского Азербайджана.

Когда мы встречали делегации гостей, я впервые близко пообщалась с Зарифой Азизовной. Мы вольно или невольно сравнивали, о чем и как говорят супруги первых лиц республик. Зарифа Азизовна была женщиной высокой культуры, глубоких знаний, широкого кругозора, и в то же время очень простой и искренней в общении. Она создавала вокруг себя добрую атмосферу, способствовала тому, чтобы у каждого из гостей создавалось высокое и достойное представление об Азербайджане, об азербайджанской женщине. Она была истинно благородной азербайджанской ханум».

Народный артист СССР Муслим Магомаев вспоминал:

«Как-то на одном из симфонических концертов жена Гейдара Алиевича Зарифа Азизовна увидела, как сзади в одном из рядов какой-то человек спит под музыку, и сказала мужу: “Ну зачем ты заставляешь их ходить на концерты? Видишь, человек уже спит”. Гейдар Алиевич на это ответил: “Ничего, завтра он у меня проснется...” Кто-то из “пострадавших” назвал посещения симфонических концертов “истязанием”, словно большего наказания им и придумать было невозможно. Так это и продолжалось вплоть до отъезда Гейдара Алиевича в Москву на новое место работы: ворчали, но слушали классическую музыку. Все же благодаря ему многие стали поклонниками классики.

... Во время работы в Москве Гейдар Алиевич пережил и личное горе — потерял Зарифу Азизовну. Была она человеком замечательным. Мудрая и веселая, музыкально одаренная, хорошо играла на рояле. Любила подыграть мужу, когда он пел, — у Гейдара Алиевича был приятный баритональный тенор. Он вообще очень любил музыку. А еще в Гейдаре Алиевиче чувствовалась любовь к театру, к сцене. Из его недавно вышедших мемуаров мы узнали, что когда-то он мечтал быть артистом. Прежде мы не знали об этом.

Как-то он рассказал мне о том, какой скромной была его свадьба. После загса он купил килограмм самых дорогих по тем временам конфет — это было

все, что они могли тогда себе позволить. Пришли домой и устроили свадебное чаепитие. На дорогое застолье денег у молодоженов не было...

Мы с Тamarой часто бывали в гостеприимной семье Алиевых и в Баку, и в Москве. Особенно тесно мы общались с Зарифой Азизовной, и нам

всегда было о чем поговорить. В основном она звонила нам — мы все же стеснялись напоминать о себе лишний раз. И вот Зарифы Азизовны не стало...

Мы были у Алиевых незадолго до ее ухода. За столом Гейдар Алиевич поднял в ее честь тост. Он и прежде всегда говорил о жене тепло, но при этом был краток, сдержан в проявлении своих чувств — видимо, ему было приятнее, чтобы о ней больше говорили другие. А тут вдруг сам стал подробно говорить о Зарифе Азизовне, об их жизни... И хотя Гейдар Алиевич упомянул о любви, я почувствовал в его словах какую-то печаль. Сам тон его речи показался мне каким-то необычным, словно прощальным, хотя о здоровье Зарифы Азизовны он ни разу не обмолвился. А потом она в ответ ему стала говорить добрые слова — и не могла сдержать слез...

Когда потом мы с Тамарой вспоминали тот вечер, то выяснилось, что тогда мы оба почувствовали, будто что-то надвигается. У нас обоих мелькнула догадка, что связано это с Зарифой Азизовной. Но что именно, не могли предположить, поскольку она нам продолжала часто звонить и в разговорах оставалась такой, какой была всегда. Так прошло месяца два. Последний раз она позвонила нам чуть ли не за неделю до своей кончины, разговаривала со своей обычной добротой. И вдруг — как удар!

На церемонии прощания с Зарифой Азизовной я впервые увидел у Гейдара Алиевича слезы. Я знал его как человека сильного, мужественного, сдержанного, а тут... Когда мы подошли к нему, то увидели его совершенно другим — это был словно большой ребенок, которого бросили... Сердце защемило от этого... Он поднялся, поцеловал нас, сказал: “Вы не представляете, как она вас любила. Как своих детей...”

По прошествии времени, когда отмечали годовщину ухода Зарифы Азизовны, мы поехали на кладбище. Гейдар Алиевич попросил меня спеть над ее могилой. Была подготовлена запись аккомпанемента. Под эту фонограмму негромко я спел песню Узеира Гаджибекова “Сенсиз” (“Без тебя”), которую так любила Зарифа Азизовна. Так мы попрощались с ней еще раз. (Впоследствии Гейдар Алиевич перевез ее прах в Азербайджан и перезахоронил там.)

Зарифе Азизовне я посвятил свою песню “Элегия”, написанную на стихи Николая Добронравова. Помню, когда Гейдар Алиевич впервые услышал, как я исполнил ее по телевидению, он позвонил мне: “Какую песню ты спел! Я плакал, когда слушал ее”. — “Я написал ее под впечатлением смерти Зарифы Азизовны”. Есть еще одна песня, посвященная ей, — ее написала Севиль Алиева, музыкально очень одаренный человек. Видимо, эти способности она унаследовала от матери.

Гейдар Алиевич назвал дочь в честь героини оперы Фикрета Амирова “Севиль”. Помню, как-то у нас в гостях Севиль села за рояль и начала что-то играть. Музыка мне очень понравилась, и я спросил:

— Что ты играешь? Мне эта мелодия незнакома.

— Да так, иногда что-то сочиняю...

— Так это твоя музыка?

— Да. Я посвятила ее маме...

— Надо поработать, и получится очень хорошая песня. Я ее спою.

Мы поработали, потом попросили Николая Добронравова написать на эту музыку стихи, и получилась проникновенная песня “Возвратись, любимая”, которую я пел в концертах. Впоследствии я исполнял еще несколько песен Севиль...»

Глава одиннадцатая

ПРОЩАНИЕ

*Проходит жизнь с концом неотвратимым,
Люби людей — и проживи любимым.*

Ашуг Алескер

Российский журналист Александр Будберг, интервьюировавший Гейдара Алиева, не мог скрыть изумления, узнав о масштабах его многогранной деятельности: «За счет чего вы добиваетесь таких достижений?» Ответ Гейдара Алиева был очень прост: «Надо любить свое дело».

Размышляя об этом лаконичном объяснении, журналист комментирует: «Он просто не завершил свою мысль словами: “Надо любить свое дело, как я”. Когда дело обстоит так, то все находит свое решение».

А вот еще характерный диалог. **Главный редактор «Журналиста», секретарь российского Союза журналистов Геннадий Мальцев** беседовал с Гейдаром Алиевым:

— Сколько часов в день вы работаете?

— Сегодня какой день недели?

— Суббота.

— Если я работаю в субботний день... Вы можете и завтра прийти ко мне, я буду здесь. Как я работаю? Для меня нет часов, понимаете? В моей жизни нет ни субботних, ни воскресных дней. Я в эти дни работаю. Причем много. Почему работаю? Потому что вижу: дела, которые надлежит выполнить, еще не выполнены. Когда я в субботу прихожу домой и вижу, что до понедельника есть неотложные вопросы, тогда работаю и в воскресенье. Вот так бывает постоянно.

Помнится, когда я работал в Азербайджане, ныне покойная моя спутница жизни порой говорила мне: “Послушай, ты же руководитель республики, никто не контролирует тебя”. Моя супруга работала глазным врачом, была профессором, доктором наук. У нее на службе был такой порядок: они по утрам приходили на работу и расписывались в журнале о

выходе на работу. Естественно, и она приходила в клинику и расписывалась в этом журнале. Она мне говорила: “Ведь тебя никто не контролирует. А нас контролируют, и если я опоздаю на работу, то чувствую себя плохо”. Как к личности к ней относились с уважением, к тому же ведь она была моей супругой. Она говорила мне: “Почему ты так спешишь на работу? Ты можешь отправиться чуть позже.

Почему ты идешь? В воскресенье никто не работает”. Я всегда отвечал ей так: “Это привычка, иначе невозможно».

Из интервью Гейдара Алиева **турецкому журналисту Ирфану Улькю**: «Я не знаю, что такое усталость. Это у меня в природе, врожденная особенность. Я каждый день работаю по восемнадцать-девятнадцать часов. Я стремился развивать социалистическую экономику, социалистический строй, все это правда, и я не хочу этого отрицать. Но, используя этот режим, я очень многое дал азербайджанскому народу. Четырнадцать лет руководил своей страной».

Известная писательница, журналист **Эльмира Ахундова** в художественно-публицистической книге, посвященной жизни и деятельности Гейдара Алиева, включающей в себя многочисленные воспоминания и наблюдения близко знавших его людей, приводит примечательное свидетельство **Акрама Селимзаде**, обеспечивавшего безопасность важных правительственных мероприятий. В эпизоде, рассказанном им, содержится еще один штрих, характеризующий трогательную заботливость Зарифы Алиевой о своем муже, руководителе республики:

«В 1980 году отмечалось шестидесятилетие Советского Азербайджана; в Баку собрались руководители союзных республик — Рашидов, Машеров, Шеварднадзе и другие с супругами. Торжества завершались банкетом во дворце «Гюлистан»; гости съезжались ко дворцу на “Чайках”. Подъезжает и Зарифа ханум Алиева. Подойдя к начальнику охраны Владимиру Банцерову, озабоченно сообщает:

— Гейдар Алиевич с утра крошки в рот не брал... Он даже не позавтракал. Я очень беспокоюсь.

— Не беспокойтесь, — говорит Володя Банцеров, — наверное, где-то перекусил на ходу.

— Нет, нет, вы его не знаете, я уверена, что он ничего не ел...»

Далее **А. Селимзаде** рассказывает, как держались супруги именитых лидеров: «Жена Рашидова веселится в кругу гостей, танцует, госпожа Шеварднадзе “источает сияние своей красоты”, Зарифа ханум томится в тревоге, застыв в ожидании. Наконец Гейдар Алиев подъехал на “Волге”

(все имевшиеся четыре автомобиля “Чайка” были предоставлены в распоряжение высоких гостей).

“Где ты задержался? Как себя чувствуешь?” На вопрос супруги он не успеваает отозваться: занятый гостями, здоровается с каждым, приглашает в зал... Зарифа ханум представляет гостям Банцерева: “Знаете, кто это? Этот человек сидел с Гейдаром Алиевичем в одном кабинете”. И, тепло попрощавшись со службистами, тоже направилась в зал».

Гейдар Алиев любил выезжать с семьей на отдых за пределы республики. Правда, такая возможность выпадала редко, особенно когда он возглавлял КГБ. Его дочь Севиль ханум вспоминает прекрасную поездку с родителями в Ленинград и оттуда на машине — по республикам Прибалтики. Это было в 1966 году, когда Гейдар Алиев учился в Москве на курсах высшего руководства КГБ.

Эльмира Ахундова в книге «Гейдар Алиев. Личность и время» приводит интересные детали об отдыхе и досуге семьи Алиевых со слов **Севиль ханум**:

«Зимой по воскресным дням мы выезжали за город, в Загульбу... Летом переселялись туда. Единственный круг нашего общения составляли соседи по даче. Нашими семейными друзьями были Виталий Сергеевич и Надежда Алексеевна Красильниковы (Красильников тогда возглавлял КГБ республики. — Г. М.). Мы часто собирались вместе, мама дружила с Надеждой Алексеевной, а я — с их дочерью Анечкой. Папа с мамой любили повеселиться, пошутить, любили застолья. Мама играла на пианино, а папа пел. Все веселились, настроение поднималось. Потом, порой, и обедали на пляже.

Папа любил плавать. Мы с братом, можно сказать, выросли на море. Детство мое прошло в Доме отдыха КГБ в Бильгя. Когда отец стал первым секретарем и мы переехали в Загульбу, в его загородную резиденцию, на первых порах я заскучала по своим друзьям.

Когда папа брал отпуск, мы всей семьей отправлялись в Ялту. Там были правительственные дачи. Позавтракав, шли на пляж. Возвращались к обеду.

Папа возился с бумагами, звонил в Баку по спецсвязи, вечерами смотрели фильмы. Родители иногда отправлялись на дачу Леонида Ильича Брежнева, мама моя дружила с его супругой Викторией Петровной».

Из беседы бывшего **председателя Совмина республики Гасана Сеидова с Эльмирой Ахундовой** узнаем о подробностях быта обитателей загородной резиденции:

«...Эту дачу прежде называли “дачей Теймура Кулиева” — по имени

секретаря ЦК при М. Дж. Багирове, позднее председателя Совета Министров.

На большом участке с множеством плодовых деревьев был построен двухэтажный дом. Один из наших коллег в шутку назвал эту резиденцию “культурной тюрьмой”, потому что мы и на работе были вместе, и, приехав сюда, опять сталкивались с теми же лицами. Территория была общая, дома не были разделены оградой. В гостевом доме мы иногда вместе смотрели кино.

— *Виделись ли вы с семьей Гейдара Алиева в неофициальной обстановке, проводили ли вместе какие-то семейные торжества, именины? Каким был ваш шеф вне работы?*

— По сути, мы часто встречались в домашних условиях, но это были не застолья в дни рождения. Он не жаловал такие вещи.

— *А в связи с чем вы встречались?*

— Собирались в праздничные дни: на Новый год, 7 ноября, Первомай и т. д. И то не всегда.

— *Как проходили ваши встречи? У кого-то из вас дома устраивались застолья?*

— Нет, почему же. у нас и в городе, и в Загульбе были гостевые комнаты. Собирались вместе пятью семьями. Конечно, Гейдар Алиевич пребывал в очень радостном, приподнятом настроении. Порой шутил, рассказывал анекдоты.

— *О чем вы беседовали? О делах, работе или на какие-то другие темы?*

— О работе очень мало... Ибо Зарифа ханум всегда шутливо прерывала нас: “Поговорили о работе, и хватит”. Она прекрасно играла на фортепиано.

Вообще их семья была музыкальная. Сестра Зарифы ханум Гюлара руководила ансамблем “Дан улдузу”. Зарифа ханум любила веселье и сама аккомпанировала на фортепиано супругу. А Гейдар Алиевич охотно пел.

— *Какие же песни были в его репертуаре?*

— Он преимущественно исполнял азербайджанские песни, но знал и русские. Помнится, в середине 70-х годов в Баку прибыл с дочерью и зятем первый секретарь ЦК компартии Болгарии Тодор Живков. Во время банкета они исполнили какую-то болгарскую песню. Тогда Гейдар Алиевич сказал:

— *Давайте и мы споем что-нибудь.*

И мы хором спели “Подмосковные вечера”.

Вы бы видели, как танцует Гейдар Алиев: как заправский

профессионал — и национальные танцы, и вальс, и западные танцы...»

Бывшему **командующему войсками ПВО Бакинского округа Анатолию Константинову** тоже доводилось сидеть за одним столом с Гейдаром Алиевым. Анатолий Устинович вспоминал: «Гейдар Алиев на дружеских приемах, банкетах вел себя не как государственный человек, а свободно и непринужденно, словно простой гражданин. На таких торжествах они с Зарифой ханум прекрасно понимали друг друга. Зарифа ханум играла на пианино, пела, а Гейдар Алиев танцевал со всеми дамами.

Иные руководители, начав говорить, никому не дают такой возможности. А здесь все было совершенно по-другому... Могли выступать и я, и моя супруга, могли взять слово и другие товарищи. Произносили тосты, рассказывали интересные истории.

Все отмечали, что между ним и Зарифой ханум существуют действительно трепетные, чуткие отношения, Гейдар Алиев очень любил и ценил ее.

У них была очень дружная семья. Когда приходил черед танцевать, заводилой становилась Зарифа ханум. То она облачалась в национальную одежду, то надевала шляпу, словом, затевала игру. Она была веселым, любящим шутку человеком, Гейдар Алиев присоединялся к ней.

Зарифа ханум была надежным тылом, на который Гейдар Алиев мог опереться в трудную минуту. Основу их взаимоотношений составляли уважение друг к другу и окружающим. Гейдар Алиев и после безвременной кончины спутницы жизни остался верен этим принципам».

Муслим Магомаев вспоминал: «Гейдар Алиевич звал жену “Заришей”. Зарифа ханум следовала за ним по пятам. При нас с Тamarой она обращалась к нему по имени и отчеству: “Гейдар Алиевич, этого вам достаточно... Этого вам нельзя.” Был такой случай. Я приехал в Баку, чтобы встретиться с Гейдаром Алиевичем по одному вопросу. Не столь уж существенному, но я дал слово одному человеку переговорить с Гейдаром Алиевичем. Приехав, позвонил Рафаэлю Аллахвердиеву^[15] и сказал: “Сообщите Гейдару Алиеву, что я в Баку”. — “Есть”.

Я подождал день, другой, третий, никаких вестей. Наконец позвонил Зарифе Азизовне, сказал, что в Москве у меня срочные дела, надо уезжать, но я должен увидеться с Гейдаром Алиевичем всего на пять минут и поговорить. Не могли бы вы мне помочь в связи с этим?

“Он еще не принял тебя? Ну-ка погоди”.

Вероятно, позабыв, что я на другом конце провода все слышу, она по другому телефону начала пенять Гейдару Алиевичу: “Гейдар, парень приехал, три дня сидит здесь, неужели не можешь уделить ему пять

минут?» Эти слова были сказаны таким тоном, что я понял, насколько Зарифа ханум находится с ним в доверительных отношениях. А часто употребляемое ею обращение «Гейдар Алиевич» было соблюдением этикета при посторонних.

Зарифа ханум, благодаря тому, что была очень смешливой, шутницей, являлась душой компаний. Мудрая и жизнелюбивая, с музыкальным слухом, прекрасно играла на рояле. Не будь она врачом, супругой политика, стала бы музыкантом.

Да и Гейдар Алиев мог стать прекрасным художником, актером. Он выступал по правилам, присущим настоящим актерам».

Севи́ль ханум рассказывает:

«Когда Гейдар Алиев отправлялся в Москву для участия в пленумах, заседаниях, сессиях, он брал с собой Зарифу ханум и детей. Отец не мог оставаться без нас. Мы повсюду ездили вчетвером. В 1976 году, когда его избрали кандидатом в члены Политбюро, мы тоже были с ним. Мы так порадовались, так гордились им!»

Ведя речь о щепетильном отношении своего отца к внешнему виду, одежде, Севи́ль Алиева говорила, что выбирать для него сорочку было сложной задачей, так как ему нравились сорочки определенного покроя, он предпочитал классический стиль, воротник должен был идеально соответствовать узлу галстука...

«Галстуки и сорочки для него покупала мама. Вообще он любил галстуки яркие, говорил, что они придают лицу красивый оттенок. Подбирая для него галстуки, я затруднялась: цвет, узоры, узел должны были прийтись ему по душе. Помню, я привезла ему из Лондона несколько светло-голубых галстуков. Они ему так понравились, что он каждый день надевал новый и говорил мне: “Вот видишь, каждый день ношу один из привезенных тобой».

В. П. Нестеров и А. Ф. Бровкина пишут, что до последних дней жизни Зарифа Азизовна не расставалась с работой. «Несмотря на тяжелый недуг, за несколько дней до смерти она поговорила с нами по телефону из больницы, мы беседовали, в основном о семье и работе. Наряду с тем, что Зарифа Азизовна была руководителем кафедры и лаборатории, талантливым ученым, врачом и педагогом, она оставалась заботливой и чуткой женщиной, матерью, бабушкой.

Мы более тридцати лет работаем в клинике и повидали немало больных. Во время болезни как никогда выявляется характер человека. Иные замыкаются в себе, становятся необщительными, иные сосредоточиваются только на своей болезни, закливаются на ней, третьи

капризничают, становятся чрезмерно требовательны к окружающим.

В период тяжелой болезни Зарифа Азизовна в полной мере проявила свое достоинство и твердость духа».

М. М. Краснов также отмечает мужество и жизнелюбие Зарифы Алиевой: «Как она боролась с болезнью!.. Лечение было тяжелым, мучительным. Изнуряло человека не только физически, но и психологически. Но ни я, ни мои знакомые ни разу не слышали от нее ни малейшей жалобы. До последнего мгновения жизни Зарифа Азизовна жила будущими планами. Чувствовала ли она приближение смерти? Трудно сказать. Большинство больных, чувствующих приближение смерти, словно отрекаются от жизни, впадают в отчаяние, проводят незримую черту между собой и жизнью, людьми. А здесь положение было совершенно другим. Быть может, Зарифа Азизовна и знала, что у нее неизлечимая болезнь, но старалась не показывать этого окружающим.

В 1984 году отмечался День медицинского работника. То был период, когда Зарифа Азизовна боролась с роковой болезнью, и мало кто знал, что болезнь эта неизлечима. Я сидел в президиуме. Вдруг я увидел ее сидящей в зале рядом с самой любимой ее коллегой-профессором (тоже талантливой, незаурядной женщиной). Обе оживленно беседовали, смеялись, получая удовольствие от общения друг с другом. Откуда бралась у Зарифы Азизовны эта сила, любовь к жизни?! За две недели до смерти она намеревалась отправиться в дальнюю командировку: «Надо помочь моим аспирантам!»

Из проникновенных воспоминаний **Наримана Гасанали:** «Новодевичье кладбище. Это Кааба, Мекка, Медина православного христианского мира. Здесь починут две личности тюркского мира: великий поэт Назым Хикмет... и доктор медицинских наук, профессор, действительный член Азербайджанской Академии Наук, дочь выдающегося организатора здравоохранения в республике, доктора медицины Азиза Мамедкеримовича Алиева, спутница жизни выдающегося общественно-политического деятеля современности Гейдара Алирза оглу Алиева^[16].

Каждый четверг на могилу незабвенной, любимой и чтимой дочери нашего народа ложатся красные бакинские гвоздики, алые розы...

Я никогда не забуду тот дождливый, пасмурный день. Казалось, все цветы земли азербайджанской застыли в почетном карауле у последнего приюта нашей соотечественницы на Новодевичьем. Сюда, на знаменитое московское кладбище, пришли азербайджанские интеллигенты, рабочие, крестьяне.

Когда церемония прощания подошла к концу, к Гейдару Алиеву приблизился почтенный аксакал, не назвавший себя, и с мудрой степенностью, присущей нашим старцам, сказал:

— Гейдар, сын мой, держи голову высоко! Ты — гордость, олицетворение великой нации! И я потерял на войне четырех сыновей, и сколько еще тяжелых утрат пережил. Потому, как аксакал народа, говорю: держи голову высоко, под стать горной вершине, ты — дорогой сын тюркского мира; народный поэт Бахтияр Вагабзаде видел в Германии, как работающие там двести двадцать тысяч турецких рабочих выходили на демонстрации в Магдебурге, Бонне, Франкфурте с транспарантами: “Сын тюркства — лидер Советского Союза”. Человек должен уметь мужественно переносить горе. Если у такого, как ты, всемирно признанного и прославленного государственного деятеля, чье имя на устах благодарного народа, есть один друг, то могут быть и пять недругов, сынок! Да упокоит Аллах душу Зарифы ханум! Да исполнится светом ее могила! Вот всех этих людей повел за собой в Москву ты. И я один из сотен азербайджанцев, души не чающих в тебе, гордящихся именем твоим».

Из воспоминаний **директора Онкологического научного центра Минздрава республики академика Джамиля Алиева** — брата Зарифы Алиевой:

«Я не знаю другого столь общительного, отзывчивого, доброго человека, столь заботливой сестры, милосердной и ласковой матери, верной и преданной спутницы жизни, как она, столь доблестной, патриотичной, достойной и добродетельной тюркской женщины... И хотел бы видеть всех азербайджанских девушек, и своих детей на высоте ее первозданной чистоты и святости.

Я даже сказал недавно корреспонденту газеты “Айдынлыг” Дервишу Джаванширу, пожелавшему написать о сестре моей: “Я бы очень хотел, чтобы моя невестка была похожа на нее. Слово “джан” не сходило с ее уст”. Она была мне не сестрой, а матерью. И о каких же ее человеческих достоинствах мне рассказать? Разве перечислить ее благие, добрые дела, отмеченные благородством, великодушием? Моя сестра искренне радела и заботилась о народе, она, как легендарный целитель-логман, искала и находила спасительное средство.

Я перенес трудную операцию. После удаления аппендикса возникли осложнения. Не будь моей сестры Зарифы и Гейдара Алиева, вернувших меня к жизни, наверное, я бы сегодня не мог сидеть с вами. В те дни сестра постоянно находилась рядом со мной, подбадривала, утешала, не зная сна и покоя. Наконец, благодаря ее неусыпной заботе, участию, милосердию, я

смог вырваться из лап смерти.

У нее было чуткое, исключительно бережное отношение к членам семьи: к Севиль, Ильхаму, внучатам (Лейле, Азеру), родне. Тяжелые дни обострения ее болезни как на киноленте проходят сейчас перед моими глазами. Всех успокаивала: “Я чувствую себя очень хорошо, не тревожьтесь. Ильхам, и ты, Севиль, и ты, Махмуд, ступайте, займитесь своими делами. Не расстраивайтесь из-за меня.” Когда ее навещали близкие, старалась их уверить, убедить в хорошем самочувствии, вставала с постели, садилась. Я как врач в те минуты прекрасно понимал, чего ей это стоило. Никогда не изгладится из памяти. до сих пор у меня на слуху последние слова моей сестры, произнесенные ослабевшим, тихим, но не потерявшим прежней ласковости голосом.

Она как свеча таяла на глазах, изо дня в день, как безмолвная звезда, угасала сестра моя Зарифа. Она родилась весной и навеки закрыла глаза за тринадцать дней до дня своего рождения, расставшись с бесконечно любимыми родными людьми.

Мы все чувствовали, что отпущенный ей земной срок на исходе, что она доживает свои последние дни, часы. Родившаяся весной, сестра моя была в окружении любимых ею цветов... Мне кажется, она сама явилась на свет из мира, полного весеннего благоухания несметного количества цветов — алых роз, золотых нарциссов... И в роковой день весны — 15 апреля 1985 года моя сестра в объятиях родных азербайджанских цветов на московском кладбище навеки вернулась в то царство цветов...»

В те апрельские дни и азербайджанская поэзия оплакивала Зарифу ханум. **Народный поэт Азербайджана Бахтияр Вагабзаде**, находившийся в Москве, писал с глубокой скорбью в «Марсие-реквиеме»:

*И стекаются люди рекою, скорбя.
Зонтики, будто цветы, поплыли над толпой.
Да исполнится светом могила твоя!
В Новодевичьем ты обрела покой.
... Ты снискала почет по заслугам и праву.
Зло ославит, добро отзовется во славу.
И оставит свой след на земле человек.
И не гроб над толпою плывет, не ковчег
Завершающей вехой извечного круга,
А престол высоты и величия духа!
Днем весенним затмилась небесная высь.
Исходила дождями печально и сиро.*

*И струился пронзительно-больно «Сенсиз»,
Так оплакал тебя романс Узеира^[17].*

На эту тяжелую утрату откликнулся и другой выдающийся поэт, патриарх азербайджанской литературы **Сулейман Рустам**. В стихотворении, посвященном памяти Зарифы ханум, он обращался со словами участия и утешения к Гейдару Алиеву:

*... В этот день ты услышь скорбь сердец повсеместную,
Дорогой наш Гейдар, все тебе соболезнают.
Понимаем, тебе тяжело, нелегко.
Но держи, как всегда, голову высоко.*

*.Понимаю, как рана души глубока,
Ощущаю и вижу издалека.
Благородный, великий, простой человек,
И да будет с тобой утешенье навек^[18].*

Алима Алиева вспоминает день этой невосполнимой утраты:

«Тяжелая и внезапная весть, дошедшая из Москвы 15 апреля, явилась настоящим ударом, потрясением для меня. Весть о смерти моей духовной матери сразила меня. Будто земля опустела, и я осиротела. Зарифа ханум, любимая, дорогая, обожаемая, кристально чистая, незаменимая, покинула мир... Я оплакивала ее как родную мать.

...Мой старший сын находился в Москве. Я же не смогла участвовать в траурной церемонии, так как из-за недавно перенесенной тяжелой болезни врачи не разрешили мне лететь самолетом, потому до сих пор испытываю душевную боль, сожалея об этом. Я отправила ее семье и детям телеграмму глубокого соболезнования. Мне сообщили, что церемонию похорон передают по телевидению. Я смотрела те кадры со слезами на глазах.

Мой сын с супругой посетили Новодевичье кладбище, возложили цветы на ее могилу от имени нашей семьи.

Внезапный уход Зарифы ханум обжег болью многие сердца... Мне до сих пор не верится, что я больше не увижу ее, не услышу ее родной голос, ее советы. Но если теперь Зарифы ханум нет со мною физически, то духовно она будет со мною всю жизнь.

Вновь и вновь благословляю память Гейдара Алиева за то, что он, еще

раз явив свою великую любовь к спутнице жизни, перевез ее останки на родную землю, где она обрела вечный покой.

Часто посещаю Аллею почетного захоронения, кланяюсь ее могиле и молюсь за нее.

Минуло двадцать четыре года, но я все еще не могу примириться с этой невозполнимой утратой.

Когда тоскливо на душе, иду к ней. Застыв у мраморного изваяния, гляжу на нее. Гляжу — не наглядусь. Как бы беседую, делюсь печалью. Спи спокойно! Да святится могила твоя! Пусть любимая земля Отечества, приютившая тебя, сподобит тебя раем!»

Глава двенадцатая

СВЕТ, ОСТАВЛЕННЫЙ ЛЮДЯМ

*Вовек нетленны в пламени борений
Любовь и счастье, истина и гений.*

Самед Вургун

Корреспондент газеты «Два берега», в восьмидесятых годах работавший в редакции новостей АзТВ, **Тельман Кафар** — еще один свидетель печальных минут прощания с Зарифой Алиевой в Москве:

«Когда стало известно, что гроб с телом будет установлен в Доме ученых и похороны состоятся на Новодевичьем кладбище, срочно были отправлены в Москву две группы операторов. Печальные кадры, снятые во время прощания и похорон Зарифы Алиевой, до сих пор у меня перед глазами.

На церемонию прощания пришла и супруга Горбачева Раиса Максимовна. У изголовья покойной стоял Гейдар Алиев, справа и слева — Ильхам и Севиль. Сотни тысяч людей сопровождали эту замечательную женщину в последний путь.

Зарифа ханум словно забылась сном, утопая в море гвоздик и роз, привезенных из Азербайджана. Вся наша страна в тот день, глядя на телеэкраны, оплакивала ее.

Десятки тысяч людей, наших соотечественников, прибывших из Азербайджана, проживающих в Москве и различных городах СССР, до самого кладбища несли гроб на своих плечах. Москва, говорят, еще не видела таких многолюдных похоронных процессий. В последние мгновения я увидел Зарифу Алиеву под проникновенные звуки романса «Сенсиз», который пел Муслим Магомаев».

П. Меликасланова пишет в своих воспоминаниях:

«Ученый мир, интеллигенцию Азербайджана постигла тяжелая утрата. Преждевременно ушел из жизни выдающийся офтальмолог, и мы эту потерю будем еще долго ощущать. Совсем недавно на заседании Общества офтальмологов мы поздравляли Зарифу Азизовну с получением почетного звания лауреата премии имени академика М. И. Авербаха и, как всегда в

таких случаях, от всего сердца желали ей долгих лет жизни и здоровья, дальнейших успехов в ее творческой деятельности... А Зарифа Азизовна, наша любимая, со свойственной ей скромностью и уважительностью тепло благодарила нас. Я тогда и мысли не могла допустить, что это мы прощаемся с ней, что скоро она нас покинет...

Я видела по выражению лиц больных, как она успокаивала их, как вселяла надежду на исцеление, заставляя забыть о своих страданиях. Возможно, что в выздоровлении многих пациентов сыграла роль не столько терапия, сколько сила ее логики, убежденность в доводах. У нее был редкий дар убеждения, она могла заставить человека в самый критический момент поверить в то, что он скоро встанет на ноги. Это я испытала на себе...

К ней часто тянулись люди с просьбами самого различного рода. Вспоминаю, как она терпеливо всех выслушивала и если могла чем-то помочь, то никогда не оставляла человека без внимания, особенно тех, кто особо нуждался в участии. Помню одну нашу старую одинокую санитарку, которую жестоко обижали соседи. Зарифа Азизовна пригласила их к себе и по-доброму посоветовала перестать измываться над старым человеком. Я видела эту женщину потом, когда она пришла высказать свою благодарность. Издерганная тяжбой, издевательствами, она вдруг воспряла духом, вновь почувствовала себя человеком.

...Зарифа ханум всегда торопилась, будто чувствовала, что судьба поспешила, определяя ей меру жизни, а сделать надо еще много. И она действительно достигла высот и на научном поприще, и в практической деятельности врача. Зарифа Азизовна была великолепным педагогом, щедро делилась своими знаниями и опытом. Особенно содержательны были ее лекции по патологии органа зрения, которым она уделяла много внимания, стремясь к наглядности преподавания. В ней гармонично сочетались качества крупного ученого-офтальмолога и замечательного человека: принципиальность, личная скромность, большая культура, сердечная доброта и доступность. Двери ее кабинета были всегда широко открыты для всех желающих получить у нее консультацию, мудрый совет. И она делилась своими знаниями и богатейшим опытом врача-клинициста с теми, кто к ней обращался. Высокоэрудированный специалист, глубокий исследователь, интересный человек, умный собеседник, наделенный тонким юмором и интеллектом, — такой представлялась мне Зарифа Азизовна. Огромные знания и опыт, любовь к своей профессии и доброжелательность снискали ей заслуженный авторитет у сотрудников, коллег и друзей. Это был человек кристальной честности, ее белый халат

до конца жизни остался чистым, светлым, ничем не запятнанным».

Доктор медицины, профессор З. М. Скрипниченко, связанная с Зарифой Алиевой многолетним сотрудничеством и сердечной дружбой, в своих мемуарах воссоздает обаятельный образ незаурядной женщины, ученого, друга, которая даже в критические минуты жизни, снедаемая неизлечимым недугом, мужественно подавляла свои страдания, оберегала близких от тревоги и смятения...

«Зарифа Азизовна пригласила меня в Баку. Тогда я особенно почувствовала ее теплоту и искренность, широту ее кругозора. Мы обменялись мнениями о результатах проводимых нами исследований и запланировали новые. Возникла идея проведения широких клинико-экспериментальных исследований по изучению воздействия препаратов на органы зрения тружеников сельского хозяйства Азербайджана. Участвовавший в одной из таких бесед Гейдар Алиев подчеркнул актуальность и важность подобных изысканий, дал ценные практические советы. Естественно, мы не могли пройти мимо того, что профессиональная интоксикация органов зрения, можно сказать, не нашла своего отражения в медицинской литературе. Поэтому мы пришли к решению написать монографию по вопросам профессионального офтальмотоксикоза. Этот научный труд должен был заинтересовать и офтальмологов, и санитарных врачей химических заводов.

Баку я покидала с новыми творческими планами. Это и радовало, и волновало меня. Было очень приятно встретиться с ученым, чьи научные интересы совпадали с моими. Вдобавок она была доброжелательным, открытым, обаятельным и вместе с тем скромным человеком. Как специалисту мне было приятно увидеть в библиотеке Зарифы Азизовны новейшие издания по различным вопросам здравоохранения, даже выходящим за пределы офтальмологии.

Несмотря на загруженность работой, она жила и заботами семьи. Ее очень беспокоило, что учившийся в то время в Москве сын Ильхам живет далеко от дома, от семьи.

Зарифа Азизовна всегда дорожила памятью об отце, профессоре медицины, и стремилась привить его лучшие качества своим детям. Об этом говорит и ее трогательная дарственная надпись на книге об Азизе Алиеве, подаренной сыну.

...Круг ее научных интересов был очень широк. Она записывала в специальную тетрадь мысли о новой книге, тезисы научных работ, посвященных токсическим катарактам и токсическим глаукомам, и лекций, предназначенных для студентов и врачей-офтальмологов.

В тот период мы завершили и совместную работу — доклад для предстоящего в Украине съезда офтальмологов. Зарифа Азизовна хотела непременно участвовать в работе съезда и наконец-то познакомиться с Одессой. Мне и всем окружающим ее и на ум не приходило, что она серьезно больна. Она была, как и прежде, улыбчива, деловита. Тяжкий недуг не вязался с ее обликом.

Но она не смогла приехать в Одессу на съезд офтальмологов. Из ее письма я узнала, что она долгое время болела и научная работа осталась незавершенной. Однако она надеялась, что скоро поправится и сможет приехать в Одессу. Подробно сообщала о работе над книгой.

В 1984 году зимой мы вновь встретились с Зарифой Азизовной на даче. У меня сердце защемило, когда я увидела ее тяжело больной. Но ее настроение и поведение не предвещали приближения страшного несчастья. Она вновь с присущей ей увлеченностью говорила о проводимых на Бакинском заводе бытовых кондиционеров исследованиях, о том, как лечат рабочих, подвергшихся воздействию испарений стирола и тетрахлорэтилена. Как истинная дочь своей земли, она по-прежнему жила Азербайджаном, вела исследования по профессиональной офтальмопатологии в ведущих отраслях народного хозяйства.

Во время этого интереснейшего профессионального разговора она познакомила меня с новыми членами своего разросшегося семейства. В ее словах и выражении лица читалась необыкновенная теплота и любовь. У ее тетки — маленькой Зарифы — родился братик, и у Ильхама родился ребенок. Севиль, державшая кроху на руках, смотрела на свою мать, стараясь скрыть тревогу. А маленькая Зарифа никак не хотела расставаться с бабушкой. Приехавший из Москвы Ильхам прежде всего ласково приветствовал мать. Правда, в доме чувствовалось волнение, напряженность, однако никто не хотел даже мысли допустить о том, что положение безнадежно. На этот раз Зарифа Азизовна очень много говорила о семье — о муже, детях, о внучатах, которых любила всем сердцем.

Вечером, когда мы расставались, она была в окружении своей дочери и внучат. Я и не представляла, что эта наша встреча будет последней. Зарифе Азизовне вскоре предстояло отправиться в Москву. Наконец это «вскоре» настало: раздался телефонный звонок, и я узнала, что она опять попала в больницу. За день мы несколько раз говорили по телефону. Условились, что, как только врачи разрешат, я приеду в больницу. Допоздна я дежурила у телефона. Ночью даже написала ей письмо. Наутро, убедившись в невозможности больничной встречи, вернулась домой. А на мои телефонные звонки из Одессы я слышала только один ответ: пока она в

больнице...

В феврале 1985 года в своем последнем письме Зарифа Азизовна уже открыто и серьезно говорила о своей болезни: “Заболеть легко, выздороветь трудно!” Хотя она переживала, что доставляет страдания близким, она, как и раньше, проявляла живой интерес к науке, относилась с любовью к жизни, к людям. Сообщала, что после долгого пребывания в больнице врачи наконец отпустили ее на неделю домой.

Дальнейшую работу над книгой Зарифа Азизовна поручала мне и просила, как только материалы будут готовы, заранее оповестить ее, чтобы определить дату встречи в Москве или в Одессе...

Я поздно получила весть о кончине моей дорогой Зарифы Азизовны и — не поверила. Увы, опубликованный некролог подтверждал этот горький факт.

На кладбище, стоя перед ее могилой, я печально задумалась: судьба меня очень рано, еще в годы войны, на фронте, приучила к самому великому горю — потере друга. Но привыкнуть к потерям невозможно, и с годами каждую новую утрату ощущаешь еще сильнее».

Выдержки из интервью **Ильхама Алиева** газете «Гюнай» в октябре 1995 года, где речь идет о сыновней любви, о потере любимой матери, никого не могут оставить равнодушным:

«— Вы сказали, что пошли в школу в шестилетнем возрасте. Кто вас тогда повел в школу, кто держал вас за руку?»

— Мама.

— Какой запомнилась вам Зарифа ханум?

— Как самый дорогой человек. После ее кончины моя жизнь, жизнь всей семьи переменилась. То есть я уже не могу смеяться так, как смеялся в те времена. Хотя прошло уже больше десяти лет после ее ухода, но и сейчас, когда в моей жизни происходит какое-то счастливое событие, я думаю: если бы и она могла этому порадоваться. Когда она скончалась, старшей моей дочери был год. То, что мои дочери не увидели свою бабушку, — большая потеря для их воспитания».

Депутат Милли меджлиса Азербайджана, председатель Комитета по аграрной политике Эльдар Ибрагимов близко знал и всегда чтит семью Алиевых. Когда Гейдар Алиев возглавлял Верховный Совет Нахчыванской Автономной Республики, Нахчыван по указанию центрального руководства Азербайджана был взят под строгий контроль. Поддерживать связь с Баку оказалось трудно. Отбывавшие из Баку в Нахчыван единственным самолетом люди подвергались тщательной проверке, допросам, их телефонные разговоры прослушивались.

Эльдару Ибрагимову как депутату Верховного Совета Азербайджана удавалось обходиться без этих проволочек. Он часто отправлялся в Баку по делам, связанным с созданной партией «Ени Азербайджан», с передачей определенных поручений руководства автономии соответствующим организациям, с участием всессиях Верховного Совета...

В конце апреля 1993 года, в очередной раз возвращаясь из Баку в Нахчыван, Эльдар Ибрагимов в самолете, просматривая газету «Сес» («Голос»), задерживает взгляд на интервью, посвященном семидесятилетию академика Зарифы Алиевой. Прочтя слова Тамерлана и Джамии Алиевых о незабвенной сестре и еще нескольких близко знавших ее людей, Эльдар Ибрагимов, по его словам, растрогался настолько, что едва сдерживал слезы.

В этих интервью было передано обаяние большой и яркой личности, посвятившей всю жизнь благородному служению людям, жизнь, которую так трагично и рано оборвал жестокий недуг.

По прибытии в Нахчыван Э. Ибрагимов посетил Гейдара Алиевича, доложил ему о полученных поручениях и сообщил о взволновавшем его интервью в газете «Сес». Гейдар Алиев попросил прочитать этот текст вслух. Тогда Эльдар муаллим признался, что при чтении в самолете он едва не расплакался и теперь просит извинения, так как снова читать вряд ли сможет... Гейдар Алиев сам взялся читать, и Эльдар Ибрагимов, видя, что и он расчувствовался, деликатно покинул кабинет. «Немного погодя он пригласил меня снова и, спросив, почему я ушел, добавил: “Эльдар, какое же у тебя чуткое сердце, это интервью и меня самого повергло в печаль, напомнило былые мои дни.” Я объяснил, что вышел из кабинета, чтобы оставить его наедине с воспоминаниями о Зарифе ханум».

Под впечатлением от интервью Гейдар Алиев высказал много добрых и благоговейных слов о спутнице жизни, об их любви, о ее трогательной заботе еще во времена, когда он возглавлял ЦК компартии Азербайджана, о том, какие верные советы слышал от жены. Говорил и о московских трудных временах, когда Зарифа ханум была ему верной опорой и поддержкой.

Эльдар Ибрагимов продолжает: «После всего сказанного... у меня сложилось твердое убеждение, что семейная жизнь Гейдара Алиева и Зарифы ханум — это высокий пример для каждого из нас, для каждой азербайджанской семьи».

Своими воспоминаниями о Зарифе Алиевой делится **А. Бровкина:**

«Зарифу Азизовну я знала много лет. Наши исследования в науке не пересекались, нас связывали чисто личные отношения. Прошло много лет

после ее смерти, а для меня она как будто жива. Она была удивительной матерью, воспитавшей двух замечательных детей. Я редко видела, чтобы мать и дочь были подругами, а в семье Алиевых происходило именно так. Зарифа Алиева была всецело предана избранному пути, до конца боролась за воплощение в жизнь поставленной цели. Как прекрасный организатор, она умела при необходимости направить усилия возглавляемого коллектива в нужном направлении.

Своим поведением, отношением к работе, душевной чистотой она служила для окружающих примером для подражания. Всегда высоко ценила в людях положительные качества, талант, чистоту, справедливость. С этой точки зрения жизнь Зарифы Алиевой была эталоном благородства».

Н. Шульпина, отзывы которой уже приводились в нашем повествовании, дополняет мнение российских коллег о замечательном деятеле науки и ярком человеке: «Зарифа Азизовна — свет очей наших, ученый широкого профиля, она одна — кузница медицинских кадров Азербайджана. Ее богатство — это счастье ее народа, признание и благодарность ее студентов и пациентов. Мы любили, любим и будем любить ее до конца наших дней».

В июне 1993 года по настоятельному требованию народа Гейдар Алиев был приглашен из Нахчывана в Баку и во второй раз приведен народной волей к власти — уже в суверенной республике Азербайджан.

Через год останки Зарифы Алиевой были перевезены из Москвы в Баку. Созданные знаменитым скульптором Омаром Эльдаровым беломраморная «Элегия» и бронзовое изваяние Зарифы ханум, увенчавшее ее последний приют на родной земле, воссоздают для будущих поколений ее яркий образ — Матери, Ученого, Спутницы жизни, прекрасной азербайджанской Женщины...

Глава тринадцатая

НЕЗАБВЕННАЯ

Женщины имели больше заслуг в воспитании человечества, чем философы.

Тофик Фикрет, турецкий поэт

28 апреля 1995 года.

День рождения и день поминаения Зарифы ханум.

На церемонии выступил Гейдар Алиев. Десять лет, как не стало Зарифы ханум — верной спутницы жизни, сподвижницы.

И каких десять лет!

Судьбоносных, трагических и героических. Гейдар Алиев находился на самом гребне этой исторической стихии, когда рушилась великая держава и под ее обломками оказались миллионы человеческих судеб. Как из жерла вулкана, вырвалась клокочущая лава страстей: эйфория свободы и энтузиазм патриотов, преступная демагогия временщиков и разгул претензий на чужие земли, прямая агрессия соседей против Азербайджана с войной, жертвами, беженцами. И наконец прекращение огня, достигнутое усилиями Гейдара Алиева, триколор независимости, взметнувшийся сначала в Нахчыване, а затем в столице суверенной республики.

Все это прошло через сердце и судьбу Гейдара Алиева. Через сердце, в котором жила неутраченная боль невосполнимой утраты.

И его слова в тот апрельский день звучали пронзительно-исповедально, затрагивая самые чувствительные струны памяти — его личной и всеобщей, всенародной памяти:

«Вы знаете, что с молодых лет моя жизнь была связана с государственной службой. Я всю жизнь посвятил этому, и поныне тружусь на этом поприще. Считаю, что в моем успешном служении большую роль играла моя семья. Я был счастлив потому, что у меня была такая спутница жизни, как Зарифа ханум, и она создала в моей семье очень высокую нравственную ауру.

Так как во все периоды жизни я был загружен работой, у меня не хватало времени уделять внимание семейным вопросам. Все это выпало на

долю Зарифы ханум, и она выполняла эту обязанность с честью, верой и правдой, с чрезвычайным искусством.

Зарифа ханум была большим ученым. Когда я еще только начинал с ней совместную жизнь, она уже утвердилась на научном поприще.

Ее научная деятельность известна. Она была очень талантливым, добрым, очень простым человеком. Я здесь могу говорить много; сегодня я склоняю голову перед могилой Зарифы ханум. За ее незаменимую роль в жизни моей семьи — в том, что моя семья достигла сегодняшних дней, в воспитании моих детей. Хотя и минуло десять лет, я не забываю и не забуду о ней никогда. И дети мои тоже несут в своих сердцах вечную любовь и вечную память о ней. Этот день для нас — святой день.

...Сегодня счастливый день, ибо в этот день на свет появилась такая большая личность, как Зарифа ханум, осчастливившая меня, подарившая мне прекрасных детей. В то же время это день печальный. Хоть и минуло десять лет, я не могу отрешиться от этой печали».

15 апреля 1997 года память Зарифы ханум почтили другим волнующим событием — презентацией мраморного изваяния «Элегия», посвященного ее памяти, и альбома, рассказывающего об этом произведении выдающегося азербайджанского ваятеля, народного художника, депутата парламента республики Омара Эльдарова.

Открывая церемонию, **президент Академии наук Азербайджана Фарамаз Магсудов**, ныне, к сожалению, покойный, сказал: «Часто ваяние называют музыкой, застывшей в камне. Я бы назвал мемориальный памятник любовью, воплощенной в мраморе».

Возвышенная любовь, оживающая в мраморе, сердце верной спутницы жизни, заботливой матери, интеллигента-патриота, талантливого врача, мудрого ученого, бьющееся в мраморной плоти... Этот образ источает свет, проникающий в сердца, духовно очищающий, призывающий к добру, к искренности. Этот свет — свет очей, которым искусный и талантливый офтальмолог на протяжении всей жизни возвращала дар зрения.

И кажется, что по-прежнему живет и действует целительная энергия, исходящая от этих рук, опустившихся на подлокотники кресла, чтобы немного отдохнуть.

Быть может, подобная красота побудила великого Физули сказать вдохновенные слова:

*О идол мой, видение твое
повергло в онемение меня,*

*Увидев изумление мое,
считают за видение меня...*

Перелистываешь книгу «Элегия» нашего талантливого скульптора Омара Эльдарова, и узнаешь подробности создания этого памятника. Оказывается, это блестящий успех не только самого автора, но и людей, подвигнувших его на создание столь поэтичного и одновременно достоверного образа Зарифы ханум: ее спутника жизни Гейдара Алиева, ее достойных детей Ильхама и Севиль Алиевых... Они помогли ваятелю воссоздать в своем творческом воображении образ очаровательной, любящей и незабвенной женщины, матери. И Омар Эльдаров силой своего таланта и вдохновения увековечил в мраморе любовь этих людей, их светлую тоску по ушедшей...

Говоря о масштабах научной деятельности Зарифы Алиевой, ее вкладе в офтальмологию, в развитие здравоохранения, следует особо подчеркнуть счастливую гармонию между общественным поприщем ее деятельности и, быть может, не такой заметной широкой публике ролью хранительницы семейного очага, повседневным, ежедневным подвигом матери, спутницы жизни и сподвижницы такой выдающейся личности, как Гейдар Алиевич Алиев. У нас в народе есть пословица, смысл которой можно передать так: «Львиная порода не ведает рода».

Имя «Зарифа» означает «хрупкая, изящная». И она несла на своих хрупких женских плечах бремя великой ответственности и бремя самоотверженной любви — быть рядом, идти плечом к плечу с лидером нации, руководителем республики, вошедшим в ряд вождей огромной державы, быть его опорой, заботиться о нем и сопереживать ему в дни тяжелых испытаний. Взять на себя основную заботу о воспитании детей и вырастить их достойными и славными гражданами Отечества, преемниками высоких нравственных устоев своих предков.

И поныне жизнь Зарифы ханум продолжается в ее детях и внуках. В альбоме «Элегия» два изваяния — мраморное и бронзовое, воплощающие ее образ. А другой великий памятник ее — духовный — в сердцах людей.

Свет ее любви неизменно озаряет дорогу ее родным и близким, ее коллегам, ее ученикам.

Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев, выступая на той памятной апрельской церемонии 1997 года, сказал: «Сегодня для нас день дорогой и в то же время день печальный. Этот день дорог потому, что это день памяти Зарифы ханум. Печальный потому, что вот уже двенадцать

лет, как Зарифа ханум рассталась с нами. Но это событие не носит однозначного смысла... Мы всегда отмечаем этот день как день памяти для нашей семьи. В то же время в этот день демонстрируется прекрасное творение искусства, отражающее образ Зарифы ханум. И тем самым демонстрируется появление нового произведения в культуре нашей республики.

Возможно, мои суждения субъективны, но я всегда говорю то, что думаю. Созданная Омаром Эльдаровым скульптура действительно прекрасное творение. Еще десять, двадцать лет тому назад я считал Омара Эльдарова одним из самых выдающихся деятелей культуры и искусства Азербайджана. Созданные Омаром Эльдаровым скульптурные произведения — духовное достояние азербайджанского народа.

Уход из жизни Зарифы ханум потряс нашу семью, лично меня и моих детей. Утрата есть утрата для каждой семьи. Но каждый человек, каждая семья выражает свое отношение к трагедии, несчастью, утрате, постигшей их.

Прошло двенадцать лет. Мы и по сей день не можем примириться с тем, что живем без нее. Память о ней будет вечно жить в наших сердцах, и не только в наших, но и в сердцах всех будущих продолжателей нашей семьи».

Минуло четыре года.

28 апреля 2001 года. Снова вечер, посвященный памяти Зарифы ханум Алиевой. И **Гейдар Алиев** вновь скажет проникновенные и благодарные слова о незабвенной звезде своей судьбы: «Вспоминать Зарифу ханум для меня, быть может, еще больнее. Потому что Зарифа ханум была спутницей жизни моей. Может быть, не было человека, который бы так знал, так чувствовал ее, как я. Естественно, родители взлелеяли, взрастили ее, дали ей жизнь, образование, но мои суждения о ней — после нашей совместной жизни — шире всего того, что говорилось о ней. Но, естественно, я здесь не хочу ничего подобного говорить вслух. Все это живет в душе, в сердце каждого, кто знал покинувшего мир человека. Вы же, дорогие мои мастера искусств, деятели науки, тем самым вновь пробудили в душе моей чувства, связанные с Зарифой ханум. Думаю, вы взволновали и людей, взявших на себя труд посетить этот вечер памяти и еще раз засвидетельствовать, сколь прекрасным человеком была Зарифа ханум. Вы многое сказали о ней, и можно сказать еще много слов. Но для меня она была в первую очередь человеком великой души. Зарифа ханум живет в моей душе как верная спутница жизни, как любящая преданная мать, как самоотверженный человек, взлелеявший, взрастивший мою семью, моих детей, моих внуков.

...Всегда отмечаем этот день в семье, и только в своей семье. Хочу особо подчеркнуть это. Ибо у нас в семье не было заведено проводить широкие церемонии, пышные именины. Очевидно, эта традиция проистекала из характера Зарифы ханум, также и моего.

Но сегодня день ее рождения. Предначертание Аллаха было таково, что она родилась в апреле и ушла из жизни в апреле.

Помнится, когда она лечилась в московской больнице, зная уже, что подверглась неизлечимому недугу, я мечтал о том, чтобы она дожила до дня рождения. Но мечта моя не сбылась, и пятнадцатого апреля она скончалась.

Печаль моя естественна. Но я бы не хотел, чтобы люди, потрудившиеся прийти на вечер ее памяти, расходились с печалью в сердце.

Напротив, вспоминая Зарифу ханум, сегодня мы, ее дети, ее внуки, ее друзья, отмечаем ее именины. Поэтому я бы хотел, чтобы теперь атмосфера в зале переменилась. Полагаю, тем самым мы возрадуем и ее душу».

Неоднократно проявлявший неиссякаемую и благоговейную любовь к Зарифе ханум и ее памяти, Гейдар Алиев выразил эти чувства и на церемонии открытия в Нахчыванской городской поликлинике имени Зарифы Алиевой музея, посвященного ее жизни и деятельности. И оставил в книге отзывов такую запись: «Знакомство с поликлиникой, носящей имя моей спутницы жизни покойной Зарифы ханум, осмотр уголка, посвященного ее памяти, всколыхнули во мне глубокие переживания. Этот уголок, отражающий жизнь и деятельность очень дорогого для меня человека, взволновал меня. Все это — достойный памятник величию ее человеческих качеств, ее больших научных и врачебных заслуг».

Мы уже приводили отзывы и воспоминания дочери Зарифы ханум Севиль Алиевой о своей матери. Представители СМИ всегда стремились встретиться с ней, получить ответы на интересующие их вопросы, хотя удавалось им это нечасто. Хотелось бы напомнить сейчас некоторые фрагменты интервью **Севиль ханум** корреспонденту газеты «Панорама»:

«— *Вам кто-нибудь помогает?* (Речь идет о воспитании детей. — Г. М.)

— Моиими детьми я занимаюсь сама, потому что никто не может заменить детям мать.

— *Кажется, этими своими качествами вы пошли в маму. Она тоже была домохозяйкой?*

— Мне не нравится слово «домохозяйка». Оно не подходит ни моей матери, ни мне. Просто мама всецело посвятила себя отцу и нам. В то же время она постоянно занималась научной деятельностью и общественной

работой.

— *Какие же ваши качества похожи на мамины?*

— Я похожа на маму многими качествами. Дело в том, что по характеру мои родители очень подходили друг к другу. Мне кажется, между людьми в очень редких случаях встречается подобное соответствие. Поэтому я думаю, что в равной степени похожа и на маму, и на отца».

Возможно, кому-то из читателей наше повествование покажется фрагментарным, но, полагаем, свидетельства реальных людей, близких, родных, коллег могут наиболее ярко раскрыть образ героини нашей книги, воссоздать ту духовную ауру, которую она излучала. Любые домыслы, как нам кажется, здесь были бы неуместны.

Продолжая рассказ, обратимся к представительнице самого младшего поколения семьи Алиевых — внучке Лейле, которой не судьба была увидеть свою замечательную бабушку, но в чутком детском сердце жил ее образ, воссозданный в рассказах взрослых, ощущавшийся в теплой атмосфере трепетной памяти, согревавшей очаг Алиевых... Маленькая, не по годам рассудительная, впечатлительная Лейла, слышавшая эту светлую мелодию в музыке семьи, чувствовавшая эту неутраченную боль невосполнимой утраты, боль, от которой ее старались оградить взрослые, прикипела юным сердцем к дедушке, души не чаяла в нем, тянулась к нему, как бы желая, может быть безотчетно, неосознанно, ощутить в дедушкиной ласковой опеке дыхание, отраженный свет бабушки, которую никогда не увидит... Можно только вообразить, какое чудесное общение могло бы состояться между Зарифой ханум и ее внучкой. Она заметно отличалась от своих ровесниц, еще в школьные годы пробовала выразить свои чувства в стихах, большинство которых посвящала деду.

Сошлемся на интервью юной **Лейлы** корреспонденту «Панорамы» **Фазилю Алескероглу:**

«— *Давай познакомимся.*

— Меня зовут Лейла. Лейла Ильхам гызы Алиева. Я учусь в шестом классе. Мой дедушка — президент!

— *А как ты обращаешься к нему?*

— Дедушка, дедуля.

— *Вот если в школе тебе дадут задание: напиши о самом любимом человеке, о ком ты напишешь?*

— Обо всей семье. Ведь я не могу кого-то выделить.

— *Ты любишь всех?*

— А как же!.. Нет, дедушку я люблю чуть больше остальных.

— *Можешь ли сказать, почему ты его очень любишь?*

— Почему любят человека? Он мой дедушка — вот и все. Знаете, он очень ласковый, очень умный, очень чуткий дедушка.

— *Наверно, ты и сама знаешь, что дедушка у тебя особенный. Не такой, как все дедушки. У него и времени поиграть с тобой мало, не так ли?*

— Да. Он всегда бывает занят, мы очень мало видимся.

— *Наверно, в обеденное время или за ужином бывает пора, когда собираетесь за столом. Беседуете ли о чем-то?*

— В очень редких случаях. Он возвращается домой поздно и ужинает у себя наверху, в своей комнате. По праздникам, на семейных торжествах собираемся вместе. Вот тогда бывает очень здорово, общаемся, веселимся.

— *Но ведь, кажется, он не всегда бывает веселым. На работе столько всякого случается...*

— Он никогда домой не приходит с тем настроением, какое бывает на работе. Что бы ни случилось, всегда, переступая порог, входит с улыбкой. Дедушка никогда не говорит о своей работе. Но мы сразу чувствуем, если у него работа не ладится.

— *А чем вы занимаетесь, когда бываете вдвоем?*

— Вы знаете, как с ним интересно?! Он знает всё, всё, всё. О чем ни спросишь — на все ответит.

— *Похоже, ты девочка-«почемучка»? Чуть-чуть, не правда ли?*

— Вообще люблю расспрашивать обо всем, особенно о себе. Дедушка рассказывает: вот ты была совсем малюсенькой... А я не помню, все узнаю со слов дедушки. И еще. когда мы бываем в Загульбе, он рассказывает мне, как там все строилось.

— *А случается, чтобы вы все вместе отдыхали? И как тогда проводите время?*

— Да. Когда купаемся в море или гуляем в парке, дедушка рассказывает всякие забавные истории, которые происходили с ним и его друзьями в детстве. Вообще ему нравятся смешные истории. он часто шутит.

— *Ага, вот как! Значит, подтрунивает над тобой?*

— Нет, нет, что вы! Он меня обожает.

— *А дарил ли он тебе подарки? Можешь вспомнить?*

— Я все помню. Вот у меня есть самая любимая кукла, ее мне дедушка подарил. И есть еще одна собачка, тоже дедушкин подарок.

— *Живая?*

— Да нет, что вы говорите!.. Дедушка мне и кроликов подарил. Вот кролики — да, живые. У них такая красивая, мягкая шерсть. Я с кроликами

играю.

— *Что ты любишь больше всего?*

— Очень люблю стихи. И сама пишу. А из игр. больше всего люблю играть с моими кроликами.

— *А что нравится твоему дедушке? Чем он занимается на досуге?*

— Смотрит телевизор. «Время», «Новости», «Вести»... Потом газеты читает.

— *Какая еда ему нравится? Совпадают ли ваши вкусы?*

— Да, совпадают. Ему нравится плов, чай с молоком.

— *4 октября^[19], когда ваш дедушка выступал по телевидению, где ты находилась? За кого больше всего боялась?*

— Мы тогда были в Турции. Я очень боялась за дедушку моего, за дело, которое он вел. Потом мы узнали, что весь народ его защитил, очень обрадовались.

— *Ты была с ним за рубежом?*

— Мы отправлялись вместе в Марокко. Но он не мог оторваться от дел. И еще однажды он приехал в Турцию, когда мы находились там.

— *Ты упомянула о стихах. Посвящала ли ты стихи дедушке?*

— Конечно. Хотите, прочту одно?..

Отчего так ярко солнце светит,

Так светло на Родине моей?

На вопрос могу легко ответить:

Оттого, что дедушка любимый

Трудится для нас, для всех людей.

У него работы через край,

Дела много — только поспевай.

Возвращается усталым он домой.

Позабыл про сон и про покой.

Если где-то будет непорядок,

Отзовется сразу на беду,

Он несет надежду и отраду,

Дарит людям свет и доброту.

Я написала эти стихи на день его рождения...

— *А любишь ты пошалить?*

— Конечно, но только на переменах.

— *А что говорит дедушка про твои шалости? Выражает недовольство?*

— Не-е-ет. Он только спрашивает, как учусь.

— *Бывает, чтобы дедушка за что-то рассердился на тебя?*

— Никогда. Я не допускаю поступков, которые могли бы рассердить дедушку.

— *А ты сама? Случалось, чтобы обижалась на него? Допустим, у тебя именины, а дедушка задержался на работе...*

— Ни в коем случае. Он ведь и так любит меня больше всех.

— *Как бы ты хотела провести день его рождения?*

— Можно сказать все напрямик?

— *Конечно, говори.*

— Хотела бы, чтобы в этот день его никто не беспокоил, чтобы он никуда не спешил, чтобы в тот день не было ни одного иностранного гостя и срочных дел. Чтобы мы были весь день вместе. Съездили бы в Загульбу, погуляли бы по взморью, дедушка нарасказал бы забавных историй, пошутил бы с нами, потом — собраться за праздничным столом, посмеяться, повеселиться всем вместе...»

А вот из другого интервью:

«— *Хотела бы ты передать ему что-то через нашу газету?*

— Да. Дедушка, я тебя очень люблю! Я желаю тебе крепкого здоровья, счастья! Чтобы окончилась война! Чтобы беженцы вернулись в свои дома! Чтобы в нашу страну пришли мир и покой. И чтобы ты побольше гулял и говорил со мной. Обнимаю и целую тебя».

Миновало несколько лет. Лейла подросла. В газете «Панорама» от 9 мая 1998 года мы читаем ее новое интервью. Разговор зашел о ее пробах пера:

«— *О чем ты пишешь, кроме стихов, посвященных дедушке?*

— В основном лирические стихи. Темы бывают разные. О своих размышлениях...

— *...Юбилей каждого человека, особенно такой выдающейся личности, как твой дедушка — всегда праздник, событие. Правда, твой дедушка не хочет, чтобы его юбилей отмечался по всей республике^[20]. При всем том, наверное, в семье этот день вы будете отмечать. Если можно, скажи, какой подарок ты приготовила дедушке?*

— Мне кажется, самым дорогим подарком для дедушки была бы вещь, сделанная мною собственноручно. Потому я и написала книгу. Собрала и новые, и старые стихи в книгу, я посвятила ее дедушке, его юбилею. Подарю ему. Называется книга «Азербайджан». Но пока он не знает об этом. Надеюсь, для него это будет сюрпризом.

— *Это твоя первая книга?*

— Нет, вторая. Первая издана в 1995 году. Я стихи начала писать с восьми лет. Но старые мои стихи очень отличаются от новых.

— Бывая в Баку, ты чувствуешь, что твои ровесники и даже старшие по возрасту питают к тебе какое-то особенное отношение — как к внучке президента? Это тебе мешает или помогает?

— По-моему, нет, не чувствую. Может быть, это связано с тем, что мы ведем себя предельно просто. Я люблю ходить с бабушкой на различные мероприятия, концерты...

— Мы знаем, что ты очень любишь КВН. Даже участвовала в этом клубе. А как с последним концертом “Парней из Баку”, была на нем?

— Нет, тогда меня не было в Азербайджане. Но кассету их последнего концерта смотрела. Очень мне понравилось.

— Изменился ли круг твоих интересов? О какой профессии ты теперь мечтаешь?

— Конечно, интересы во многом поменялись. Когда начала учиться в старших классах, приходилось уделять занятиям намного больше времени. Что касается интересов, увлечений, очень люблю рисовать, интересуюсь компьютером, продолжаю писать стихи и знаю, что продолжу писать их и дальше, когда повзростлею...

— Ты сказала, что увлекаешься рисованием. Я знаю и то, что вашей семье присущ такой дар. Поэтому меня интересует, сама ли ты иллюстрировала книгу, посвященную юбилею бабушки?

— Да. Сама.

— Чем же ты любишь рисовать: карандашом, фломастером или красками?

— Красками. Но красками очень трудно работать. Потому иллюстрации выполнила карандашом и фломастером.

— Давно ты рисуешь? Показываешь свои рисунки бабушке?

— Да, давно, и обычно показываю рисунки бабушке, как и стихи.

— Твой бабушка хорошо разбирается в искусстве. Кроме того, я слышал, он сам хорошо рисует. Какого же мнения бабушка о твоих рисунках?

— Всегда посмотрит и похвалит меня.

— Какой же сфере творчества отдаешь предпочтение?

— Все зависит от времени и обстоятельств. Порой меня тянет писать стихи, а порой влечет рисование.

— Твои рисунки, как правило, — плод фантазии, или ты рисуешь и с натуры?

— Иллюстрации для своей книги сама придумала. Они должны были соответствовать стихам. Вообще, проводя время на природе, люблю рисовать приглянувшийся пейзаж.

— *А у тебя сохранились любимые игрушки?*

— Хотя уже не до них, любимые игрушки храню. Как память о детстве. Они в шкафу, иногда достаю, рассматриваю.

— *Можешь рассказать подробнее об этих игрушках? В основном это куклы?*

— Это игрушки, с которыми я играла с самого младенчества. Чем старше игрушка, тем она дороже для тебя. Но это не куклы. Почему-то никогда не играла с куклами. Есть среди них и резиновая собачка...

— *Кто больше всех дарил тебе игрушек?*

— На именины дарили мне уйму игрушек. Правда, отнюдь не все мне нравились.

— *А вот ту резиновую собачку кто подарил?*

— Ей-богу, не помню.

— *Наверное, как все одаренные натуры, ты любишь слушать музыку...*

— ... Часто включаю магнитофон, потихоньку слушаю. Но не сказала бы, что у меня какой-то большой музыкальный талант. Со стихами, рисованием лучше получается. А вообще люблю азербайджанскую музыку и русскую эстрадную.

— *Что ты можешь сказать о книгах? Много ли читаешь? Есть у тебя любимые книги?*

— Да, читаю много и стараюсь читать побольше. Потому что чем больше читаешь, тем больше черпаешь вдохновения. Читаю книги и на русском, и на английском. Когда книга интересная, запоминается надолго.

— *Есть ли сказка, запомнившаяся тебе с детства? Есть ли такая героиня у тебя, на месте которой ты некогда представляла себя?*

— Я сама люблю сочинять сказки, но у всех сказок есть нечто схожее, потому они все запоминаются. Но особо любимых мною сказок нет. И я не представляла себя на месте какой-либо сказочной героини. Книги сказок обычно иллюстрируются. Но лучше, когда они без иллюстраций. Потому что тогда твоя фантазия работает сильнее.

— *Знают ли в школе учителя, одноклассники о том, что ты пишешь стихи, рисуешь? Каково их отношение к этому?*

— Можно сказать, по рисованию я всегда получаю хорошие отметки. Книгу своих стихов показывала учителям. Читала им и стихи свои на английском. Правда, мне кажется, что русские стихи у меня получаются лучше... Из предметов больше люблю математику, информатику и литературу.

— *Читаешь ты свои стихи в классе?*

— Да, и ребятам очень нравятся, даже просят, чтобы и им посвятила стихи.

— *Но ты же все стихи дедушке посвящаешь?*

— Нет, я посвящаю стихи всем членам нашей семьи. Маме, папе, Арзу, братику. Но эти стихи я не включила в книгу, так как они написаны по случаю дней рождения.

— *Пожалуйста, расскажи, какие чувства ты испытала, когда родился на свет твой брат Гейдар? Не сомневаюсь, что этому дню ты обязательно посвятила стихотворение...*

— В тот день я была счастлива. Мне даже не верилось, что у меня появился брат. Обожаю маленького братишку. Я посвятила ему одно очень длинное стихотворение и несколько коротеньких.

— *Читала ты их брату?*

— Он еще очень мал. Думаю, ничего не поймет. Люблю иногда что-то ему рассказывать. Вижу, слушает, и я говорю еще больше. Мечтаю, чтобы он скорее начал говорить...

— *Хотя маленький Гейдар еще не умеет говорить, он, как все малыши, всем интересуется, наверное, чувствует, как дедушка любит его и, наверное, в канун юбилея дедушки и его маленькое сердечко полно любви и радости.*

— Мой братик при виде дедушки просто ликует!

— *Ты вот всем в семье в дни именин посвящаешь стихи. А бывает ли так, чтобы ты себе посвятила стихи?*

— Нет, ни одного стихотворения.

— *Обычно школьники обожают каникулы. Ты тоже?*

— Конечно, отдыхать — прекрасно. Но я понимаю, что и учиться надо. В учебное время много занимаюсь уроками. И дома, и в школе... Иногда хочется позабыть о занятиях, отвлечься, отдохнуть.

— *Есть ли у тебя друзья, подруги, с которыми часто видишься, играешь?*

— В начальных классах часто резвилась с ребятами. А сейчас на переменах обычно не играю.

— *Мечтаешь скорее стать взрослой?*

— Я еще не знаю, хорошо ли, плохо ли быть взрослой. По сути, и не задумывалась об этом. Конечно, когда ты взрослый, у тебя больше свободы. Может, потому большинству ребят и не терпится повзрослеть... А я не мечтала об этом. Мне нравится жизнь и такой.

— *Часто ли ты советуешься с членами семьи?*

— Да. Они старше меня, и то, что они скажут, может быть более верно.

— *С кем из близких ты делишься своими секретами?*

— Если это касается школьных дел, то с моей сестрой. Кроме того, получаю определенные советы от мамы. Советуюсь и с папой, и с бабушкой.

— *Когда приходится выбирать себе платье, ты и тогда советуешься с мамой или отдаешь предпочтение своему вкусу?*

— Обычно выбираю по своему вкусу. Но наши вкусы с мамой очень похожи. И конечно, считаюсь с ее мнением.

— *На кого из вашей семьи ты бы хотела быть похожей? Есть у тебя идеал?*

— Честное слово, не знаю! Я бы хотела что-то перенять у каждого из них. В чем-то хотела бы походить на маму, в чем-то на папу или на бабушку.

— *Цвет, наверное, имеет большое значение для людей рисующих. Есть ли любимые тобой цвета?*

— Мне нравится желтый. Потому что он более яркий. Я даже стихи написала о желтом цвете. Что касается одежды, предпочитаю коричневый и светло-розовый. И черный цвет очень хорош для платья.

— *Чьи критические суждения в отношении своих стихов ты принимаешь? Есть ли человек, кому первому читаешь новые стихи?*

— Когда пишу стихи, обычно сама проверяю и, если что-то не нравится, переделываю. Бывает, что-то напишется не так. Подправишь — лучше намного. Обычно читаю свои стихи тем, кто окажется рядом со мной, — хочется услышать первое мнение.

— *Лейла, а ты не чувствуешь себя особенным человеком, как-то отличающимся от других?*

— Нет.

— *Но, мне кажется, ты отличаешься от других. Не потому, что ты — внучка президента. Потому, что ты талантлива. Ведь далеко не все в твоём возрасте умеют хорошо писать стихи и рисовать.*

— По-моему, у каждого человека есть особенности, отличающие его от других. Люди могут обладать различными талантами. Кто-то может хорошо рисовать, кто-то — петь, кто-то — играть на фортепьяно. У каждого свой врожденный дар.

— *Есть ли у тебя любимые поэты?*

— Очень люблю Пушкина.

— *Как ты думаешь, хороша ли известность для поэта? Хотела бы ты, чтобы твои стихи переходили из уст в уста?*

— Да. Наверное, потому, что мне очень нравится, когда люди по

прочтении моих стихов дают им оценку. Но поэт должен сам заслужить имя и известность.

— Лейла, я бы очень хотел, чтобы ты через нашу газету выразила пожелания в связи с юбилеем твоего дедушки.

— Я желаю ему доброго здоровья. Я его очень-очень люблю... Знаю, что он очень любит всех нас и очень за нас беспокоится.

*Мой дедушка — прекрасный человек.
Любимый, любящий, сердечный.
И пожелай ему прожить на свете век,
И это было мало бы, конечно.
Есть люди со злокозненной душой,
Черны дела их и смешна спесивость.
Мой дедушка всегда стоит горой
За правду, за добро и справедливость.
Протянет руку помощи всегда,
В беде народу, людям и Отчизне.
Вот так живет мой дедушка Гейдар,
И так идет он по дорогам жизни!»*

Глава четырнадцатая

ПРОДОЛЖЕНИЕ СВЕТА

*Не зная дней рожденья, дней ухода,
Под тысячей имен в родной стране
Жить, вечно жить — в бессмертии народа,
В зерне и слове, хлебе и вине...*

Самед Вургун

Антон Семенович Макаренко говорил: «Вы являетесь в жизнь и воспитываете вашего сына или дочь не ради радости родителей. В вашей семье, под вашим началом созревает будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец».

Золотые слова. Тем ответственнее долг и миссия родительства. Моральные уставы всех народов, заветы и заповеди великих религий издревле освящали роль матери и отца в родном очаге, в обществе. «Чти отца своего» — внушали вероучители. Пророк Мухаммед говорил: «Рай — под стопами матерей».

Как-то по телевидению сообщили об открытии чилийских археологов, обнаруживших захоронение времен доколумбовой Америки: останки молодой женщины, рядом с которой лежало древнее оружие. История знает немало примеров, подтверждающих выдающуюся роль славных женщин в жизни народа, нации, отечества. Античная мифология и литература оставили множество впечатляющих легенд и сюжетов о судьбоносном участии женщин в различных событиях.

В древних сказах Деде Горгуда, замечательном памятнике азербайджанского народа и тюркского мира, перед нами предстает пленительный и героический образ Бурла хатун, воплощающий высокую и самоотверженную материнскую любовь и женское достоинство.

Вещий и мудрый Горгуд, сказитель и сам участник эпического повествования, нарекает именами сыновей родного племени, причем обязательным условием является какое-то достойное свершение каждого юноши. Прошли века, и сложилась традиция давать имена славных предков внукам, правнукам, потомкам. Тем самым как бы увековечивалась духовная

память, заветы и уроки отцов и дедов, матерей и бабушек.

Подобная традиция наглядно прослеживается и в семье Гейдара и Зарифы Алиевых. Имя Зарифы ханум повторилось в имени ее внучки — дочери Севиль Алиевой. Бабушка обожала свою маленькую тезку. Она мечтала и о внуке. Увы, ей не суждено было дожидаться этого счастливого дня — роковая болезнь оборвала ее жизненный путь.

Но Провидение воплотило несбывшуюся при жизни мечту Зарифы ханум и возрадовало ее душу на небесах. У Ильхама Алиева родился сын, которого нарекут именем великого деда. И Гейдар Алиев увидит маленького Гейдара Алиева...

Несколько лет тому назад на встрече **Ильхама Алиева** со студентами в Бакинском университете речь зашла об этом событии и ему задали такой вопрос:

— Ильхам муаллим, не знаю, насколько корректно задавать этот вопрос, но все же хочу спросить: вы назвали своего сына Гейдаром по настоянию вашего отца или тому была иная причина?

— Знаете, я об этом нигде не говорил, но сейчас скажу вам. Мой сын родился 2 августа 1997 года. Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев тогда находился с официальным визитом в Америке. У нас в семье была такая задумка. Но, конечно, мы должны были дать это имя с согласия бабушки ребенка. Потому в разговоре с отцом я сообщил, что хочу назвать ребенка Гейдаром. Отец дал согласие. Спросил: может, ты хотел дать малышу другое имя? Я ответил, что другого имени в мыслях у меня нет. Знаете, обычно при рождении ребенка родители составляют перечень из пяти-шести имен. Когда родился первый, второй ребенок, мы тоже ходили со списком и судили-рядили... Но на сей раз списка не было.

На этой университетской встрече с Ильхамом Алиевым, тогда еще вицепрезидентом ГНКАР, была затронута еще одна проблема, касающаяся социальной активности жен политических руководителей.

Прозвучал, в частности, следующий вопрос:

— Как мы все знаем, за рубежом супруги государственных лидеров играют важную роль в общественной жизни страны. Господин Алиев, как, по-вашему, насколько ваша супруга активно участвует в общественной жизни?

— Прежде всего должен сказать, что я не лидер государства, а вицепрезидент нефтяной компании. Считаю, основная обязанность спутницы жизни не определяется какими-то стереотипами. У каждой семьи свои особенности, одна семья не похожа на другую. Единственное, что могу сказать: моя супруга долгие годы проработала врачом в

офтальмологической больнице. В настоящее время ввиду того, что наши дети малы, она не работает. Если отвечать на ваш вопрос в отвеченной форме, то, говоря по правде, скажу так: лично я не сторонник того, чтобы супруга главы государства занимала какой-то пост или не сходила с телеэкрана... только потому, что является женой руководящего работника. Каждый должен заниматься делом, соответствующим его способностям, которое ему по душе. Если делать работу через силу, ради чего-то, скажем, ради имиджа, тогда это будет неестественно. Так что в этом вопросе я не могу ставить какие-либо ограничения. Думается, каждый человек должен действовать по велению сердца... Но вообще я хочу сказать, что порой и в наших газетах, и в каких-то других изданиях наблюдаю широкую пропаганду деятельности жен лидеров, руководителей каких-то организаций. Как человек, как мужчина, как супруг — лично я против этого. Считаю, что семья есть семья, а работа есть работа. Потому их нельзя смешивать.

Нетрудно понять, что в приведенном суждении Ильхама Алиева имелось в виду искусственное раздувание деятельности определенных персон, так называемый пиар, преследующий конъюнктурные цели со стороны работников СМИ и услужливых «рекламщиков». Надеюсь, читатель не отнесет автора к числу таковых, ознакомившись с *реальными* фактами *реальной* общественной деятельности Мехрибан Алиевой, первой леди Азербайджана, Посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО, депутата парламента, президента Фонда Гейдара Алиева.

Перечень этих ответственных обязанностей сам по себе говорит о диапазоне ее деятельности.

Мы уже имели возможность осветить спектр общественных забот и дел первой леди Азербайджана в книге «Ильхам Алиев»^[21], наверное, уже известной широкому кругу читателей. Поэтому постараемся, не повторяя опубликованные факты, дополнить портрет Мехрибан Алиевой новыми штрихами и примерами из ее гуманитарной работы и общекультурных инициатив. Эти эпизоды в общем плане настоящей книги, думается, расширят представление о нравственном и духовном пространстве этой семьи, о связи поколений, о духовной атмосфере семейства Зарифы ханум Алиевой, в своем продолжении органично соединившейся с традициями двух других достойных фамилий — Пашаевых и Имангулиевых.

«На долю Мехрибан ханум... выпал прекрасный жребий, — пишет **писатель-публицист Атабаба Исмаилоглу**. — Во-первых, этот жребий предопределен корнями. Ее дед по отцу — Мир Джалал (Пашаев), дед по матери — Насир Имангулиев. Мир Джалал — знаменитый писатель, а

Насир Имангулиев был одним из патриархов азербайджанской журналистики.

Сегодня среди тех, кто с благодарностью вспоминает Мир Джалал муаллима, очень много писателей и филологов, а среди воспитанников Насир муаллима — не одно поколение журналистов. Оба они вели педагогическую деятельность в Бакинском университете. Они умели найти путь к сердцам молодой смены, распознавать таланты, направлять их силу на служение во благо народа и общества.

По-моему, в жизни Мехрибан ханум и ее сестры, известного филолога Наргиз ханум, важную роль сыграл пример выдающихся дедов. И конечно, второй фактор — пример их родителей: матери Аиды Имангулиевой, замечательного ученого-востоковеда, и отца — крупного физика, академика Арифа Пашаева.

Высокие устремления, благородные идеалы родителей не могли не повлиять на становление их детей. Я убежден, что это благотворные семейные уставы, дух человеческого участия и милосердия привели Мехрибан ханум в Медицинский институт. А позже, по совету своей свекрови, замечательного офтальмолога Зарифы Азизовны Алиевой, она овладела этой специальностью. Получив диплом с отличием, Мехрибан ханум, работая на этом поприще, несомненно, стала бы одним из видных врачей-офтальмологов».

Добавим к словам автора статьи, что Мехрибан ханум успела поработать врачом-офтальмологом под началом своей будущей свекрови. Но судьба уготовила ей другое призвание.

Она вступила невесткой в дом знаменитой семьи. Стала спутницей жизни будущего главы государства. Матерью его детей. Можно было продолжать медицинскую службу, диагностировать, лечить больных, возвращать им зрение, дарить им радость видеть неисчерпаемую красоту мира... Дарить людям свет — как это всю свою жизнь делала незабвенная Зарифа Азизовна Алиева.

Но Мехрибан Пашаева, ставшая Мехрибан Алиевой, вошла в семью, через которую так или иначе проходили мощные токи государственных забот, где слышнее был пульс общественной жизни, национальных чаяний, тревог, надежд. Этот новый ритм жизни, можно сказать фамильный статус, подвигнул ее на поиск более активного участия в социальной жизни, пробудил энергию нераскрытого личностного потенциала. Так, во всяком случае, нам представляется начало общественной деятельности Мехрибан Алиевой, к исходу минувшего века ставшей первой леди Азербайджана.

Еще в 1995 году она создает Фонд друзей азербайджанской культуры.

Вспомним ту нелегкую пору в истории суверенной республики, только что вышедшей из разрушительной войны, принесшей смерть и горе, превратившей многие города и села в пепелища.

Беженцы, опустевшие очаги, разруха, инфляция. Титанические усилия Гейдара Алиева по консолидации общества, по наведению порядка, водворению законности, нормализации институтов государственности — и все это при оголтелом сопротивлении оппозиции, потерпевших фиаско временщиков.

Казалось бы, положение из тех, когда «не до жиру, быть бы живу».

Культурная жизнь дышит на ладан, нарастает угроза духовного регресса и деградации, воцаряются апатия и пессимизм, вызванные оккупацией одной пятой территории республики, — все это происходит под аккомпанемент мощной, хорошо оплаченной и изоцированной дезинформации наших противников и их прислужников в ближнем и дальнем зарубежье.

Возрождение веры в людях, поиск и привлечение друзей азербайджанской культуры в подобных условиях было делом трудным, смелым и жизненно необходимым.

Речь шла о престиже Азербайджана, о его добром имени, пропаганде его богатого духовного наследия, ознакомлении с ним мировой общественности. Печатной трибуной Фонда стал журнал «Азербайджан: Ирс» («Наследие»).

Через десять лет **Мехрибан ханум** в одном из интервью вспоминала:

«Основной целью Фонда была пропаганда азербайджанской культуры. Тогда-то я и учредила журнал “Азербайджан: Ирс”».

Журнал занимался освещением деятельности Фонда, и каждый номер, посвященный определенной теме, представлял и популяризаторский, и исследовательский материал. Могу с гордостью сказать, что об азербайджанской культуре до нас еще никто не писал столь увлекательно. Например, задаваясь целью написать о миниатюре или, скажем, о памятниках зодчества, мы привлекали к этому и ученых академии, и журналистов, и искусствоведов...»

В 2004 году она возглавила созданный Фонд Гейдара Алиева. Фонд наряду со сбережением и пропагандой политического наследия общенационального лидера взял на себя грандиозную миссию по восстановлению очагов культуры, разрушенных школ, по строительству новых школ, реконструкции больниц, заботу о сиротах, решение проблем, связанных с диабетом и талассемией.

«Порой человек в обществе оказывается в таком положении, когда все

двери, куда ни постучись, остаются закрытыми. Он остается наедине со своим горем, своей проблемой, и ему кажется, что ничто и никто не сможет ему помочь. И тогда он обращает взоры на наш Фонд. Я не хочу сказать, что мы моментально решаем все проблемы. Но этот человек здесь не столкнется ни с равнодушием, ни с холодным отношением, и для решения его проблем обязательно будут использованы все возможные средства. Очевидно, что благотворительность, человеколюбие, милосердие — одни из прекраснейших качеств, присущих менталитету, культуре азербайджанского народа, нашим традициям, сформировавшимся на протяжении веков, и сегодня мы, наш Фонд Гейдара Алиева, будем стремиться развивать эти традиции», — говорит Мехрибан ханум.

Благие дела Фонда не перечесть: великолепные дворцы культуры, очаги просвещения, восстановленные и построенные школы по всей республике. Их тысячи. И десятки тысяч деревьев, ожививших абшеронские пустоши и ранее неприглядные солончаки.

Ревностное, стоическое радение о духовных ценностях, о сокровищах национальной культуры со стороны Фонда и его президента привлекли внимание мировой общественности. Мехрибан Алиевой была вверена ответственная и почетная миссия Посла доброй воли ЮНЕСКО, а затем и ИСЕСКО, тем самым в сферу ее деятельности вошли пространства и западной, и восточной цивилизации...

Логическим продолжением этой гуманитарной миссии явилась деятельность Мехрибан Алиевой по пропаганде уникального явления мировой музыкальной культуры — мугама, достигшего в Азербайджане невиданного развития и явившего блестящую плеяду творцов, музыкантов и певцов. Здесь пальма первенства заслуженно принадлежит славным карабахским мастерам мугама.

Недавно в Баку был проведен фестиваль мугамных исполнителей с участием представителей среднеазиатских республик и ближневосточных стран. Построен Международный центр мугама. К сказанному о «мугамных» инициативах добавим издание музыкального альбома «Карабахские ханенде», проект «Мугамные дестгяхы», телеконкурс Мугам-2005, ставший ежегодным...

Добавьте еще такую важную сферу, как депутатская работа в парламенте.

В канун праздника Новруз М. Алиева выступила в Парламенте с инициативой о предоставлении амнистии заключенным определенной категории. Сотни людей вышли на свободу и получили возможность взяться за труд как полноправные граждане страны. Сегодня число людей,

обретших свободу благодаря предложениям депутата М. Алиевой в Комиссию по помилованию, перевалило за тысячу.

Международные турниры, соревнования по художественной гимнастике, проводимые в Баку, свидетельствуют о высоком тоне спортивной жизни, и здесь несомненна заслуга президента Республиканской федерации художественной гимнастики Мехрибан Алиевой. Ее можно видеть в окружении детей, обездоленных неласковой судьбой и согретых заботой благодаря Фонду Гейдара Алиева. Перед ними часто открываются двери одного из красивейших дворцов республики — «Гюлистан» — во время специальных праздничных мероприятий.

В начале роковых девяностых годов трудно было бы представить, что истерзанная войной и разрухой страна лет через десять протянет руку помощи Пакистану, пострадавшему от землетрясения, и будет строить там школу. Это свидетельствует, в частности, об убедительной экономической мощи республики.

В статье **Алибалы Залоглу** «Дорога, ведущая в Карабах», мы читаем: «Мехрибан ханум Алиева — воплощение гуманизма. Красной нитью через ее деятельность проходят благородные дела... Не случайно, что эти ее свершения высоко оценены международными организациями и ей вручена награда “Золотое сердце».

«Программа развития детских домов и школ-интернатов», «Обновляющемуся Азербайджану — новые школы», проект «Поддержка образованию» и другие начинания также связаны с именем Мехрибан Алиевой.

В ряду этих благородных начинаний и акций — осуществленный в сотрудничестве с датской фирмой «Нуово-нордиск» проект «Максимальная забота о детях-диабетиках», проект «За жизнь без талассемии», перестройка и переоборудование медицинских учреждений, решение многих проблем, связанных с вопросами здравоохранения. Школа для пакистанских детей и реставрация скульптур в знаменитом Версальском дворце, строительство библиотеки в поселке Мардакяны и восстановление дома-музея поэта и просветителя Абдуллы Шаига, реставрация исторических памятников в Грузии и строительство мавзолея последнего гянджинского правителя Джавадхана, восстановление целого ряда святыниц в Азербайджане. Вот далеко не полный перечень гуманитарных свершений, осуществленных под патронажем Мехрибан Алиевой.

Мехрибан ханум олицетворяет образ достойной дочери родного народа — прекрасной матери, любимой и любящей супруги, радетельницы культуры, заботящейся о подрастающем поколении, и ее жизнь, ее

нравственный и гражданский пример — живое воплощение высоких семейных традиций, воплощение заветов незабвенной Зарифы ханум Алиевой, продолжение Света...

Глава пятнадцатая

ИЛЬХАМ АЛИЕВ: «ОНА ВСЕГДА В МОЕМ СЕРДЦЕ»

На вопрос одного из журналистов: «Кто самый любимый для вас человек?» — Гейдар Алиев кратко ответил: «Зарифа ханум».

Из рассказа **Ильхама Алиева**: «К слову, дедушка обожал младшего внучонка. Вообще, он очень любил всех внучат. Можно сказать, каждый день переговаривался с ними по телефону. Они часто навещали его. Гейдар Алиев хорошо знал, чем они дышат. У него солидное потомство: трое моих детей, трое — у сестры моей. Правда, другие дети намного старше, потому дедушка больше внимания уделял моему сыну. Малыш каждый день провожал его из дому, по нашему обычаю, выплескивал воду ему вслед. Маленький Гейдар гордился этой «обязанностью». Кстати скажу и то, что мой сынишка в равной мере хорошо говорит и по-азербайджански, и по-русски. У нас дома все дети двуязычные.

Мехрибан — моя большая опора. Я совершенно уверен, что семья — это прежде всего единомышленники. Семья — мужчина и женщина — два человека, имеющие схожие жизненные принципы и духовные ценности. Поэтому, мне думается, в семье не должно быть “оппозиции” в радикальном смысле слова. У меня с Мехрибан по многим вопросам взгляды совпадают. Мы выросли в приблизительно похожей среде. Мы — из семей азербайджанских интеллигентов, которые, невзирая на все трудности минувшего века, сохранили верность своим идеалам, духовным ценностям, национальным традициям. Принадлежность к таким корням — подлинное счастье.

Женщина, будь даже она спутницей жизни президента, остается женщиной. Она гарант покоя, гармонии, любви в семье. Для меня очень важно, что по возвращении домой после напряженного рабочего дня меня понимают и поддерживают».

Продолжать высокую семейную миссию Зарифы ханум выпало на долю Мехрибан ханум, и она мастерски справляется со своей задачей.

Снова послушаем **Ильхама Алиева**: «Корни жизненной философии моей матери надо искать прежде всего в ее детстве. Она часто нам говорила, что детство — чрезвычайно важный период в жизни человека, и ничто не может заменить его. Детство — мир, к которому человек

обращается всю жизнь. Человек в детстве постигает, что такое доброта и сочувствие. Она была очень счастливым ребенком, детство осталось в ее памяти как время, полное любви, как источник самых дорогих воспоминаний.

Семья моей матери принадлежала к самой интеллигентной части тогдашнего общества. Зачастую беседы, происходившие при детях, охватывали многие стороны духовной жизни общества. В этой семье воспитанию детей придавалось большое значение. Помимо обучения языкам и музыке им прививалось и стремление к саморазвитию.

Необыкновенная жизнь отца — Азиза Алиева — для Зарифы ханум была неотъемлемой частью истории родного народа. Одну из глав своей книги, посвященной этике врачебной профессии, моя мать назвала «Подвижники нужны как солнце». Обращение к этой фразе было связано с ее отношением к русской культуре. Всю жизнь она питала горячую любовь к Чехову и Рахманинову. Если ей, как врачу и человеку, было чрезвычайно близко чеховское понимание проблем общества, то музыка Рахманинова дарила матери моей внутреннее умиротворение, очищала от суеты, возрождала гармонию с самой собой.

В семье было очень сильно влияние моей бабушки, Лейлы ханум. Зарифа ханум многому научилась у нее. Казалось, она способна делать все: готовит как отличный кулинар, занимается научной работой, проникновенно поет, умеет быть и утонченной, и простой. Окружающие приходили к заключению, что это влияние мужского и женского начала в семье.

Судьба ниспослала Зарифе ханум такого человека, что в результате встречи с ним изменилась вся ее жизнь. Какие только испытания они ни прошли, чтобы быть вместе, — дочь политического деятеля, попавшего в немилость к властям, и молодой человек, один из сотрудников системы госбезопасности, подающий большие надежды! Это их «личная тайна».

В последние дни, проведенные с нами, она знала, что жизнь идет к концу, и сама с собою, как все врачи, была предельно откровенна и чужда всяких недомолвок. Ее душа оставалась светлой. Ее не пугали мысли о смерти. Ее тревожили думы о людях, которые останутся без нее. Силы покидали ее. Таяла с безмолвной гордостью, с которой прожила всю жизнь. И сама эта смерть внушала столь же глубокое уважение, как и вся ее жизнь. Она прекрасно осознавала, что перед вечностью все мелкое, преходящее отстывает, остается только добро. Именно это давало ей успокоение.

Моя мать была настоящим ученым. Она стремилась постичь все тонкости медицины. При этом находила возможность заниматься мною и

Севи́ль, воспитывать, растить нас достойными гражданами Азербайджана. Она всегда в моем сердце».

Доктор медицинских наук, профессор Нуреддин Гумбатов, заводя речь о Зарифе ханум, сразу вспоминает о ее отце: «Память об Азизе Алиеве для меня дорога, неизгладима, как и для тысяч людей. Я никогда не забуду моральную поддержку и заботу Азиза Алиева во время моего поступления в аспирантуру. Тогда Азиз Алиев являлся ректором института. Он был очень простым, скромным человеком. Когда я подавал документы в аспирантуру, оказалось еще пять заявителей. А на “внутренние болезни” было выделено одно место, конкурс был серьезный. Я денно и нощно усердно готовился к экзаменам.

За четыре-пять дней до экзамена меня вызвал заведующий отделом кадров. Спросил: “Ты из Гянджи?!” — “Да”, — говорю. Заведующий посоветовал: “Забирай документы, уходи, зря не теряй времени. Потому что не пройдешь”. Я встревожился: почему? Он в ответ: “На это место подал документы племянник одного министра, он и пройдет”. Я ужасно расстроился. Подумал и решил поведать свою печаль ректору.

Дождавшись Азиза Алиева, я вошел к нему на прием: “Уважаемый ректор, я хочу забрать назад свои документы”. — “Почему?” Я выложил все как есть. Азиз Алиев ответил: “Ты никого не слушай. Ступай, хорошенько готовься к экзаменам. Покажешь высокий уровень знаний — пройдешь. Никакой министр и прочие не могут повлиять на экзамены”.

Основные предметы я сдал на “отлично”. Немного опасался философии. Взяв билет, сел обдумывать ответ. Немного погодя вошел Азиз Алиев, чтобы контролировать ход экзамена. Когда он, вернув экзаменационные документы председателю комиссии, направился к выходу, в поле его зрения попал я. Он повернулся к преподавателям: “Этот гянджинский парень, похоже, хорошо подкован”. И ушел.

После моих ответов на билет экзаменаторы, не задавая дополнительных вопросов, поставили мне “отлично”. Так что в моем научном восхождении Азиз Алиев оказал мне большую моральную поддержку.

Когда я стал свидетелем слабого ответа упомянутого министерского племянника, получившего “удовлетворительно”, я еще раз убедился, что в руководимом Азизом Алиевым институте действительно самым высоким мерилom является честность, труд и справедливость.

С Зарифой ханум я долгие годы работал вместе. Она работала на кафедре офтальмологии, я — на кафедре внутренних болезней. Как ученый, как женщина, как врач и педагог она была всеобщей любимицей. Я

бы хотел сказать только о ее человеческих качествах, о ее простоте.

Несмотря на то, что Зарифа ханум была большим ученым, супругой руководителя республики, и на работе, и в любом обществе она вела себя очень скромно. Была искренна и обходительна как со старшими, так и с младшими. Благожелательно относилась ко мне как к коллеге. Мы в одном и том же году защитили докторские, получили звание профессора. После обсуждения наших докторских работ на институтском ученом совете надлежало отправить документы в Москву: в то время в Баку не существовало Высшей аттестационной комиссии. После заседания она позвала меня и сказала: “Нуреддин, подготовь свои документы, я отправлю их вместе со своими в Москву. Когда в Москве увидят твои документы вместе с моими, то подумают, что ты либо родственник, либо близкий человек Гейдара Алиева, тогда утверждение твоей докторской работы ускорится”. Никто бы подобного не сделал. Я был обыкновенным человеком, рядовым врачом, не имел никаких высокопоставленных покровителей. Такое доброе участие супруги первого секретаря окрылило меня. Я быстро подготовил документы и передал Зарифе ханум. Не прошло и двух недель, как из Москвы пришли сведения, что документы утверждены.

На торжественной церемонии в Академии наук академик Топчибашев вручил докторские дипломы Зарифе ханум и мне.

Мы сотрудничали и на заводе кондиционеров. В лаборатории, созданной ею, она проводила научные изыскания по офтальмологии, а я — по внутренним болезням. Зарифа ханум так мягко и деликатно обходилась с рабочими и служащими завода, что многие и не догадывались о ее статусе. В заводской лаборатории действовали отделения кардиологии, по желудочно-кишечным, легочным, эндокринологическим заболеваниям, которые входили в сферу исследований моих коллег и моих собственных.

Зарифа ханум при встречах с заводчанами независимо от их должности здоровалась первой, всегда справлялась о делах и самочувствии. К тем, кто нуждался в помощи, никогда не оставалась равнодушной, принимала, выслушивала, давала советы, помогала по мере возможностей».

Сугра Бабаева более полувека проработала врачом, заведующей отделением в НИИ глазных болезней, ныне носящем имя Зарифы Алиевой. Когда она вспоминает Зарифу ханум, в голосе ее слышатся слезы, но в то же время повлажневшие глаза сияют теплом.

Сестра героини нашего повествования Лазифа ханум преподавала студентке Сугре Бабаевой в мединституте. Видя особый интерес студентки к диагностике и лечению глазных болезней, она воодушевила ее

специализироваться в офтальмологии. Помогла и в том, чтобы Сугра участвовала в операциях.

Позднее, познакомившись с Зарифой ханум, Сугра Бабаева прониклась глубокой симпатией к коллеге и наставнице.

«Зарифа ханум словно родилась на свет, чтобы помогать людям, творить добро, — говорит она. — Мы тогда были неопытные, затруднялись при записи истории болезни, в особенности когда производили записи на русском языке. Зарифа ханум выручала нас, следила за правильным употреблением оборотов, окончаний слов, редактировала... Придет на работу, со всеми тепло поздоровается, а Лазифу ханум каждый раз поцелует. Я восхищалась большой любовью сестер и братьев в семье Алиевых.

У нас был коллега по фамилии Слуцкий, он получил новую квартиру, и мы пошли поздравить его с новосельем. Жена его преподавала музыку, и в доме внимание Зарифы ханум сразу привлекло пианино. Она села за инструмент, и зазвучали музыкальные фрагменты из наших национальных оперетт, из мировой классики. Наши врачи, войдя во вкус, весело и азартно танцевали.

На исходе семидесятых годов в Баку приехали светила советской офтальмологии, были среди них Герои Социалистического Труда, руководители крупных глазных центров. Решили пригласить именитых гостей ко мне домой. Зарифа ханум впервые была у меня, познакомилась с моей семьей, ласково расцеловала детей.

Мы приготовили для гостей стол, отражающий все богатство азербайджанской кухни. Плов нескольких видов, приправы к нему, шашлыки, курятина. Ну и соленья, пряности. Гости привлекли виноградные лозы на нашем балконе. Стояла поздняя осень, гроздь в самом соку. Мы сорвали их, угостили дорогих гостей.

Зарифа ханум одарила нас радостью, сыграв на нашем фортепьяно. У всех было прекрасное настроение. Зарифа ханум осталась очень довольна приемом, но, прощаясь, не преминула мне сказать, что пианино настроено неважно...»

Расим Гаджиев был одним из любимых аспирантов Зарифы ханум. Ныне он успешно практикует как известный офтальмолог. О своей наставнице вспоминает с пиететом и обожанием, как о дорогом человеке:

«Познакомился я с ней в 1978 году. В то время она искала и находила молодых и одаренных врачей-глазников. При знакомстве со мной она даже чуть проэкзаменовала меня по этой части. Потом приняла на работу к себе. По прошествии времени предложила взяться за кандидатскую диссертацию

по диабетической ретинопатии. Актуальность этой темы она обосновала тем, что эта болезнь — одна из основных причин слепоты. В эндокринологическом отделении больницы № 4 было много больных, заведовал отделением Тамерлан Алиев (брат Зарифы Алиевой. — Г. М.), и мы всегда могли воспользоваться его консультацией.

Я подготовил реферат на эту тему. Зарифа ханум ознакомилась с ним и написала подробную рецензию. Эта рецензия с ее подписью до сих пор хранится в кафедральном музее.

Она тогда выдвинула гипотезу о том, что причина диабетической ретинопатии — не сосудистые повреждения, как тогда считалось, а повреждения особых клеток в сетчатой оболочке. Ее статья на эту тему впервые была опубликована в 1982 году в азербайджанском медицинском журнале; в ней говорилось, что для стабилизации процесса диабетической ретинологии можно в перспективе использовать метод витреотехники. Последующие исследования подтвердили обоснованность этого ее предложения.

Память о Зарифе ханум Алиевой, прекрасном человеке, ученом-гуманисте, моем научном руководителе, будет дорога мне всегда».

Профессор, доктор медицинских наук Айдын Имамалиев пишет:

«Человеческие судьбы в чем-то схожи, но не дополняют друг друга. Трудно найти и людей, совершенно похожих друг на друга. В этом смысле Зарифа Алиева с Гейдаром Алиевым составляют исключение. Они, как и все мы, воспитали детей, заботились о родителях; порой радовались, порой печалились. И на службе, и в общественных делах успехи и неудачи сменяли друг друга. Но несмотря ни на что они духовно обогащали друг друга, всегда мужественно противостояли трудностям».

Александр Дзасохов, бывший кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, возвращает нас к дням утраты Зарифы ханум:

«...Это был очень скорбный день. В день, когда мы в Москве провожали Зарифу ханум в последний путь, и погода, и люди были печальны. Она была очаровательной женой и прекрасным другом Гейдара Алиева. Она покинула нас, и многое в жизни Гейдара Алиева переменилось. Зарифа ханум была доктором наук, выросла в интеллигентной, образованной семье и, естественно, наилучшим образом дополняла Гейдара Алиевича».

Как бы продолжая эту мысль, на встрече с Гейдаром Алиевым известный художник, профессор Российской Академии живописи **Никас Сафронов**, представляя портрет Зарифы Алиевой, сказал следующие слова:

«Я счастлив, что представляю президенту Гейдару Алиеву портрет спутницы жизни, гениальной личности, покойной Зарифы ханум Алиевой. Господин президент, по чертам лица Зарифы ханум видно, что за годы прожитой вместе с вами жизни ее облик становился все прекраснее и благороднее. Во-первых, чрезвычайно красивы ее глаза. Я их изобразил несколько печальными, а ее саму — как ангела-хранителя, радеющего обо всех. Вообще в вашей семье выросли очень авторитетные и приверженные своему народу личности. Народ воспринимает Гейдара Алиева не как лицо, занимающее высокий пост, а как человека, которого всем сердцем любил и привязан к нему».

Фагума Багирли, многие годы преподававшая в Медицинском университете, вспоминает:

«В молодости я как-то дежурила в ночную смену в детском отделении больницы. Сообщили, что привезли на обследование ребенка председателя КГБ.

Я вышла и увидела маленького, ослабевшего Ильхама на руках у Зарифы ханум, которая была очень обеспокоена состоянием сына. Она плакала. А Гейдар Алиев утешал ее, успокаивал: “Зарифа, не плачь. У нас единственный сын, и Аллах не отнимет его у нас...”

Зарифа ханум была чуткой матерью, ее сердце было переполнено любовью к детям. Всю жизнь жила, признавая лишь духовные ценности. Была надежной опорой спутнику жизни, пеклась о здоровье детей, заботилась о том, чтобы они росли достойными гражданами. Потому в ее жизни наряду с безоблачными счастливыми днями было немало и тревожных.

О благородных человеческих качествах, о ее врачебной и научной деятельности написано много книг. И все авторы единодушны во мнении, что Гейдара и Зарифу Алиевых невозможно представить друг без друга».

В книге **Миркязима Сеидова и Мамеда Рзаева** «Гений, опережавший время», посвященной нашему великому лидеру, обстоятельно рассказано и о Зарифе ханум Алиевой. Говоря о ее профессиональной деятельности, авторы отмечают ее внимание к врачебной этике и медицинской деонтологии, воспитанию кадров не только в профессиональном, но и в нравственном плане. Она всегда внушала молодому поколению, что надо стремиться расширять научный диапазон, не оставаться узкими специалистами, но в то же время не замыкаться в кругу лишь профессиональных интересов. Чтобы успешно бороться за жизнь и здоровье людей, необходимо понимать каждого человека и относиться к нему с любовью. Зарифа ханум отмечала, что наряду с профессиональной

эрудицией врачу надо быть человеком высокой культуры, научиться понимать мир искусства, музыки, литературы...

Только врач, умеющий творчески использовать информацию, полученную современными исследовательскими методами в условиях научно-технического прогресса, может отвечать требованиям времени.

И к любым социальным изъянам, замечаемым ею в обществе, Зарифа ханум относилась как медик. Подобно тому, как врач изучает историю болезни пациента, и в социуме она усматривала «симптомы болезни», а условием ее преодоления видела выяснение первопричины.

22—24 октября 1977 года в Баку проводился VII пленум Всесоюзного общества офтальмологов, в его работе участвовали двести видных ученых-медиков, занимавшихся проблемами детского зрения и резких повреждений глаза, лечением глаукомы. При знакомстве с материалами форума можно заметить, что положения и идеи, выдвинутые в выступлении Зарифы Алиевой, отличались новизной и актуальностью.

После пленума гостей и участников принял первый секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев и провел с ними двухчасовую беседу.

Гостей восхитила живая, насыщенная точными фактами речь главы республики об экономике, литературе и искусстве, состоянии медицины и здравоохранения в Азербайджане».

Очередной, VIII пленум состоялся 8–9 октября 1981 года в Ереване. Выступление Зарифы Азизовны на этом форуме было посвящено вопросам медицинской деонтологии. Ее и всех передовых представителей здравоохранения того периода тревожит снижение моральных критериев в среде медицинских работников, взаимоотношения врача и пациента... Перемены, произведенные научно-техническим прогрессом в здравоохранении, внедрение новых аппаратов и приборов вовлекали пациентов в среду разнопрофильных врачей, техников и лаборантов. Хотя Зарифа Азизовна Алиева не считала такой «конвейерный» способ лечебного процесса неверным, она прекрасно видела в нем присутствие фактора, чреватого нивелированием врачебного мышления, который мог спровоцировать нарастание непоправимых ошибок. Она придавала большое значение живому, непосредственному общению врача и пациента, содействующему мобилизации его психических сил и возможностей, воли к борьбе с недугом, пробуждению оптимизма. Зарифа ханум неоднократно подчеркивала: при всем том, что в лечении теперь участвуют десятки профильных специалистов, основная ответственность ложится на долю лечащего врача. А «групповая ответственность» врачей, по сути, порождает размывание критериев в работе и безответственность.

В докладе, который Зарифа Алиева прочитала на заседании Московского общества офтальмологов, позднее опубликованном, выдвигается настоящая стратегия подготовки кадров в вузах и в Институте усовершенствования врачей. Зарифа ханум справедливо замечает, что, когда больной замыкается в себе и никого близко не подпускает, не находит поддержки и опоры в окружающих, он внутренне истощается быстрее, теряет столь необходимое для сопротивления болезни ощущение радости жизни и в конце концов — жизненную энергию. Вот почему врач по долгу своего призвания обязан быть моральной опорой каждому пациенту независимо от должности, ранга, материального положения последнего, стремиться возродить в нем волю к жизни. Зарифа Алиева не уставала повторять, что дух человека, его моральное здоровье, — важное подспорье и основа его здоровья физического. В этом смысле каждый врач должен озаботиться не только лечением больного от конкретных недугов, но и исцелением его души.

Выдающийся медик, она призывала беречь здоровье, дорожить им, ценить, в частности, зрение, пока этот дар еще служит тебе. Она отмечала, что в современную эпоху необходимо основательно изучать не только факторы и причины, порождающие болезни, но и условия, обеспечивающие здоровье людей, ограждающие их от заболеваний, содействующие их полноценному счастливому существованию. «Медицина испокон веков занималась лишь лечением и оказанием помощи страждущим, — говорила Зарифа Алиева. — А в наши дни наряду с борьбой против различных недугов перед медиками стоит и проблема защиты и сбережения здоровья людей». В те годы многомерная и плановая работа, проводимая руководителем республики, дала сильный толчок развитию медицины. Поворот системы здравоохранения и к здоровой части населения проистекал из самой логики социального развития государства.

Всемирно известный хирург, лауреат Ленинской премии академик Ф. Г. Углов в своей книге «Человек среди людей» («Молодая гвардия», 1978) подчеркивал, что хороший врач должен лечить не только тело, но и дух. Настоящий хирург, прежде чем подходить к операционному столу, обязан вооружиться знанием жизни и человека, чтобы проникнуть специальным «скальпелем» в самые потаенные уголки человеческой души. Словом можно убить — не только в переносном, но и в буквальном смысле. И словом же, своевременной поддержкой, ободрением, человечностью можно помочь выздоровлению больного. В своей практике Зарифа Алиева действовала именно на основе этих принципов.

Вообще нетрудно заметить, что духовное, психологическое,

нравственное начало пронизывает ее отношение к профессии, к людям, к обществу. Древние говорили: «В здоровом теле — здоровый дух». А теперь вслушайтесь в слова Зарифы ханум, обращенные к молодой смене: «Храните лучшие качества национального характера, простоту, бескорыстие, верность в дружбе, верность слову, широту души. Духовное здоровье — залог физической прочности». Два полюса, образующие гармонию человеческого существа, как бы поменялись в этой фразе местами, образуя единое целое.

Зарифа ханум, как имел возможность убедиться читатель по многочисленным отзывам знавших ее коллег и близких людей, приведенным в этой книге, была человеком высокой нравственной пробы. Она принимала больных не только в клинике, где работала, но везде, где возникала такая необходимость, давала советы и, если позволяли условия и обстоятельства требовали неотложного вмешательства, проводила операции, никому не отказывала в помощи и никого не оставляла без надежды.

Она активно ратовала за пропаганду медицинских знаний среди сельского населения, высоко ценила роль «семейных врачей», настоятельно рекомендовала восстановить институт семейного врачевания. Изданная в 1983 году ее книга «Вопросы духовного воспитания врачей, деонтологии, медицинской этики и морали» не только стала настольной книгой медработников, но может считаться уставом человеческих взаимоотношений, общественного поведения. Определяя жизненную позицию врача, Зарифа Алиева ставила в основу ее отношение к пациенту. Она считала, что истинный врач не вправе оставаться безучастным к боли и страданиям больного, не может не сопереживать своим пациентам.

Изданная узбекским издательством «Тибб» («Медицина») книга Зарифы Алиевой «Глазные болезни при сахарном диабете» сыграла большую роль в борьбе с этими болезнями, распространенными в Средней Азии и Закавказье. Этот труд — настольная книга офтальмологов-практиков.

На страницах данной книги уже не раз говорилось о широте интересов героини нашего повествования, о ее музыкальных способностях, любви к театру, к музыке. Дополним наш рассказ свидетельством **профессора А. Н. Добролюбова**, заведующего кафедрой глазных болезней Ленинградского (ныне Петербургского) санитарно-гигиенического института. Он говорил, что умение З. Алиевой слушать и понимать музыку можно было прочесть по ее «говорящим глазам». Музыка, по словам З. Алиевой — волшебное искусство, духовно очищающее человека.

Она гордилась и восхищалась творениями Узеира Гаджибекова, Муслима Магомаева, Кара Караева, Тофика Кулиева, Фикрета Амирова и других композиторов, звучавшими не только в Азербайджане, но и далеко за его пределами.

Ее органичное, естественное обаяние проявлялось и в ее речи, отличавшейся высокой культурой. Четкая дикция, выразительный голос, природный артистизм в известной мере объясняют успех ее докладов и выступлений, при этом всегда содержательных, профессионально глубоких.

Гегель писал, что «...по обаянию голоса говорящего человека можно с уверенностью определить его внутреннюю красоту, а по грубости голоса — уродство его чувствования». В этом смысле речь и голос нашей героини отражали ее гармоничный внутренний мир и уровень усвоенных ею культурных богатств и нравственных ценностей.

Выразительность голоса, богатство интонаций — немаловажный фактор в общении. Зарифа ханум в зависимости от ситуации всегда умела найти нужный и верный тон, а ситуации, как понимает читатель, во врачебной практике бывают сложнейшими... Особенно это важно в общении с больным человеком, ведь пациенты — люди самых разных характеров и возрастов, они отличаются как общим состоянием здоровья, так и степенью тяжести заболевания. Так что приходится говорить уже о психотерапевтическом воздействии слова врача на пациента. Подобным даром Зарифа ханум обладала в полной мере.

Мы говорили о ее любви к музыке, но не меньше она любила поэзию и литературу, считала поэтов и писателей духовными целителями.

Заведующий кафедрой философии Азербайджанского государственного медицинского института, профессор Адиль Наджафов (ныне покойный) писал в своих воспоминаниях, что Зарифа Алиева видела высшую миссию литературы в восстановлении совершенной, благородной, сильной личности, черпающей силы и вдохновение в величии красоты и добра, непримиримой ко всякому злу и несправедливости.

Еще в начале 1950-х годов талантливый **поэт и драматург Ислам Сафарли**, работая над пьесой «Глазной врач», приходил в Институт офтальмологии, чтобы получить советы от Зарифы ханум Алиевой. Впоследствии он признавался, что ее замечания свидетельствовали о немалой искушенности офтальмолога в национальной и мировой литературе, в приемах творчества. Однако на предложение драматурга стать официальным консультантом пьесы она ответила вежливым, но решительным отказом, добавив, что и медицина, и литература в идеале

служат единой цели.

Зарифа ханум, несмотря на свою занятость, старалась следить за театральным репертуаром и говорила, что классические спектакли обладают магической силой воздействия. Деятели искусства, подобно медикам, должны искать более эффективные пути использования великой магии театра во благо человека.

Роль слова как врачующего средства, о которой знала и говорила выдающийся офтальмолог, находит подтверждение и в высказывании академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который в статье «Оттенки слова» («Литературная газета». 1984. 25 января) уподоблял поэзию «последней, исцеляющей профессии». Конечно, исцеляющую роль поэзии и искусства вообще мы понимаем в метафорическом, духовном смысле.

Пожалуй, ни в одной другой сфере профессиональной деятельности не встретишь таких доверительных отношений, как между врачом и пациентом. И вряд ли представители другой профессии могут настолько глубоко проникать в жизнь человека, в его физическое и психическое состояние, духовный мир (да не осудят нас причастные к литературе коллеги!)... Антон Павлович Чехов, врач по профессии и художник слова по призванию, писал: «Если врач не воспринимает широкого мышления, он отрицает медицину». Русский классик говорит здесь о таком качестве, какое прививала своим воспитанникам героиня нашей книги.

Зарифа Алиева впитала все высокие добродетели, присущие семье, в которой она выросла. Интеллигентность, трудолюбие, скромность, любовь к родному очагу, к народу, к Родине, приверженность общечеловеческим ценностям. Эти свойства найдут воплощение в ее дальнейшей жизни.

Быть хранительницей очага — уже само по себе немало. Но быть при этом активной участницей общественной жизни, подвижником науки, лечить тысячи людей, возвращать им зрение, радость полноценного существования — удел высокий и благородный.

В советские годы, когда Гейдар Алиев возглавлял республику, в Азербайджан часто приезжали руководящие работники, министры СССР, проявляя большой интерес к нашей экономике и культуре. Нередко высокие гости посещали республику вместе со своими супругами.

Ветеран войны, сотрудник КГБ СССР, генерал-майор Мустафа Насиров вспоминал:

«В Баку для вручения Азербайджану Переходящего Красного знамени прибыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Ф. Д. Кулаков со своей супругой. Была намечена поездка гостей в Ленкорань и Астара. Мы вместе с нашим председателем КГБ В. С. Красильниковым и

министром МВД Арифом Гейдаровым чуть раньше выехали из Ленкорани и неожиданно узнали, что первый секретарь райкома партии наметил встречу с трудящимися перед зданием райкома. А я предупредил астаринцев, что высокие гости придут на погранзаставу и соберутся перед ней. Сотрудники двух министерств должны были находиться там для обеспечения общественного порядка. Подъезжаем к площади, а она пуста. Подождав немного на окраине Астары, мы повели машины на заставу. К тому времени Зарифа ханум и супруга Кулакова уже находились на заставе и познакомились с жизнью и бытом воинов. Они замедлили шаг, остановившись перед «красным уголком», где висел портрет Героя Советского Союза Гужева, и понятно было их по — матерински участливое молчание. Потом они направились в сторону границы.

Личный состав заставы выстроился на плацу для встречи почетных гостей. Пограничники преподнесли Гейдару Алиеву и Федору Дмитриевичу Кулакову безыскусные, простые подарки — зеленые фуражки и макет наблюдательной вышки.

Настало время взойти на пограничный мост. Надлежало выйти из главных ворот на улицу, а улицу запрудил народ, собравшийся, чтобы приветствовать руководителя республики и его гостя. Ворота были плотно «закупорены» астаринцами.

Гейдар Алиев, поприветствовав собравшихся, выступил вперед и обратился к Кулакову: «Они собрались, чтобы выразить уважение нам, приветствуют нас с радостью». Под аплодисменты местного населения он пошел сквозь расступающуюся толпу, Кулаков последовал за ним, поодаль следовала их охрана.

Вернувшись после прохождения пограничных ворот, Кулаков сказал о Зарифе ханум и своей жене: «Жаль, что они не видели проявления народной любви и уважения к Гейдару Алиеву и его гостям, не увидели моста, соединяющего два берега». Узнав, что женщины уже успели все это увидеть и постоять на самой границе, Кулаков еще раз выразил Гейдару Алиеву свою признательность».

Читателям, думается, будет интересно ознакомиться и с главой из книги **Байрама Гусейнли** «Гейдар Алиев: жизнь, прожитая и животворящая» (изданной на азербайджанском языке), названной «Политбюро и тревога Зарифы ханум», где показан волнующий эпизод из политической биографии Гейдара Алиева:

«Гейдар Алиев в последний раз покидал кабинет в качестве первого секретаря ЦК КП Азербайджана. Его по-человечески тронули беседы на прощальной встрече с общественностью республики, высказанные там

суждения, прозвучавшие в выступлениях нотки печали от предстоящей разлуки. Он устало поднялся из-за стола, окинул взглядом комнату. Тишина. Он вдруг ощутил, как невероятно трудно расставаться с родным краем, но и от судьбы не убежишь. С неохотой он вышел из кабинета, спустился вниз, медленно подойдя к служебной машине, остановился, потеплевшим взором поглядел на еще не завершённое строительство грандиозного здания Центрального Комитета. Соседство старого капитального здания, где размещался Совмин, с новым зданием ЦК произвело на него отрадное впечатление. Великий лидер подумал про себя: если простой азербайджанский строитель может воздвигнуть такое великолепное здание, стало быть, он продвинулся далеко вперед. Значит, сыны моего народа способны и впредь сотворить много таких добротных дворцов... Огляделся окрест: после дневной кипучей суеты настала пора затишья. Это затишье слегка озаботило Гейдара Алиева, почему-то напомним тишину жаркого июля 1969 года. Но те времена, та тишина была иная — тишина апатии бесцветных дней в жизни народа. А нынешний тихий вечер был часом отдохновения после трудов праведных, после добрых, созидательных дел.

С этими мыслями он сел в машину.

Он еще жил впечатлениями от встреч с общественностью.

Разлука с родным Азербайджаном отзывалась болью. Его смущало и беспокойство Зарифы ханум. По всему чувствовалось, что ей не по душе приглашение Гейдара Алиева на работу в Москву, на самый верх власти. Занятый этими мыслями, он и не заметил, как подъехал к дому. Как всегда, его встречала Зарифа ханум. Он сразу по лицу жены догадался о том ее состоянии, которое она пыталась скрыть. Уловил душевное смятение, но виду не подал, переоделся, уселся на диван и, повернув лицо к ней, слегка улыбнулся: “Ну, слушаю тебя...”

Она, помолчав мгновение, вскинула голову и устремила на спутника жизни тревожный взгляд. Затем отвела глаза. Гейдар Алиев чувствовал, что она хочет поговорить, но не знает, с чего начать. Он встал, приблизился к ней, бережным движением руки повернул ее голову к себе, заглянул в глаза:

— Что с тобой, Зарифа, милая?

— Знаешь, Гейдар. — Она пыталась взять ровный тон, но дрожь в голосе выдавала волнение. — После вчерашнего разговора мне не по себе. Верно, обосновывая свой перевод в Москву, ты ссылался на Нариманова. Да и меня саму судьба Нариманова наводит на размышления. Весь день его карьера, полная страшных перипетий, оживала в моей памяти. Я чувствую и твои политические ходы, знаю, ты немало передумал о московском

будущем. Но я хотела бы поделиться с тобой сегодня же, в этот вечер, кое-какими своими соображениями. В свое время ты, Гейдар, пожелал воздвигнуть памятник Нариманову в одном из самых заметных мест Баку. Причем задумали огромный монумент. И скажи-ка, чем все обернулось? Видел, какие последовали нападки со всех сторон, как пошла тихой сапой на тебя?.. И особенно усердствовали доморощенные злопыхатели. Правда, ты боролся, бился; помучился, но добился своей цели, хотя и не в полной мере: памятник возвели там, где ты наметил, но в уменьшенном размере. Ведь все это не без причины, Гейдар!

У нее прервалось дыхание. Она впервые так разволновалась. Он молча слушал ее, изредка потирая ладонью лоб.

— И почему Нариманова перевели в Москву? — продолжила Зарифа ханум. — Дескать, повысили в должности. Да, повысили в должности. А впоследствии потихоньку убрали. потому что Нариманов всем существом своим радел об Азербайджане. Да, политическая деятельность, биография Нариманова еще не освещена с высоты времени. Но я верю, что политические взгляды Нариманова, да и многих исторических фигур Азербайджана еще будут исследованы. Уж и не знаю, как объяснить, но что-то не по душе мне твой перевод в Москву, в Политбюро. Сердце мое женское, материнское подсказывает... тревожится. Ведь ты здесь, в Азербайджане, вершишь для своей страны куда большие дела. Сдается мне, потому-то Москва и зовет тебя в свои “объятия”.

— Зарифа, дорогая моя, не волнуйся, не бери в голову. Ты верно говоришь, верно оцениваешь то, что было в истории. Я-то думал: вот прекрасный врач, мать, патриотка. Оказывается, Зарифа ханум еще и большой политик. — Гейдар Алиев перешел на шуточный тон, чтобы как-то рассеять страхи жены, и с улыбкой продолжил: — Твое беспокойство понятно и похвально. Потому тебе по политической дисциплине — жирная “пятерка”! — и всмотрелся в ее глаза. Тревога в ее глазах сменилась неподдельным интересом. — Ты права. Нариманова убрали за то, что он был сыном своего народа: когда он понял, что обманулся, было поздно. Сейчас не время судить об этом, в архивах дремлет много тайн. Что поделаешь, придет время, многое прояснится. Нариманов понял, что обманулся, прекрасно сознавая свою ответственность перед народом. Написал четыре письма Ленину, в которых постоянно требовал, чтобы с Азербайджаном обращались как с равноправной республикой. Да возрадуется душа его. Писал. и скончался при загадочных обстоятельствах.

Кажется, в этот момент и сам Гейдар Алиев несколько помрачнел. Чувствовал, что пора поведать супруге о более трудных вещах.

— Зарифа, по моему мнению, Нариманов избрал путь, когда ценой своей “ошибки” он избавил свой народ от больших и худших бед. Допустим, Первая республика оказала бы вооруженное сопротивление Красной армии. Поражение молодой демократической республики, естественно, было неизбежно, как и великие жертвы. Думается, Нариман очень мудро оценил политическую ситуацию эпохи. Кто мог в 1920 году поддержать Азербайджан? Турция, избавившись от первой мировой войны, была занята своим обустройством. Время работало, как говорится, на большевиков. Нариманов верно оценил соотношение политических сил — и спас народ от ужасной трагедии. Настанет пора, и личность Нариманова оценят в свете ситуации его эпохи, а его заслуги перед отечеством и народом получат должное... Зарифа, дорогая, надо быть реалистом...

Воцарилась пауза. Тишину нарушало мерное тиканье “ходиков” на стене. Оба прислушались к этой “музыке времени”, и казалось, маятник — несущая на себе тяжелое бремя времени, неудержимая, необоримая сила».

Читателям книги «Гейдар Алиев» хорошо известны подробности его возвращения к власти в Азербайджане, истерзанном войной и внутренними раздорами. Известно и о последовавшем возрождении республики под руководством президента Гейдара Алиева, восстановлении и развитии экономики, государственных институтов, законности, о стремительных темпах мирного созидания, повышении престижа Азербайджана на мировой арене.

Зарифа Алиева не дожидаясь до этих дней. Не увидела восхождение мужа на высший пост в родной республике, не увидела и сына Ильхама Алиева, приносящего присягу народу в качестве избранного президента. Но мы верим, что душа ее осеняла и хранила дорогих ей людей в их многотрудной и благородной борьбе за честь, достоинство и независимость Азербайджана.

Теймур Яхьяев в книге «Две жизни в одной судьбе» вспоминает о печальном апрельском дне 1985 года, когда Зарифа ханум Алиева покинула мир:

«Каждый раз, воскрешая в памяти картину прощания с Зарифой ханум, воплощавшей благороднейшие черты азербайджанской женщины, я заново переживаю потрясение от той утраты.

Понимая читателя моей книги, упрекнувшего меня, что я написал о том, как Гейдар Алиев оплакивал самого дорогого для него человека, утраченного навеки, я не принимаю этого упрека. Потому что считаю искреннюю скорбь естественным состоянием для человека. Разве можно представить повествование о Лейли и Меджнуне, о Ромео и Джульетте, об

Асли и Кереме без упоминания о слезах и страданиях? Наш святой Пророк называл слезу “божественным светом”...

Церемония прощания в московском Доме ученых длилась долго. Среди тех, кто нес гроб с телом покойной, были и супруг ее, и сын. Гейдар Алиев отправился на Новодевичье кладбище рядом с телом покойной, оставив служебную “Чайку”. Я находился в автобусе, держа в руках портрет Зарифы Алиевой.

Волнение нашего лидера сменилось глубоким молчанием. Всю дорогу он сидел, погрузившись в тяжелую думу, устремив взор в одну точку.

Новодевичье по статусу считается самым престижным местом захоронения после Кремлевской стены. Последний приют академика Зарифы Алиевой был на земле, где обрели покой князья и философы, Герои Социалистического Труда и Герои Советского Союза, выдающиеся писатели и ученые.

Впоследствии останки покойной перевезли на Родину, в Баку, но в этом возвращении не было тени долгой тоски и забвения, витавшего над прахом возвращенного из сибирской глуши, из пронумерованной могилы Гусейна Джавида.

К могиле на Новодевичьем кладбище не зарастала тропа, туда приходили спутник жизни Зарифы ханум, ее дети, коллеги, азербайджанцы, живущие в Москве, представители других народов, чтившие семью Алиевых, и цветы не увядали там. Служители Новодевичьего рассказывали, что Гейдар Алиев приезжает сюда каждый день...

Ильхам Алиев в окружении верных друзей переживал за мир, осиротевший без матери, думал о том, как утешить отца. На его долю выпала боль от невозполнимой утраты и забота о любимом отце.

Оставалось немного времени до других тяжелых событий, еще более усугубивших положение в республике и нанесших удар по здоровью великого лидера.

В июне 1993 года незнакомая женщина, увидевшая меня на Новодевичьем, у могилы Зарифы ханум, неожиданно подошла и представилась, ее звали Тamarой, спросила, кем я довожусь покойной. Узнав о том, что питаю особую симпатию к алиевской семье, о том, что дружу с Ильхамом, она расчувствовалась. Я сообщил, что командирован ИТАР-ТАСС в Баку и, вероятно, увижусь с Гейдаром Алиевым. Она попросила меня передать, что всегда будет чтить память Зарифы ханум, не оставит ее последний приют без ухода и заботы.

В Баку, в кабинете Гейдара Алиева, только что избранного председателем Милли меджлиса, на исходе беседы я передал ему слова

простой московской жительницы.

Взгляд его устремился вдаль. Он на миг отвлекся от бесчисленных бед Азербайджана, бремя которых взвалил на себя в самую критическую пору республики, мысленно вернулся к дням минувшим. Увы, и его личную жизнь не обошла тоска утраты.

Быть может, ему вспомнилось последнее письмо Зарифы ханум...»

Глава шестнадцатая

ПРИЗВАНИЕ — СУДЬБА — ЖИЗНЬ

Жизнь оценивается не по продолжительности, а по значимости.

Сенека

Бывший первый секретарь Ленкоранского райкома партии Дильруба Джамалова (в 2009 году ушедшая из жизни) вспоминала примечательные подробности, связанные с приездом четы Алиевых в этот южный регион. Они прибыли в Ленкорань вместе с юным сыном Ильхамом. Несколько часов были отведены на отдых и общение с благодатной природой этого края.

«Это было в 1982 году. После посещения хозяйств мы отправились на водохранилище Ханбуланчай, где в гостевом доме уже остановились Зарифа ханум с Ильхамом. Здесь все было готово для проживания и отдыха. Для Гейдара муаллима мы приготовили несколько комнат (мы их называли “апартаменты Кекконена”). Проводив Гейдара Алиевича в отведенную комнату, я спустилась на кухню. Вижу: личная повариха первого лица, Сона, верховодит там. А мы-то наготовили столько кушаний! Мне сказали, что Гейдар Алиевич ест только приготовленное ею. Она была и поваром, и врачом. Сона уведомила меня, что должна проверить наши яства.

— Пожалуйста, — говорю ей, — проверяйте. Гейдар муаллим с супругой и сыном пожаловал в Ленкорань, он наш гость, и надобно, чтобы он отведал ленкоранские блюда.

— Это совершенно невозможно, — возразила Сона.

Я дала указание своим людям, чтобы все держали наготове, но без меня не подавали на стол. Причем чтобы всего было понемногу. Мы приготовили различные угощения и хотели, чтобы гости попробовали их все. Зарифа ханум обеспокоилась и сказала супругу:

— Это тебе вредно, нельзя есть. Будь осторожен.

Гейдар муаллим отшучивался:

— Мы прибыли в Ленкорань в гости к Дильрубе ханум и должны

подчиняться ей.

У нас тогда сложились прекрасные отношения, и я принялась уговаривать:

— Попробуйте плов с чечевицей.

— Да, — отозвался он, — с тех пор, как скончалась моя мать, я не ел такой плов.

— Тебе нельзя, — вновь забеспокоилась Зарифа ханум.

В то время у Гейдара Алиевича были проблемы с желудком, поэтому всё ему готовили в духовке. Но все предложенные нами угощения он с удовольствием отведал. Вероятно, соскучился по таким яствам.

— А теперь позвольте подать на стол жареный кутум, — сказала я; всякий раз перед подачей нового блюда я испрашивала у него разрешения.

— Пусть подают. Поглядим.

Подали кутум. Наш гость и его отведал.

Я знала, что ужинать и завтракать наутро он будет у нас. Поэтому старалась каждый раз разнообразить меню.

Вечером отправились катером на прогулку по Ханбуланчайскому водохранилищу. Он не очень хотел этого, но я уговорила его посвятить прогулке минут десять — пятнадцать.

За нами следовал катер охраны. Во время прогулки я завела разговор о ленкоранских лесах, наших уникальных деревьях и фауне... Со всех сторон водохранилище обступал лес, создавая чарующую картину.

— Действительно, как здесь красиво! — восхищенно сказал он. — Зарифа! Как только вернемся в Баку, я отправлю тебя с Севой сюда. Приедете к Дильруббе ханум, отдохнете на славу.

С сопровождающего катера нас фотографировал Исай Рубенчик. Впоследствии эти снимки были включены во многие фотоальбомы, посвященные Президенту.

Наутро Гейдар Алиевич отправился в Астару, а мы с Зарифой ханум и Ильхамом — прогуляться по городу. Побывали в Исти-су (курортное местечко), потом углубились в лес, к роднику. Туда мы водили президента Финляндии Койвисто и других высоких гостей. Финский гость по возвращении сказал: “В таком волшебном лесу нельзя разъезжать на машине. Здесь надо ходить только пешком”. Весь четырехкилометровый путь он и отмахал пешком, и наши люди едва поспевали за высокорослым президентом, шагавшим метровыми шагами. Туда я и повезла Зарифу ханум с Ильхамом. Очаровательный заповедный уголок, горные склоны, густые леса, родник со студеной водой, от которой ломит зубы... Никакого холодильника не нужно — стоит только опустить прихваченные в дорогу

фрукты в воду.

Нас уже ждал чайный стол: домашнее масло из пахталки, мед, свежие дары сельской местности. Кипел самовар. До лесной тропы доехали на машине. Дальше метров сто-двести предстояло подниматься пешком.

— Дильруба ханум, ноги мои разболелись, — посетовала Зарифа ханум. — Давайте посидим там минут десять и вернемся.

Поднимаясь по горной тропе, Ильхам поддерживал маму. Наконец добрались до родника.

Лесник расстелил уже там ковер, накрыл скатерть, все честь по чести. Расселись, завязался разговор. Зарифа ханум расспрашивала лесника о флоре и фауне этих мест, об особенностях реликтовых деревьев. Так, чаевничая и беседуя о том о сем, мы просидели минут сорок. Ильхам напомнил:

— Мама, ты же намеревалась провести здесь всего минут десять...

— Но здесь такой прекрасный воздух, кристально чистый, просто упоительный! И это в разгар лета! (Было 30 июня) А вода какая чудесная! Обычно я не пью сырую воду, а тут вволю напилась.

Словом, Зарифа ханум осталась довольна прогулкой. Позвонив дочери Севиль, она поделилась своими впечатлениями. В то время у Севиль только-только родилась дочь.

— Внучка моя еще кроха, — сообщила Зарифа ханум, — потому не взяла ее с собой. Хотя Гейдар Алиевич настаивал: давайте поедem все вместе, возьмем и Севиль с ребенком.

Возвращаясь в Баку, Гейдар Алиевич сказал мне:

— Вот чуть покрепнет малышка, я обязательно отправлю мою дочь с Зарифой к тебе. Ты их поведи на прогулку по городу, повези на Ханбуланчай, в Кызылагач (заповедник. — Г. М.). За гостеприимство — большое спасибо. Я здесь от души отдохнул...»

Невозможно не привести на страницах этой книги и воспоминания **Беюкханум Назировой, известного врача**, невестки выдающегося медика Абульфаза Караева. Она была супругой покойного Мурсала Караева, также работавшего на поприще медицины, главным хирургом республики. Всемирно известный композитор Кара Караев был братом Мурсала — деверем Беюкханум Назировой. Брат Зарифы ханум, Джамиль Алиев, был в свое время студентом Мурсала Караева. С другой стороны, Мурсал муаллима связывали узы близкой и крепкой дружбы с Кямилем Алиевым, двоюродным братом Зарифы ханум, выдающимся художником, внесшим неограниченный вклад в развитие искусства азербайджанского ковроткачества. Эти друзья — врач и хирург — были заядлыми охотниками, часто

выбирались на природу. Их семьи связывали теплые, доверительные отношения.

Беюкханум Назирова, погружаясь в воспоминания, перебирает в памяти былое, и лицо ее озаряется тихим светом.

«Не одна я вспоминаю с любовью Зарифу ханум и ее семью. Ее знали все — и стар и млад. И знали не только благодаря именитой родословной. Зарифа сама была необыкновенным человеком. Все лучшие черты, присущие нашему народу, вы можете найти в лице Зарифы ханум. Я знала ее со студенческих лет. Небольшого роста, умница, дочь славных родителей. При всем этом — со всеми держалась и обращалась просто, искренне, тепло. Каждый раз при встрече с ней меня охватывало чувство радости, как при встрече с родным человеком.

О спутнике моей жизни, Мурсале Караеве, в Баку издана книга воспоминаний под названием “Доктор Караев”. Писатель Анар, предваривший книгу своим предисловием, начинает его такой фразой: “Есть такие семьи, такие династии, которые являются не только очень значимыми ячейками общества, но, быть может, его опорными колоннами”. Верно говорит Анар, это действительно так. Последние полтора века дали много знаменитых династий, чьим духовным наследием могут гордиться не только носители этих фамилий, но и вся нация, и даже народы мира. Память о таких фамилиях свято чтут и в Азербайджане, и за его пределами: это род Джаваншира^[22], Бакихановых, Рафибейли, Алиевых, Топчибашевых, Караевых, Векиловых, Шихлинских и другие.

Народ черпал и черпает духовное наследие выдающихся представителей этих фамилий, гордится их благородными свершениями. Такие личности внесли неопределимый вклад в формирование и возвышение нации, в утверждение национальных ценностей, являли пример бескорыстного и самоотверженного служения отечеству. Родоначальники этих династий — мудрые и дальновидные первостроители, предопределявшие развитие общества на десятилетия и столетия вперед. И, естественно, новые поколения, берущие пример с великих предтеч, станут источником гордости для своих потомков.

Зарифа ханум являлась достойнейшей представительницей двух славных родов — Алиевых. Была дочерью Азиза Алиева и невесткой другой семьи Алиевых. И умножила славу обеих фамилий. Я знала и братьев, и сестер Зарифы ханум, их детей. С каждым из них, со всеми членами их семей у нас были самые добрые связи.

Жизнь отца Зарифы ханум, Азиза Алиева, была отмечена трудными, подчас драматичными испытаниями. (В предыдущих главах нашей книги

мы подробно освещали перипетии судьбы Азиза Алиева. — Г. М.).

Зарифу ханум с Гейдаром Алиевым сблизила большая взаимная любовь, совпавшая с периодом несправедливой опалы ее отца. Но они создали семью. Впоследствии, когда Гейдар Алиев поднялся в высший эшелон власти, ему самому пришлось пережить клеветнические нападки и столкнуться с кознями высокопоставленных завистников.

Партийная номенклатура инспирировала настоящую травлю Алиева — и в Москве, и в Баку. Это очень болезненная и горькая история. Напоминая о ней, хочу сказать: Зарифа ханум разделила трудности судьбы и своего отца, и своего мужа, волновалась за них, соперничала в тяжелые дни.

Многие полагают, что жизнь детей руководящих лиц — сплошная тишь да гладь, божья благодать. А я думаю иначе. Судьба сложилась так, что чувство ответственности за свое доброе имя, за честь семьи, которое усвоила Зарифа ханум в отчем доме, еще больше обострилось в доме, куда она вошла женой. Ведь она была верной спутницей жизни Гейдара Алиева, руководившего Азербайджаном, а затем поднявшегося на высшую ступень власти в 25миллионной державе...

Я посвятила всю свою трудовую жизнь профессии врача. Потому хорошо знаю о свершениях Зарифы ханум как прекрасного медика, талантливого ученого, самоотверженного организатора здравоохранения. Мы гордимся ею. Но, повторяю, несмотря на свой статус супруги первого лица республики, одного из руководителей Союза, к каждому из нас она относилась как к близкому и родному человеку. Была проста, искренна. Не секрет, что у нее, как у дочери Азиза Алиева, как у супруги Гейдара Алиева, имелась возможность оказать помощь и содействие любому просителю. Правда, как у всех государственных деятелей, их семейная жизнь, можно сказать, находилась в сфере конфиденциальности. Без ведома и согласия Гейдара Алиева никто бы не посмел приватно поговорить с членами его семьи. Тем не менее Зарифа ханум оказывала помощь и содействие многим молодым коллегам в их профессиональном становлении, в научном развитии, протянула руку помощи тысячам простых тружеников, нуждавшихся в исцелении, в медицинском уходе, и мы с благодарностью вспоминаем ее добрые дела.

Мой деверь, композитор Кара Караев, был любимцем семьи Алиевых. Я неоднократно оказывалась свидетелем разговоров о Караеве: чего только не сделал Гейдар Алиев ради того, чтобы талант композитора заблистал во всей его мощи! И Кара Караев не мог нахвалиться на радушие этой семьи, восхищался благородными человеческими качествами, высокой культурой Зарифы ханум. Вспоминаю такой случай. Как-то мой муж, Мурсал Караев,

со своими друзьями-художниками Кямилем Алиевым и Таиром Салаховым отправились в аэропорт встречать гостя. Самолет из Москвы задерживался на несколько часов. По предложению Кямиля друзья наведались в дом Гейдара Алиева, тогда работавшего в КГБ. Посидели час-другой за столом, поели, попили и двинулись на машине в аэропорт. По дороге Таиру Салахову захотелось самому повести машину, и он сел за руль. И в районе поселка Сабунчи произошла авария: их машина столкнулась с другим автомобилем. Таир с Мурсалом получили травмы: у одного — перелом ноги, у другого — руки... В полночь, узнав о беде, Гейдар Алиев и Зарифа ханум тотчас приехали в больницу. Естественно, незадачливым пациентам оказали всемерную помощь. Вплоть до полного их выздоровления Зарифа ханум постоянно звонила в клинику, справляясь о состоянии больных.

Говоря о жизни Зарифы ханум, нельзя не сказать о Джамиле Алиеве — самом младшем из детей семьи Азиза Алиева. Джамиль Алиев, продолжая фамильную традицию, внес большой вклад в здравоохранение Азербайджана. Он автор более двухсот пятидесяти научных трудов, опубликованных во многих странах, в том числе восьми монографий, а также двадцати методических пособий, изобретений и рационализаторских предложений. Академик Джамиль Алиев создал в республике онкологическую школу. Под его руководством прошли подготовку сорок клинических ординаторов, свыше тридцати молодых исследователей защитили кандидатские, трое — докторские диссертации. В 1979 году за монографию «Лечение кожных опухолей», созданную в соавторстве, Джамиль Алиев был удостоен премии Н. Н. Петрова АМН СССР. Под руководством Джамия Алиева ведутся исследования по ранней диагностике и комплексному лечению рака молочной железы. В процессе научных исследований осуществляется широкий обмен опытом с зарубежными онкологическими центрами. Эти работы направлены на изучение причин возникновения и развития злокачественных опухолей, их клиническую диагностику и лечебную профилактику.

С 1994 года и поныне Джамиль Алиев руководит кафедрой онкологии Азербайджанского государственного института усовершенствования врачей, возглавляет Республиканский научно-онкологический центр. В 1973–1978 годы он вел исследовательскую работу как старший научный сотрудник во Всесоюзном онкологическом центре; в 1973 году защитил кандидатскую, а через четыре года — докторскую диссертацию. За заслуги в развитии медицинской науки в 1996 году профессор Джамиль Алиев был удостоен премии имени академика Юсифа Мамедалиева. В 2001 году он был избран действительным членом Российской академии медицинских

наук и Азербайджанской национальной академии наук.

Академик Джамиль Алиев как председатель Научно-медицинского общества онкологов республики, главный онколог Минздрава Азербайджана, член Онкологического общества России и Европы, член РАМН и Нью-йоркской Академии наук, профессор Британского Королевского университета Хаммера— Смирта являет собой пример удивительно активной личности, занимающейся успешной организаторской и творческой деятельностью.

Гуманистическая и благородная традиция Алиевых в нашем здравоохранении достойно продолжается и поныне: дети Джамилы Алиева — Ирада и Азиз — также являются врачами».

14 апреля 1999 года в Театре песни имени Рашида Бейбутова прошла презентация книги-альбома «Зарифа ханум Алиева». **Гейдар Алиев** вновь вспоминал светлые и святые дни, прожитые с Зарифой ханум:

«Сегодняшняя церемония еще раз вернула меня к дням четырнадцатилетней давности. Сколь много лет ни минуло, наша семья по-прежнему ощущает горечь этой утраты. Я полагаю, не только мы, но и мои внуки будут жить с этим чувством. Дорогая, незабвенная для всех нас Зарифа ханум всегда будет жить в наших сердцах.

... Здесь уже неоднократно отмечалось, что одной из прекраснейших черт Зарифы ханум являлась та, что она была большой оптимисткой. Для нее основным условием было доброе отношение к людям. Она любила людей, и люди любят ее. Поэтому этот вечер называю своеобразным вечером дружбы, единения. И эта самая замечательная дань памяти Зарифы ханум...»

В 2005 году в Таллине по инициативе Ассоциации национальных обществ культуры тюркских и кавказских народов был создан Народный университет восточной культуры имени академика Зарифы Алиевой. Об этом правительство Эстонии приняло специальное постановление. Деятельность университета частично финансируется из госбюджета Эстонии.

22 мая 2009 года в Баку состоялось открытие нового здания НИИ глазных болезней имени академика Зарифы Алиевой, оснащенного новейшим медицинским оборудованием, приборами, лабораториями. В своей речи на церемонии открытия **Президент Азербайджанской Республики господин Ильхам Алиев** сказал:

«Зарифа Алиева была и очень талантливым, знающим ученым, и в то же время профессиональным, заботливым врачом. Ею написано множество монографий, научных работ. Ее научная деятельность была высоко оценена

в тогдашнем советском пространстве. Самая высокая награда в области офтальмологии — премия имени М. И. Авербаха — была присуждена академику Зарифе Алиевой. Многогранна ее деятельность и как врача-исследователя. В 1970—1980-х годах по ее инициативе на нескольких промышленных предприятиях были созданы научно-исследовательские лаборатории. Основной целью этих лабораторий стало изучение влияния вредных производств на зрение людей, и обыкновенные люди, рабочие, получали квалифицированную медицинскую помощь в тех маленьких центрах. Тысячи людей благодаря Зарифе Алиевой смогли восстановить свое зрение. В то же время она осталась в нашей памяти как незабываемый, прекрасный человек и очень хороший врач. Сегодня в этом прекрасном центре, носящем ее имя, еще раз хочу сказать: здесь есть все условия для проведения самых сложных операций. Здесь есть и возможность заниматься научной деятельностью. В то же время здесь находится и детское отделение... Этот институт в подлинном смысле слова — незаменимое медицинское учреждение для региона. Я не исключаю, что сюда на лечение будут приезжать и люди из зарубежных стран».

Личный фотохудожник Гейдара Алиева Рафик Багиров, запечатлев на снимках и радостные, и печальные, и сложные мгновения жизни азербайджанского национального лидера, создал ценнейший для истории фонд иллюстрированных материалов. Рафик муаллим с высоким профессиональным искусством перенес в фотопамять образ великого лидера, его лицо в минуты волнения, воодушевления, радости, и его глаза, затуманенные слезами в момент душевного потрясения. Рафик Багиров вспоминает, как глаза этого мужественного человека наполнились слезами при посещении последнего приюта Зарифы ханум в Аллее почетного захоронения; но бывало, что лицо Гейдара Алиева, узнавшего добрую весть, светилось радостью, и тогда проступали слезы счастья.

Рафик Багиров рассказывает:

«Это было в первые дни августа 1997 года. Президент находился в США с официальным визитом. После встречи с Биллом Клинтонем мы прибыли в Хьюстон, и здесь узнали радостную весть: Гейдар Алиев в очередной раз стал дедушкой. Обычно сдержанный, сейчас Президент не скрывал счастья. Повидался со всеми членами делегации, принимая их поздравления. За последние годы не помню, чтобы Гейдар Алиев так ликовал. На обратном пути в Баку он остановился в Лондоне и отправился в клинику, где находился новорожденный внук. Президент в буквальном смысле слова бежал на эту встречу. Когда ему показали внучонка, у него на глазах выступили слезы. И он провозгласил торжественным и

одновременно дрогнувшим голосом: “Нарекаю этого малыша Гейдаром!” У всех, находившихся в палате, повлажнели глаза...»

Сейчас мы думаем с грустью: дожила бы Зарифа ханум до этого дня, испытала бы это счастье и тоже прослезилась, приласкав долгожданного младенца, осыпая его поцелуями, и сказала бы спутнику жизни своей: «Поздравляю тебя, Гейдар! С появлением на свет внука нашего — Гейдара!»

Если бы увидела она у семейного очага двух Гейдаров, дедушку и внука, связанных друг с другом безмерной любовью, если бы видела, как подросший внучок, провожая деда на работу, по обычаю выплескивает вслед воду.

Если бы дожила она до свадьбы первой внучки — Лейлы, увидела бы ее в свадебном платье, благословила, провожая в дом жениха, пожелала бы счастья молодым... Если бы увидела прекрасных малышей — Али и Микаила... А какой гордостью и счастьем преисполнилось бы ее материнское сердце, доживи она до дней, когда ее сын Ильхам стал президентом нового Азербайджана! Если бы узрела достойные свершения сына на посту главы государства, возвышение республики, занятой созиданием, грандиозное строительство, хорошеющий день ото дня Баку. Если бы воочию наблюдала достойное продолжение священного завета — отдать все силы сердца и души народу и Отечеству, чему следовали и Азиз Алиев, и Гейдар Алиев, завета, который ныне успешно осуществляет ее сын.

Да, она прожила недолгую жизнь. Но значимость человеческого существования определяется совсем не количеством прожитых лет, а их деятельным, творческим наполнением, духовной энергией и благом, принесенным людям и обществу. Каждый прожитый день Зарифы ханум отмечен искренним и горячим стремлением — служить народу. И не только пережитые ею счастливые дни, не только события, связанные с ее близкими, с ее народом, с Отечеством, возрадуют ее душу, незримо присутствующую в бессмертной памяти поколений.

Некогда великий мыслитель Гегель писал о долге человека перед самим собой, перед семьей, перед государством, перед другими людьми. Ощущение, следование внутреннему долгу, по мысли философа, делает человека человеком, возвышает в повседневных заботах и делах. Зарифа ханум явила пример прекрасного выполнения этого трудного и высокого предназначения за годы отпущенного ей судьбой земного срока.

Последнее письмо

«Не беспокойся из-за меня, смотри хорошенько за детьми. Не забывай, что я люблю тебя.

Не забывай, что я люблю тебя!».».

Баку

2007–2010 гг.

Основные даты жизни и деятельности Зарифы ханум Алиевой

1923, 28 апреля — в Нахчыване, в селе Шахтахты Шарурского района родилась Зарифа Азиз кызы Алиева.

1932–1942 — учеба в средней школе.

1942–1947 — студентка лечебно-профилактического факультета Азербайджанского государственного медицинского института.

1948 — курсы по специальности офтальмологии в Московском центральном институте усовершенствования врачей.

1949–1950 — ординатор Азербайджанского Научноисследовательского института офтальмологии.

1950–1953 — оканчивает аспирантуру и становится научным сотрудником Азербайджанского научно-исследовательского института офтальмологии.

1954 — выходит замуж за Гейдара Алиева.

1955, 18 октября — у Зарифы и Гейдара Алиевых родилась дочь Севиль.

1960 — Зарифе ханум присвоена степень кандидата медицинских наук.

1961, 24 декабря — у Зарифы и Гейдара Алиевых родился сын Ильхам.

1967 — Зарифа ханум — доцент кафедры глазных болезней Азербайджанского государственного института усовершенствования врачей имени А. Алиева.

1977 — доктор медицинских наук.

1980 — Заслуженный деятель науки Азербайджана.

1981 — первая женщина, получившая премию М. И. Авербаха.

1982 — награждается медалью «Ветеран труда», становится членом редколлегии всесоюзного журнала «Вестник офтальмологии», членом Всесоюзного научного общества офтальмологов и членом Комитета по защите мира.

1983 — становится академиком Академии наук Азербайджанской Республики.

1985, 15 апреля — скончалась в Москве.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто помогал в работе над книгой о Зарифе ханум Алиевой. В первую очередь это:

Алиев Ильхам Гейдар оглы, сын Зарифы ханум, Президент Азербайджанской Республики;

Алиева Мехрибан Ариф гызы, невестка Зарифы ханум, депутат Милли меджлиса, президент Фонда Гейдара Алиева, посол доброй воли ЮНЭСКО, посол доброй воли ИСЕСКО;

Пашаев Ариф Мир Джалал оглы, академик, доктор физикоматематических наук, ректор Национальной академии авиации Азербайджана;

Алиева Лейла Ильхам гызы, внучка Зарифы ханум, аспирантка МГИМО, руководитель Русского представительства Фонда Гейдара Алиева.

А также:

Исмаилов Чингиз Тофик оглы, помощник депутата Милли меджлиса;

Мехтиев Рамиз Энвер оглы, руководитель Администрации Президента Азербайджанской Республики;

Абдуллазаде Фатима Гусейн гызы, заведующая отделом гуманитарной политики Администрации Президента Азербайджанской Республики;

Алиев Джамиль Азиз оглы, академик, доктор медицинских наук, главный онколог Минздрава Азербайджана;

Караев Абульфаз Мурсал оглы, министр культуры и туризма АР;

Керимов Махмуд, академик, Президент Азербайджанской национальной Академии наук;

Ахундова Эльмира, писатель, журналист, депутат Милли меджлиса;

Ибрагимов Эльдар Рза оглы, депутат Милли меджлиса, Председатель Комитета;

Мирзаде Рейхан Сабир гызы, публицист-политолог;

Махмудов Али Абульфат оглы (Али Махмуд), поэт-публицист;

Наджафова Светлана, заслуженный журналист Азербайджана;

Габиб Рагим оглы, Агаев Хосроф, Мусаев Талыб — бывшие партийные работники;

Сердаров Закир, историк.

Благодарим за помощь сотрудников Национального архивного управления Азербайджана, библиотеки имени М. Ф. Ахундова и библиотеки Азербайджанской национальной Академии наук.

Литература

Периодические издания

Azərbaycan qadını. 1981. № 10.

Azərbaycan dünyası. 1983. № 1.

Azərbaycan kommunisti. 1983. № 1.

Azərbaycan qadını. 1995. № 1.

Elm və həyat. 1982. № 5.

Книги

Аббасов Вагиф. «Философия лидерства». Баку, 2004.

Абдуллазаде Фатьма. Зарифа ханум Алиева: Фотоальбом. Анкара, 1998.

Академик Зарифа Алиева. Баку, 1996.

Академик Зарифа Алиева: Воспоминания. Баку, 2003.

Алиева Алима. Моя духовная мать. Баку, 2008.

Алиева Зарифа ханум. Высокое кредо (Врачебная этика). Баку, 2003.

Ахундова Эльмира. Гейдар Алиев: Личность и время». Баку, 2008.

Гусейнли Байрам. Гейдар Алиев: прожитая и животворящая жизнь. Баку, 2008.

Ильяс Гаджи. Ильхам Алиев: Я готов к любой борьбе. Баку, 2003.

Караев Абульфаз. Гейдар Алиев и культура. Баку, 2008.

Магомаев Муслим. Живут во мне воспоминания. М., 2009.

Мехтиев Рамиз. Человек, изумивший мир. Баку, 2004.

Озеров Михаил. Ильхам Алиев: Я верю в мой Азербайджан. Баку, 2008.

Сеидов Миркязим, Рзаев Мамед. Гений, опередивший время. Баку, 2008.

Слово аксакала: Сборник /Под ред. Будага Будагова. Баку, 1998.

Талыблы Таир. Азиз Алиев: эпоха, жизнь, личность. Баку, 1997.

Улькю Ирфан. От красной звезды до полумесяца: Жизнь Гейдара Алиева. Баку, 1994.

Яхьяев Теймур. Две жизни в одной судьбе. Баку, 2007.

Помимо названных источников использованы многочисленные материалы, опубликованные в разное время в газетах «Коммунист»,

«Азербайджан», «Халг газети», «Республика», «Панорама», «Ики сахил», «Йени Азербайджан», «Бакинский рабочий», «Гюнай», «Шафгат», «Елм газети», «525-я газета», «Меденийет», «Путь, ведущий в Карабах».

INFO

Мираламов Г. Ф.

М 64 Зарифа Алиева /Гусейнбала Мираламов — М.:
Молодая гвардия, 2010. — с.: ил. — (Жизнь замечательных
людей: сер. биогр.; вып. 1455(1255)).

ISBN 978-5-235-03359-7

УДК 617.7(479.24)(092)

ББК 56.7 г(5Азе)

Мираламов Гусейнбала Фазирович

ЗАРИФА АЛИЕВА

Главный редактор *А. В. Петров*

Редактор *Е. В. Смирнова*

Художественный редактор

Технический редактор

Корректоры

notes

Примечания

Дастан — это героическая или романтическая поэма в литературе и фольклоре народов Востока. Пишется стихами или прозой со стихотворными вставками. — *Здесь и далее примеч. автора.*

Буквально: «Да прояснятся очи ваши!» — идиоматическое выражение, по смыслу — поздравление с радостным событием.

«Гурбан олум» (*азерб*) — «Паду жертвой» — традиционное ласковое обращение.

4

Ичери шехер (Внутренний город — исторический центр Баку, построенный в Средние века.

Оглан (*азерб.*) — парень, молодой человек.

6

Дайи (азерб.) — дядя по матери.

Иззет ханум — мать Гейдара Алиева.

Анаджан (*азерб*) — мама.

Мешади Азизбеков — один из руководителей Бакинской коммуны и 26-ти бакинских комиссаров.

Очевидно, речь идет о восприятии тех или иных эпизодов художественных произведений.

Эта песня завоевала популярность в прекрасном исполнении Рашида Бейбутова.

«Книга Деде Горгуда» — древнетюркский эпос.

Бабек — легендарный предводитель борьбы против нашествия войск халифата.

Андрянов В. И., Мираламов Г. Ф. Гейдар Алиев. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2006.

В то время мэр Баку.

Впоследствии прах Зарифы ханум Алиевой был перезахоронен в Баку, в Аллее почетного захоронения.

Узеир Гаджибеков — великий азербайджанский композитор.

Стихи цитируются в переводе Сиявуша Мамедзаде.

В начале октября 1994 года в Баку группа вооруженных лиц из отряда ОМОН, подстрекаемая оппозицией, предприняла попытку государственного переворота, потерпевшую крах.

10 мая 1998 года Гейдару Алиеву исполнилось 75 лет.

Андрянов В. И., Мираламов Г. Ф. «Ильхам Алиев». М.: Молодая гвардия, 2007.

Джаваншир — правитель древнего Азербайджана, его потомки были владельцами Карабахского ханства.